

ВЫЖИГАЮ ИМЕНА В СЕРДЦЕ СВОЕМ

ИДЕИ И СВЕТОДИОДЫ

Мирные деньки незаметно сменяли друг друга, а шумная семейка фермеров-плотников не давала заскучать в пропитанном спокойствием городке Нариме. Ян Башазаг уже давно доверился размеренному укладу жизни, однако только переведенный однокурсник разрушил этот мираж идиллии и покоя, подобно шаткому карточному домику. Былая реальность Яна сокрушается под разрушительным вихрем судьбы и разворачивается на 180 градусов, с корнем вырывая все, что он так горячо любил: соседских бабушек, чтение книг по травам, как ни странно, раздражающих Башазаг. Злополучная встреча с Уфиром забирает все, ровным счетом как и саму скоротечность жизни. В поисках спасения от гибели юноша отправляется в далекое странствие, встречая на своем пути знакомых, что принесут с собой не только смех, но и горечь потерь.

Тёмное пространство подступало к со всех сторон. Плотная дымка, вырисовывая в воздухе затейливые и лишь свыше известные узоры, затуманивала взор. Мрак сгущался, тяжелел и плотными, почти осязаемыми парами скорби и безнадёги медленно проходил по гортани и мягко оседал на стенках лёгких.

С безвозвратно утекающим временем юноша только сильнее терялся в крохотном распадающемся мире. Сколько бы секунд ни прошло, их скоротечности не изменить.

Тягуче, капля за каплей, презрение, вина, необратимость и безысходность заполняли надтреснутый сосуд. Он тихо принимал это, поглощал и разрушался.

Забытая в клетке птица давно сдалась. Она устала биться о жёсткие прутья, ломая в кровь хрупкие крылья, и упрямо, сквозь возрастающую боль, повторять попытки выбраться. Свобода не вселяла надежды или уверенности. Не ждала впереди за ускользящим поворотом, украдкой подсматривая за потугами бедняжки. Она громко, без зазрения совести насмеялась над справедливостью и непомерностью цены, которую по незнанию за неё заплатили. Хвасталась этим перед Вечным Круговоротом жизни, глумилась и, не дождавшись иной реакции, кроме немого укора в глазах несчастной, ушла и не обернулась.

А птица-пленница всё продолжала давиться опостылевшим воздухом, утопая в непреодолимом омуте пустых страданий и кричащего безмолвия утрат. Спустя тысячи истончившихся сдавленных хрипов Смерть пожалела кроху, затягивая в желанные объятия.

Глава 1

Часть I

Глава 1

Нарим, юго-восток Пансо.

В солнечном Нариме царило вечное лето, и только смутные проблески краткой зимы в конце ноября и начале декабря навещали жаркие земли. Именно в это время, для многих олицетворяющее грусть и тоску, наримцы чувствовали себя наиболее счастливыми. На улице с утра пораньше звучал громкий детский смех, из пекарен доносился сладкий аромат запечённых яблок.

Улицы были сплошь завешаны маленькими красными фонариками, озарявшими вечерние узкие улочки тёплым светом. На площади жители оживлённого городка устраивали затягивавшиеся допоздна посиделки, кутаясь в тёплые одежды и грея руки о горячие жестяные кружки. Дымок, поднимавшийся от травяного напитка, не столько согревал продрогшие от непривычного холода тела, сколько дарил атмосферу уюта и комфорта собравшимся гостям.

Охмелевшие родственники рассказывали весёлые истории со свадьбы младшего племянника двоюродной бабушки с маминой стороны, недавно прибывшие перемывали косточки оставшимся на малой родине, таким же родственникам, но уже своим. Но всё стихало с шестью ударами гонга, когда полное красное солнце ныряло в круглое отверстие меж двух сплетшихся деревьев на холме Собравшихся, знаменуя первый в этом году снег, как и почитаемый старшим поколением День воссоединения родных.

Каждые шесть лет жители Нарима и уже ставшие постоянными гости из соседних деревень собирались, чтобы отметить местный праздник — День Свободы, что тысячью прозрачных стрекоз проносился над утопающим в холодном свете Наримом. Не было ни одного клочка травы, на который бы ни упал отблеск маленьких жемчужных крыльев. Их мягкий серебряный свет неспешно переливался в глазах замороженных неопикуемой красотой зрителей.

Будто играясь, стрекозы летали над головами собравшихся, то и дело меняя траекторию и вызывая этим изумлённые возгласы публики. После эти крошечные существа медленно, со свойственной им грациозностью, подлетали к жителям городка и начинали своё волшебство. Кружась в воздухе, с последними лучами заходящего солнца, они приоткрывали тайную завесу утерянной магии. И в этот краткий чудный миг город погружался в приятную тишину. Весь мир в одночасье замирал, и только быстрые взмахи крыльев стрекоз оповещали об их скором исчезновении.

Накрывшая город тьма понемногу начинала захватывать метры каменных дорожек и пролёты одноэтажных домов. И только призрачная ностальгия, греющая трепыхающиеся сердца, никуда не отступала.

Вспоминалось беззаботное детство под ругань уставшей мамы, вечно хлопчущей с плетёными корзинками, до отказа наполненными белоснежными простынями. Приятно отдающий полевыми цветами запах шлейфом следовал за каждым шагом «домоправительницы», любезно названной так собственными детьми. На заднем фоне отец копошился в огороде, причитая, что этот совсем ещё юный, собственноручно разбитый

огород в будущем принесёт огромные плоды, которыми можно будет не только прокормить всё семейство, но и угощать добродушных соседей в придачу. В особо неприветливых всегда можно будет пальнуть прогнившей картошкой или переспевшим помидором. Где-то на улице, за деревянным, слегка перекошенным забором, можно было увидеть младших братьев и сестёр, весело бегущих наперегонки и по пути успевающих проговаривать желанные призы по случаю победы.

Картинка за картинкой мелькали в быстром калейдоскопе воспоминания, утерянные в течение безутешной жизни. Что-то давно забытое всплывало перед глазами и нежно улыбалось. Укутывало с родительской любовью и заключало в тёплые крепкие объятия, напоминая, что они приглядывают за мятежными головами своих детей свыше. Ну, а сейчас над солнечным Наримом, в прошлом — поприще военных действий, тысячи мерцающих стрекоз взмывали к чарующей полной луне, обещая вернуться и так же ласково всех поприветствовать вновь. Не смотря на время и расстояние.

* * *

— Мам, как думаешь, был ли прадедушка Лев рад победе? — частое шмыганье носом разбавляло зыбкую тишину. Пшеничного цвета волосы слабо колыхались на ветру, создавая в воздухе тысячи маленьких паутинок. Девочка-подросток тонкими пальчиками крепко обхватила жилистую руку матери, с каждым дуновением ветерка стискивая её всё крепче. — Бабушка всё чаще вспоминает его в последнее время.

Гуляющие по вечернему городу семьи медленно разбредались по домам, оживлённо перешёптываясь с домочадцами и пересказывая, какое видение им передали маленькие стрекозы. Для кого-то это были картинки, для кого-то — звуки. Для менее удачливых — нелестные выкрикивания и дальнейшие причитания.

— Не знаю, — после небольшой паузы ответил низкий выразительный голос, — но в одном я уверена точно. Он будет грустить, если мы не сможем сохранить этот хрупкий мир, который достался им с таким трудом. Дедушка многое сделал для нас. Благодаря ему мы свободно покупаем, продаём, производим, строим дома и города, не боясь, что у нас это отнимут. За эту возможность он отдал жизнь, как и сотни таких же смелых солдат.

Выдохнув тёплый клубок пара, миссис Башазаг порылась в глубоком кармане тёмного плаща и извлекла оттуда вязанные жёлтые варежки, всегда лежавшие там на случай подобных чрезвычайных ситуаций. Миропия озорно улыбнулась, протягивая женщине свои трясущиеся ручки, на что Ярослава насмешливо фыркнула.

— Что до бабушки, с каждым днем её память всё больше напоминает маленькое сито. Чем больше хочешь вместить, тем больше вываливается за края, а слишком мелкие крупинки и вовсе перетираются между собой и, измельчаясь, пропадают. Поэтому редкая возможность вновь пересмотреть моменты юности и молодости представляет особенную ценность.

Тепло улыбнувшись, Ярослава наклонилась к дочери и легко поцеловала ту в лоб. Улучив момент, невысокая женщина щёлкнула Миру по носу, после чего резко рванула вперёд.

— Не время грустить в такой прекрасный день. Если вы не помните, то дома куча вкусной еды и ещё больше невымытой посуды после буйного застолья, — хитрая улыбка окрасила румяное от холода лицо. — Кто последний, тот и будет завтра наводить в доме порядок.

Показав всем язык, Ярослава развернулась к семье спиной и с диким хохотом побежала

вперёд что есть мочи. С недовольными криками Мира, второй по сообразительности — и наглости — член слегка безумной семейки, побежала вслед за оживлённой дамой.

— И ты называешь этого человека главой нашего семейства, — юноша непроизвольно покачал головой и с усмешкой перевел взгляд с матушки на младшую сестру, которая в погоне за второе место сражалась в ожесточённой битве с бугристой дорогой и предательскими ботинками, что явно были ей велики.

Неудачно ступив на круглый камень, непонятно откуда возникнувший на дороге, что ещё вчера сияла прекрасной первозданной пустотой, Мира опасно накренилась вбок, порываясь и вовсе поклониться перед лицом неизвестным за их непомерный труд. Лицезреть шаманские пляски малышки, мужчины семейства старательно прикрывали кулаками рты, чтобы с их подлых губ не сорвался безобидный смешок. Обида Миры могла обернуться омрачающей их желудки трагедией. От её стряпни, увы, никто не оправлялся. Во всяком случае, до конца.

— И я не отрекаюсь от этих слов и по сей день, — после того как потенциальная опасность миновала, Назар мягко приобнял сына за плечо и неспешной походкой направился домой, зачарованно глядя на родные улицы.

* * *

— Как думаешь, идея отправить нас на Базар Чуд и Чарок и повесить групповой проект на двоих было их задачей с самого начала? — Уфир раздражённо цыкнул.

Небрежная походка, расхлябанный вид, экзотический ярко-рыжий цвет волос привлекали больше ненужного, чем приятного внимания. На этом особенности юноши не заканчивались. Будучи сиротой из другого города, он пытался слиться с компанией задир-неучей, как их величала окрестная детвора, что прошло безуспешно и закончилось ещё более плачевно.

— Очевидно, — не задумываясь, ответил Ян.

— Я могу смириться с повешенной на нас работой, но наплести бред, что мы сами выдвинули свои кандидатуры? Ещё и на глазах у учителя вести себя, как стадо безобидных ягнят? — с силой пнув попавшийся на пути камень, Уфир напрямик попал по прилавку мясника, чей трудовой стаж едва ли не равнялся возрасту самого паренька. Упрямо стоя на месте, как недвижимое изваяние, рыжеволосый, словно нарывался на драку, лишь бы выместить на ком-то вспыхнувшую в нём злость. Быстро схватив приятеля за воротник, Ян затащил его в ближайший магазинчик, прежде чем разгневанный мясник сделал из них отбивные. Как по волшебству перед их глазами возникли необходимые предметы.

— Не ты ли недавно сам намеревался вступить в их ряды, — невзначай заметил Ян, беря с прилавка разноцветные мелки, пару бутылей с кислотами и индикаторную бумагу.

Уфир неотрывно следил за действиями однокурсника. Его испытующий взгляд буквально прожигал Башазану спину, от чего юноше становилось не по себе.

— У меня было к ним предложение, кто же знал, что они и на это не годятся, — с подозрением взглянув на однокурсника, Ян оставил деньги на прилавке и пошёл дальше. Вникать в заведомо провальный план, а тем более становиться сообщником, он не планировал. — Но я готов снять шляпу, даже самые законченные злодеи не поступили бы так. Поразительно слаженная работа в группе. Учитель намеренно не замечает обстановки, а жалкие людишки тихо сидят, вжав головы в плечи.

Яну нечего было ответить. Раз это заметил человек, проучившийся с ними лишь пару

неделя, то весь класс никак не мог этого не заметить. Как и что-либо с этим сделать.

— Меня вот что интересует. Тебя-то за что невзлюбили? Явно не за то, что со мной возишься. Кстати, благодарить не намерен, — немного погодя Уфир заливисто рассмеялся. Глаза отдавали холодом. — Или у тебя это хобби такое — помогать нищим и обездоленным? Или, может, так грехи свои будущие замаливаешь?

Только сейчас Ян заметил, что сегодня его компаньон был на удивление сговорчивым. Повлияло ли то, что вместе собрались два изгоя, и он чувствовал моральную поддержку, или он попросту не видел в Яне потенциальной угрозы? Возможны были оба варианта.

— В моей семье помощь является делом естественным и благородным. Сегодня помогаешь ты, завтра помогают тебе.

— Сегодня помогаешь ты, завтра помогают тебе, — эхом повторил Уфир, усмехаясь самому себе. — Какой же ты, однако, наивный ребёнок.

Остановившись в повисшей тишине, Ян развернулся лицом к рыжеволосому.

— Но ты не беспокойся, мне это даже нравится. Легче будет тебя использовать.

Уфир не сводил пристального взгляда с собеседника. На улице становилось жарче, что даже в прохладных местах невозможно было спастись. Шум суетливой толпы сбивал с толку. Бусинки пота скапливались у виска и, плавно стекая по скуле, падали на светлые одежды Яна. Сознание медленно расплывалось.

— И мне всё же любопытно, как такому субъекту представилась возможность носить Дар наравне со мной. С виду такой щупленький, уверен, и внутри ничего необычного.

Пока недовольный медленным развитием событий Уфир продолжал втаптывать в грязь новобранцев, что стремились к силе, Ян усилием воли пытался сохранить равновесие. Летний зной усиливал головокружение, сворачивая желудок в тугой узел.

— Если бы не Профессор, ноги бы моей здесь не было, — рыжеволосый с нескрываемой неприязнью окинул Яна взглядом. — Запомни, ты не более чем вызывающее разочарование существо, но я дам тебе шанс, как дали его мне когда-то.

Юноша приложил ладонь козырьком ко лбу, с прищуром вглядываясь в полуполуденное солнце.

— До первого полёта птенцы живут себе припеваючи, пока не возникает необходимость овладеть новым полем боя — небом. Прежде чем научиться летать, они, неоперившиеся, покорно бегут к обрыву, не зная, выдержат ли их неокрепшие крылья собственный вес. Кто-то разбивается, кто-то взмывает вверх. Умрёшь ли ты в итоге или нет, не моя забота. Но шанс самолично сбросить неокрепшую птичку неожиданно возбуждает.

Вызывающе улыбнувшись, юноша ребячливо отсалютовал Яну и, развернувшись на пятках, скрылся в толпе. Всё это время Ян продолжал нетвердо стоять на ногах, борясь с усиливающимся притяжением. Прежде чем погрузиться в сон, Башазаг уловил ранее незамеченную им диковинную вещь.

Люди, беспорядочно сновавшие вокруг, носили в себе полупрозрачные кусочки разных цветов: зеленые, голубые, красные, белые и других тусклых оттенков. Некоторые люди не хранили ничего. И только торопливо уходящая вперёд фигура Уфира, что в миг, казалось, обернулась, была окутана непроглядной тьмой. Сплошной мрак покрывал его силуэт, и лишь мертвой белизной отдавали глаза.

Ян в последний раз устало открыл глаза и шумно свалился наземь, распугивая стоявших рядом наримцев. Не чувствуя настойчивых похлопываний по спине, юноша видел прекрасный сон.

* * *

Благоухающий миндаль широко раскинулся над необъятным полем, образуя бескрайнее море пышных бутонов. Белые, светло-розовые, лиловые гроздья, переливающиеся на солнце яркими лепестками, свисали с хрупких ветвей. Узкая тропинка, мощёная камнем, пробегала между деревьями, стараясь уделить достаточное внимание каждому из них.

Ветки доверчиво тянулись к лицу маленького Яна нежно щекотали детское лицо. Тихий залиvistый смех эхом пронёсся по округе, разгоняя певчих птиц. Желтопёрая стайка стремительно вспорхнула ввысь, закружилась в пушистых облаках, весело щебеча о чём-то своем, и вновь скрылась в листве деревьев.

Издали послышалась лёгкая поступь. Неуверенные шаги приближались, трель канареек усиливалась. В паре шагов от мальчика остановилась девочка, протягивая ему худую ручку. Блестящие светлые локоны каскадом спадали на открытые плечи, обрамляя маленькое личико. Шлейф белоснежного платья тянулся за хозяйкой, невесомой тканью касаясь шёлкового ковра зелени.

Ян неуверенно взял предложенную руку, и вместе они отправились вперёд. Девочка что-то тихо говорила, время от времени посмеиваясь про себя. Крепче стискивая маленькие ладошки, они всё дальше уходили от привычных пейзажей.

Тёплый ветерок приятно отдавал слабыми нотками мяты и розмарина. Где — то за таинственным лесом была слышна невесомая мелодия лиры, сопровождаемая аккомпанементом свирели. Народная песня, напеваемая хором женщин от мала до велика, наполняла душу непонятным ощущение лёгкости и всеобъемлющего покоя. Желание запечатлеть этот краткий миг, остаться в волшебном мире кружило голову.

Мальчик и девочка шли всё глубже в лес навстречу заходящему солнцу. Выйдя на ровную поляну, сплошь усыпанную крупными ромашками, они остановились вдохнуть цветочный аромат. Повернувшись к Яну спиной, девочка широко расправила плечи и закричала во весь голос. Протянув руки к небу, она выплескивала бурлящие в ней боль и разочарование. Как бы она крепко не жмурила глаза, жуткие картины из памяти не собирались покидать хозяйку.

Сладкий сон, что временным барьером оберегал её от ужасных видений, невозможно было продлить никакими чарами. Всему должен прийти конец, и девочка лучше, чем кто-либо, это осознавала. Слегка нагнувшись, она посмотрела на мальчика в последний раз. Нежно коснувшись руками розовых щёк, златовласка оставила на них лёгкий отпечаток колдовского тепла, медленно рассеивающийся золотым сиянием в воздухе.

Сон медленно подходил к завершению, расплываясь в водовороте лиловых лепестков миндаля. Вцепившись в руку мальчика, девочка что-то отчаянно прокричала ему. Время заканчивалось, секунды таяли на глазах. За роем цветов можно было едва разглядеть собственное тело. Сильнее сжав ладонь, девочка отчаянно, раз за разом повторяла одну и ту же фразу, пока она не поддалась чарам.

— Спустя годы, когда все четыре шестерёнки придут в движение, когда необходимость заставит покинуть родные края, когда первый оплот падёт под напором вражеских сил, девушка в красных одеждах протянет руку. Следи за знаками, и они сами приведут тебя ко мне. Непременно!

В запасе оставалась лишь пара секунд. Перекрикивая шум, девочка продолжала настойчиво проговаривать непонятные для мальчика слова. Она верила, что однажды они

встретятся. И встреча эта не будет напрасна.

* * *

Реальность резко выдернула парня из оков сна, давя на сознание расплывчатыми образами. Голова отказывалась соображать, в глазах неприятно мелькало. Приподнявшись на локтях, Ян начал медленно разбираться с чехардой в голове. Мысли судорожно мелькали, размытыми образами откликаясь в сознании.

Тепло рук, горьковато-цветочный запах миндаля, прямая осанка и шуршание свежей травы под ногами. Всё было так реально, что казалось — закроешь глаза и вновь очутишься в том призрачном месте. Вспоминались мельчайшие подробности, вплоть до непрекращающегося щебета птиц.

Одно не давало покоя. Лицо девочки покрывала непроницаемая пелена. Ни цвета глаз, ни случайной родинки — ничего не осталось в его памяти; он даже не помнил её голоса. Абсолютная тишина гнездилась в голове, всё прочнее обустриваясь в новом жилище. Стоило Яну задуматься сильнее, как голова в знак протеста отвечала пульсирующей болью в затылке. Воспоминания начали тускнеть, растворяясь в омуте более реальных событий.

Неприятное ощущение липкости пота и мягкость перьевой подушки под головой вернули его обратно в настоящее. Разум всё так же был тяжёл, а тело — неподвижно. Закинув руки за голову, Ян поудобнее устроился на кровати, погружаясь в новый сон. На этот раз в нём не было ни деревьев в цвету, ни тихих переливов струнных мелодий.

А в это время в сотнях километров от солнечного Нарима юная девушка печально смотрела в окно с высокой башни, надеясь увидеть хрупкого мальчика с глазами цвета содалита из вешего сна.

* * *

Солнечный свет неспешно пробрался сквозь тонкие занавески, которые играли скорее роль украшения, нежели выполняли предписанную им задачу — защищать от надоедливого солнца, не желающего ни на минутку уйти с насиженного поста. Птицы давно перестали щебетать нежные мелодии, уступив какофонии громких улиц.

Лениво разлепив глаза, Ян уставился в обыденно белый потолок с филигранной резьбой. Чудо умелых рук часто можно было увидеть в домах столярных дел мастеров. Ещё в далеком детстве диковинные рисунки были главной гордостью юного подмастерья Башазаг. Каждый штрих, неровность и выпуклость были частичкой общей идеи, которая с особой скрупулёзностью разрабатывалась совместными усилиями всей семьи. Но чем больше было внесено творческих изменений во время работы, тем больше результат отличался от первоначального замысла.

Переключив внимание с потолка на просторную светлую комнату, Ян заметил в ней непривычные предметы домашнего обихода, что с завидной периодичностью гостили в комнате младшей сестры.

Капли медленно стекали по внутренней поверхности широкого таза, падая в ледяную воду. Хрустальные блики от солнца холодным светом озаряли комнату, осветляя и без того белые стены. Почти растаявшие кубики льда маленькими островками плавали на поверхности, готовые полностью раствориться в прозрачности воды. Смоченная в пахучей настойке белая ворсистая тряпка своим невыносимым запахом разрушала сонную атмосферу

комнаты.

Парочка широких стеклянных стаканов с отваром ромашки громоздилась на высоком столе, отвоёвывая половину пространства у толстых справочников по травам. Как бы приятно ни было вновь очутиться в домашних покоях, маленький червячок беспокойства упрямо прогрызал себе путь, оставляя за собой туннели необъяснимой тревоги. Задумавшись, Ян вначале не заметил, как в дверь настойчиво постучали, а затем неловко присел на кровать.

— Да, войдите.

Грузная женщина твёрдой походкой приблизилась к юноше, пододвигая к пациенту трёхногий табурет. Её белоснежные одежды скрипели от стерильной чистоты, так что, казалось, грязь не смеет к ней притрагиваться. Ледяные глаза смотрели в упор, не оставляя шанса на неповиновение.

— Я — дежурный врач, Зинаида. По просьбе вашей матери была вызвана из северо-восточной окружной больницы. По словам Ярославы, вчера днём вас принесли домой в бессознательном состоянии. Недуг списали на малое количество питья, слабую физическую подготовку и чувствительность к жаркому климату, — поверх узких очков женщина скептически оглядела бледноватое лицо юноши.

Ни для кого не было секретом, что Пансо был вторым по жаре государством после Паннама. То, что Нарим находился близ границы между двумя этими державами, делало факт постоянной жары в нём ещё более неопровержимым. Яну хотелось тихо провалиться сквозь землю, ведь быть жителем Пансо и при этом не выносить высоких температур, было явлением редким. И постыдным.

— По прошествии суток, из которых большую часть вы находились в бессознательном состоянии, а остальное время пребывали в бреду, они вызвали меня, — вытащив из дорожной сумки картонную папку, врач выудила оттуда вместе с чернильным карандашом плотную тетрадь. — Теперь, когда вы, наконец, очнулись, что вас беспокоит? Головокружение, тошнота, потеря ориентации в пространстве?

В полном недоумении посмотрев на врача, Ян резко обернулся к окну. Во дворе неизменно светило солнце, прямо как на Базаре. Разве что было чуть ярче. Небо не было насыщенного голубого оттенка. Беспощадный зной ещё не успел полностью вступить в свои права, только собираясь с силами, чтобы ударить по жителям солнечного Нарима.

Вновь переключив внимание на строгую даму, Ян увидел в проёме двери маму, — она устало опиралась на дверной косяк. По залегшим под глазами теням можно было понять, что не только сын нуждался в отдыхе, и ещё, возможно, консультациях врача.

— Пациент, симптомы? — с нажимом процедила женщина. Кто знал, сколько ещё обморочных детишек ждёт её сегодня. Желание на себе проверить лимит её профессионального терпения казалось сомнительной идеей.

— Простите, — юноша хотел было выпрямиться, но завидев пугающе сверлящий взгляд, невольно опустил голову. — Я чувствую себя удовлетворительно. Разве что ощущаю лёгкое давление на глаза. Думаю, скоро это пройдёт.

— Понятно, — раскрыв амбулаторную карту на последних страницах, женщина стала быстро записывать в неё непонятные Яну символы. — Постоянный стресс, умственная нагрузка без отдыха могут повлечь за собой повышение внутриглазного давления. Чтобы решить эту проблему, необходимо заниматься спортом, а также делать несколько раз в течение дня глазную гимнастику. Для начала выпишу вам глазные капли. Капайте их

каждый день перед сном в течение двух недель. Если эффекта не последует, можете обратиться в ближайшую больницу.

Незамедлительно встав и оставив на столе рецепт, врач поправила полы халата и взяла оставленную на полу сумку.

— Спасибо и извините за беспокойство.

— Желаю скорейшего выздоровления.

— Благодарю, — Ярослава поклонилась на прощание и проводила взглядом уходящую женщину. После того как послышался глухой хлопок закрывшейся двери, глава семейства устало выдохнула. — А теперь, молодой человек, потрудитесь объяснить, что это вы вчера учудили. Всю семью перепугал. Бедняжка Мира себе места не находила. Винула себя, что выпила последний стакан сока из райсовских яблок, тем самым лишив тебя всей энергии.

Лёгкое негодование на бессмысленные душевные метания дочери, лишённые какой-либо логики, отразилось на лице матери глубокими морщинками, залегшими между бровей.

— После этого мне, вместо того, чтобы самой приходить в себя, надо было её отпаивать отваром ромашки. Потому что яблочный сок теперь под запретом. Для всех, кроме тебя. Так что, приготовься: ближайшие месяца два ты буквально будешь жить на этих яблоках.

Для других это могло прозвучать как безобидная шутка, но наученный горьким опытом старший сын понимал, что эти слова следует воспринимать буквально. Для своего же блага.

Однажды у семейства Башазаг выдался рекордный урожай мясистых помидоров. Большую часть они благополучно продали на овощных рынках в виде солений, тонких сушеных пластов, домашних соусов и томатных соков с солью или сахаром. На пороге отчаяния они придумали томатное варенье и сорбет, но и это не спасло их от участи оказаться в плену у своего же детища, которое продолжало день ото дня набираться мощью от солнца и воды. И только Ванабавл знал, сколько мучений кроваво-красные плоды принесли их семье. Они нередко навещали во снах своих создателей, заманивая в зыбучие пески тёмно-бордового цвета.

— Спасибо, — Ян громко сглотнул вязкую слюну в ожидании яблочной тюрьмы. Главное, что не помидоры.

— Должен будешь, — пропела Ярослава со смешинкой, после чего вернулась к насущным вопросам. — Так что это было?

— Самому любопытно.

Расплывчатые очертания проявлялись отдельными отрывками, как высохшие на солнце картинки. С неохотой представая перед глазами и вновь прячась в бездонных закромах памяти, события ушедшего дня блокировались раздражающим жужжанием в голове. Лишь туманный голос Уфира, что, казалось, доносился из глубин стоячего озера, заросшего иссохшим камышом и пропахшего вязким илом, глухими ударами отдавался в гудящей голове.

— Со мной был однокурсник, — неожиданно для него самого, вырвалось у Яна. — Рыжая шевелюра и родинки по всему лицу. О нём ничего не было слышно?

— Когда соседские мальчишки принесли тебя домой бездыханного, мне было далеко не до их внешности. Да и после никто не объявлялся.

Погрузившись в беспокойные думы, Ян не заметил, как прохладная ладонь легла на его напряжённое плечо.

— Ты сам как? Уверен, что чувствуешь себя нормально? — в глазах матери плескалось беспокойство. — Хоть врачу ты сказал одно, мамино сердце чувствует, что ты что-то не

договариваешь.

Присев на опустевший табурет, Ярослава нежно провела рукой по спутавшейся прядке волос сына.

— Если тебя что-то беспокоит, ты можешь открыто с нами об этом поговорить. Хоть мы с Назаром не образец для подражания, и на нашем фоне ты кажешься взрослее, чем мы сами, всё же мы всегда готовы тебя выслушать. Поддержать и помочь, чем это возможно.

— От тебя ничего не скроешь, — Ян выдавил страдальческую улыбку. Пальцы сами потянулись к вискам, чтобы хоть как-то усмирить разыгравшееся давление. — Сам поход на Базар Чуд и Чарок вспоминается с трудом, как и то, что я там делал, но вот момент перед падением всё же немного помню. Я мало различал тела прохожих. Во что они одеты или как двигаются. Вместо этого я видел цвета и формы. Как будто их раскрасили карандашами, но забыли придать человеческие очертания.

Прикрыв глаза, Ян мысленно вернулся к этому моменту. Только небо, земля и души. Словно мир, что потерял оболочку и оставил после себя лишь таящиеся в тени внутренности.

— Это прозвучит довольно странно, но по-другому объяснить не могу. Меня до сих пор преследует ощущение, что где-то внутри меня одним махом сбили заржавевшую гайку, и труба, не выдержав нагрузки, полетела вниз со всем её содержимым. По телу что-то непонятно разливается и чувство, признаюсь, не из приятных.

Изредка поглядывая на лицо матери, Ян комкал до хруста чистые простыни. Сам бы не поверил, не произойди это с ним. Юноша мог проигнорировать случившееся, объяснив свои видения игрой воображения, но крепко отпечатавшийся в памяти необъяснимый страх не давал покоя. Внутреннее чутье, присущее каждому представителю рода Башазаг, не позволяло спокойно закрыть на это глаза.

Ярослава со свойственной ей серьёзностью впитывала слова сына. В её взгляде не было ни недоверия, ни предубеждения, лишь смутная тревога, ибо сбылись, наконец, слова, сказанные много лет назад случайной встречной.

Взглянув в глаза сына, такие же ярко-голубые, как её собственные, мать увидела в них своё отражение. Отражение женщины, что всеми фибрами души не желала такой судьбы для Яна, но не боялась за него, потому что была уверена, что справится он с этим лучше, чем кто-нибудь другой.

— Пока у нас недостаточно сведений, но это легко выяснить, — заговорщически улыбнувшись, Ярослава деловито положила ногу на ногу и подперла кулаком подбородок. — Что ж, думаю, настал момент использовать связи.

Усмехнувшись про себя, Ян вопросительно посмотрел на сидящую перед ним женщину, которая изо всех сил, правда, немного неумело, старалась принять таинственный вид.

— Дай мне немного времени. Один из моих старых приятелей, возможно, сможет нам помочь. В кои-то веки именно наша ситуация находится в пределах его полномочий.

— Старые приятели? И чем же они занимаются? Надеюсь, они не промышляют подпольной деятельностью? — отшутился Ян, с опаской поглядывая на дерзкую ухмылку.

— А что? Думаешь, в университете я только на лекции ходила, книжки да справочники читала? И заканчивай с этим удивленно-недоверчивым выражением. Молодой человек, вы много обо мне не знаете, — с гордостью заявила миссис Башазаг.

Ян устало вздохнул.

— Наступит день, когда я выведаю все секреты великой и ужасной Ярославы Башазаг, и ей нечем больше будет похвастаться.

— Немного хвастовства никому ещё не навредило, мне так и подавно, — напоследок потрепав сына по голове, Ярослава пружинистой походкой направилась к двери. — Как соберёшься, спускайся. Тебя ждёт порция свежей ботвиньи и гречневые блинчики. Твоя любимая младшая сестра приготовила их лично для тебя, так что даже если тебе не понравится, ты всё равно должен будешь всё съесть до последнего кусочка.

— Мама, — послышался обиженный девичий крик, — они действительно вкусные, я попробовала!

— Конечно-конечно, милая, я не сомневаюсь, — на ходу подтвердила мама будущего повара, который своими умопомрачительными кулинарными способностями будет сражать наповал всех дегустаторов. И хорошо бы только фигурально. Перекрестившись дважды для лучшего эффекта, Ярослава с сомнением вспомнила последнее творение младшей Башазаг и тихо проговорила: — Знали бы мы в прошлый раз, что у твоей еды есть долго проявляющийся эффект, спасли бы не только себя, но и соседей.

— Но ты мне тоже тогда помогала! — подметила всё не унимающаяся дочь, перейдя в нападение. — Так что мы обе виноваты в произошедшем!

— Боюсь, мои гены слишком хорошо тебе передались. При том, не самые лучшие. Как бы я хотела, чтоб ты больше походила на отца.

Глава 2

— Это было слишком, — плюхнувшись на скрипучий диван, Ян притворно постучал кулаком по одеревеневшим плечам, одновременно разминая затёкшую шею.

Хоть в последние дни небольшая семья успела вдоволь разбаловать Яна, погружая его в недалёкое детство, которого он рано лишился из-за появления Миры, Ярослава медленно начала возвращать его к реальности. Она знала, что к хорошему легко привыкают, а терять полюбившееся спокойствие и безмятежность вдвойне тяжело.

— Всё тело онемело, готов хоть сейчас развалиться на части. Разве так ведут себя заботливые родители, спихивая всю неприглядную работу на любимого ребёнка?

В который раз оглядывая с виду заброшенный сарай, Ян поражался, как в этот спичечный коробок могло вместиться такое невероятное количество предметов.

Помимо маленького диванчика у дальней стенки здесь также умещалось несколько шкафчиков, наполненных всякой ненужной дребеденью. Рядом гордо стояла самодельная машинка для перемалывания веществ. Большую же часть помещения занимал купленный и собственноручно собранный из деталей аппарат для перегонки, стоявший в центре комнатки. Склонившись над ним, миссис Башазаг, орудовала химическими препаратами. Она кропотливо смешивала их, нагревала и встряхивала разные колбы, измеряла амплитуду колебания температур.

— Любящий сын заварил бы маме чаёк с лимоном и мёдом и отправил отдыхать, а не засиживаться в затхлой, тесной комнатке. Он бы чмокнул маму в щёчку и сделал массаж плеч. И, вообще, это мне говорит возмужавшее двухметровое дитяtko? — переключив своё внимание с пенящейся розовой массы на сына, хмыкнула Ярослава. — Тебе не стыдно, дружок?

— Во мне и ста восьмидесяти нет, — еле слышно заметил юноша, который иногда завидовал росту отца. Вот уж кому не требовалось усилий, чтобы достать что-либо с верхних полок. — С каждым днём двигать телом становится всё труднее. Видимо, возраст берёт своё. Глядишь, скоро и вовсе развалюсь по косточкам.

— Вот, значит, как. Тогда я тем более должна увеличить тебе нагрузку, чтоб хоть какие-то мышцы нарастить. Посмотри на соседских мальчишек, какие прекрасные тела. Отлично натренированы, хоть учебник анатомии по ним составляй.

— Мам, тише, — быстро перебив мысль мамы, шикнул Ян, — папа услышит. Потом опять будет плакать полдня. После этого мне придётся приготовить его любимый тыквенный пирог. Ты же знаешь, как потом он после этого набирает. Уже никакие сборы урожая в огороде не помогут.

— Делаешь любимой мамочке выговор? Отлично. Если не хочешь один, так оба будете заниматься.

— Я просто беспокоюсь о душевном спокойствии папы. Он еще не отошёл от прошлого раза, когда ты похвалила незнакомого дедушку за пробежку в парке. Папа после этого два дня понурый ходил.

Заливисто рассмеявшись, Ярослава плюхнулась на диван рядом с сыном.

— Кто же знал, что наш маленький сынок так заботится о семействе Башазаг. Дай я тебя расцелую!

— Только не это, пожалуйста, — Ян изо всех сил уворачивался от загребущих рук матери, лелея надежду хоть в этот раз не попасться в плен её цепких объятий. — Тем более не стоит делать это на людях. Особо любвеобильные бабушки из ларьков устроили на мои щёки охоту. Мне лишний раз страшно выходить на улицу без твоего сопровождения. Они появляются из ниоткуда, как призраки, и покушаются на моё тело. Кто после этого поверит, что они испытывают сложности с передвижением? Я не выдержу ещё одного забега на короткую дистанцию.

— Не обращай внимания. Они нам завидуют. В какой ещё семье помимо прекрасного сына найдётся такая красавица мама в расцвете сил? Радуйся, что я всё ещё одариваю вас своими фирменными поцелуями.

— Вас?

— Папа тоже просит.

— В смысле "тоже"?

— Ты и о папочке ничего не знаешь, — рассмеялась мамочка, играя бровями.

— Нет, нет. Об этом я как раз-таки в курсе, — Ян прикрыл глаза, пытаясь чуть отодвинуться от хохочущей женщины. — Мой вопрос в другом. Почему я тоже включён в этот список?

— Не ты ли просил меня каждую ночь почитать три разные сказки и обязательно поцеловать перед сном, милый Янушка?

— Это всё было давно и неправда, — стушевался Ян, вставая с дивана. Покрасневшие кончики ушей выдавали его смущение. — Спасибо за чудный разговор, но работа не ждёт. Пообещал помочь отцу с изготовлением дивана.

— Спасаемся бегством? Я ожидала от вас более ожесточённого сопротивления, — Ярослава усмехнулась.

— Слышал, — подражая манере матери, юноша продолжил озвучивать мысли, — его должны будут забрать слуги семьи Рут. Они разве не из Древногора? Зачем тратить столько сил и времени, когда они могут купить всё что угодно у себя на родине? Неужто в столице Пансо нет мастеров, которые могут справиться с каретной стяжкой?

— Кто знает, у них могли появиться неотложные дела в нашей округе. Более того, слышала, что прабабушка нынешнего главы семейства родом как раз из Нарима. Может, они решили навестить родимое гнездо, вспомнить корни.

Внимательно посмотрев на лицо матери, юноша заметил в её взгляде плохо скрываемый восторг от обладания знаниями, которые были пока недоступны Яну. Покачав головой, словно дивясь проделкам довольного ребёнка, старший сын обречённо улыбнулся.

— Я же вижу, как тебе не терпится всё поскорее рассказать. Можешь больше себя не сдерживать.

— Дай насладиться триумфом немного дольше, — буркнула Ярослава. — Когда мне ещё представится такой прекрасный шанс выбить сына из колеи.

Ян насмешливо изогнул бровь, Ярослава поудобнее расположилась на небольшом диване.

— Лесьяр Рут — мой бывший ученик. Ему с трудом давались естественные науки, и его семья разрешила нанять ему личного учителя. По рекомендации директора университета этим учителем стала я. Сам по себе он человек неплохой. Старателен, образован, временами заносчив и всё же крайне мил. Не знаю, чем занимается его семья, но сам он с особым рвением стремился продолжить дело отца. Именно то, что нам сейчас и необходимо.

— Только не говори, что твой давний знакомый — это и есть Лесьяр Рут, — с недоверием промолвил Ян. Ярослава согласно кивнула. — И почему о таких вещах я узнаю в последний момент? Не слышал ни одной истории из твоей молодости.

— Ты никогда и не интересовался, — поднявшись вслед за сыном, женщина привычно встала за аппарат для перегонки. — Топай, иначе папа в конец потеряет тебя.

— И с чем же связана его деятельность? Я знаю лишь то, что он неприлично богат, хоть и не выставляет это на показ, и что он спонсирует научные экспедиции.

— Узнаешь, когда придёт время.

* * *

Открытая веранда за последние двадцать лет успела превратиться в место встреч пожилых людей. В их тихом районе обязательно случались маленькие происшествия, результатом которых становился чуть ли не еженедельный ремонт сломанной табуретки, искривлённой картинной рамы или не открывающейся дверки резной ключницы.

Жизнь стариков и вполнину не была бы такой яркой, если бы семейство Башазаг решило остановиться в другом месте, о чём их соседи не могли и подумать в самых гнусных кошмарах. Одновременно с приведением в порядок выведенных из строя деревянных изделий можно было прекрасно провести время с младшей дочерью, что делала отменные наваристые чаи и компоты. Девочка увлечённо рассказывала, из чего состоит каждый их душистых напитков, одновременно с этим перечисляя их лечебные свойства. Её старший брат всякий раз дарил комплименты, ни разу не повторившись и используя весь шарм, что у него имелся, только бы увидеть ответную смущённую улыбку почтенных дам. И, конечно же, сама семейная атмосфера дома целительным бальзамом смазывала ноющие души всех сюда входящих.

А пока посетители согревались на веранде ароматным медовым напитком, во внутреннем дворе разворачивалась следующая картина. Из-за приоткрытой двери мастерской, что невысокими окнами смотрела на доморощенную лабораторию Ярославы, показалась широкая спина, обтянутая хлопковой белой рубашкой. Назар руками придерживал основание лилового дивана, стараясь не задевать подступающие со всех сторон стены.

— Вытаскивай осторожно. Ты же не хочешь случайно поцарапать ножки дивана? Не думаю, что смогу ещё раз случайным образом откопать тёмный дуб в нашей округе. Я и так последние бруски перекупил у друга, пообещав взамен взять ему вяз в столице.

— Я понял тебя и с первого раза, — сдавленно промычал Ян. Капельки пота медленно стекали по его лицу, неспешно срываясь с широкого подбородка на покрытый мелкими стружками рабочий фартук. — Не беспокойся, буду предельно осторожен.

Спустя пару минут пыхтений и мычаний мужчины облегчённо выдохнули, поставив нелёгкий предмет на пол веранды, заранее накрытый брезентовой тканью.

— Так через сколько они заберут товар? Меня дожидается последняя глава по ядовитым грибам.

Взглянув в сторону Яна, мистер Башазаг ненароком кинул взор в окно второго этажа, откуда виднелись корешки нескончаемых книг, что отчаянно притягивали к себе Яна Башазага. Назар больше не старался перетянуть неугомонного в сторону садоводства или плотничества.

С каким бы энтузиазмом он часами напролёт не посвящал старшего в семейное

ремесло, сына больше притягивал окружающий мир, к которому можно было лишь прикоснуться сквозь шершавые обложки разваливающихся книг. И пугал ли Назара факт того, что до внешнего мира рукой подать, или успокаивало то, что Ян добровольно оставался в родных стенах, Назар определиться не мог. А пока не наступило время перемен, он решил медленно плыть по течению, периодически сверяясь со стрелками часов.

— С минуты на минуту. Они известили, что подъедут ровно к шести. Сейчас без пяти, так что времени остаётся лишь на то, чтобы поудачнее расположить диван и представить его во всей красе.

В последний раз пройдясь по резному каркасу тряпкой, Назар сдул с дерева несуществующие пылинки и довольно кивнул головой.

— А я вижу, ты доволен своей работой.

— Естественно. Не ты провёл пару бессонных ночей, придавая особое значение каждой мелочи дизайна, — мужчина бережно провел рукой по лиловой ткани. — Диван должен быть не только усладой для глаз. Прежде всего он должен дарить удобство и комфорт.

Золотая вышивка с прозрачными мелкими камешками в виде могучего дерева притягивала взгляд.

— Плюс ко всему заказчики настаивали на изображении семейного герба на ткани, от чего я изначально отказывался. Но мистер Рут уверил, что каким бы ни был результат, они всё равно останутся довольны и будут благодарны за приложенные усилия. После этого невозможно было сказать ему “нет”, — смущенно улыбнувшись, Назар обошёл диван, заручаясь его мысленной поддержкой. — Путём проб и ошибок я дошёл до результата, который мы сейчас имеем, и я ни капли в нём не разочарован. Так что теперь я по праву могу назвать данную работу своим лучшим творением. Тебе самому как?

— Как минимум выглядит удобно, — исчерпывающе ответил Ян с растерянным выражением лица, тем самым вызвав у Назара добродушный смех.

— Большого от тебя, полагаю, дожидаться не стоит, — смахнув выступившие на глазах слёзы, мужчина энергично притянул к себе сына. — Когда у тебя появится приглянувшееся сердцу занятие, которое будет ежедневно проверять тебя на прочность, не принося с собой усталости от проделанной работы, тогда и поговорим.

— Мне нравится изучать науки, — напомнил сын.

— Я знаю, — спустя некоторое время ответил Назар. — Однако ты не применяешь приобретённые знания на практике.

Отец и сын молча переглянулись. Пытаясь разрядить неловкую атмосферу, Назар первым начал разговор.

— Готов поспорить, семейство Рут займется в наш дом, а мы как потные остолопы будем стоять посередине комнаты, не зная, как вести себя с людьми высшего света. Судя по половине интеллигенции Пансо, они задирают носы при одном лишь упоминании рабочего класса, хоть сами и пользуются нашими изделиями. Так что не будем давать им лишнего повода для самоутверждения. Оставим красивое представление и умную речь любимой мамочке.

— Не думаю, что бывший ученик мамы посмотрит на неё свысока. Судя по рассказам матери, он благороден и любезен.

— Милая, что на этот раз ты от меня утаила, — засмеялся Назар, в душе проливая горькие слёзы.

— У неё на это талант, — поддакнул Ян, безуспешно изображая подобие улыбки. — Я

надеялся, что, хотя бы на этот раз кто-то в курсе, но, видимо, напрасно.

— Мысли и намерения этой женщины трудно проследить, если она не хочет этого, — вздохнул отец. — В университете Ярослава была одной из самым ярких и подающих надежды студенток. Много парней толпилось возле неё. Много талантливых. Немало их было из почитаемых семей, так что я не рассчитывал, что буду удостоен чести находиться рядом с ней. Просто списал себя со счетов. Кто же знал, что у вашей мамы такие специфичные вкусы.

— Мы все знаем, какой ты, на самом деле, человек, — вступился за отца Ян, который не оценивал людей по интеллектуальным способностям или их достатку. — Многим до тебя как до луны пешком, и маме удалось заметить это первой.

— Ты не знаешь, но она многим пожертвовала, чтобы быть сейчас со мной. Поэтому я стараюсь, чтобы хоть как-то воздать должное её отваге и решимости.

Отстранившись от отца, Ян нахмурился.

— Возможно, мама сейчас и не попивает чаи высших сортов, вкушая иностранные десерты, не выезжает на досуге в другие города в золотой карете в сопровождении личной стражи, но она по-настоящему счастлива. Она в своё удовольствие занимается тем, что ей нравится, и по вечерам выпивает стакан домашнего виноградного вина. В округе не найти другой такой грозы колорадского жука, за что её уважает и ценит чуть ли не каждая семья в Нариме.

Скрестив руки, Ян наклонился вперёд и сузил глаза, в упор глядя на Назара, пока не увидел в нём возрождающуюся веру в себя. Убедившись, что отец пришёл в норму, Ян выпрямился и широко улыбнулся.

— А также она устала принимать литровые банки варенья в качестве благодарности — ими уже забит весь погреб. И ты ещё продолжаешь думать, что она может быть несчастна с тобой и лучше бы выбрала столичного сноба вместо тебя? Не смейся, будь у неё выбор, она всё равно бы прожила эту жизнь с нами. Верно, мам?

Край длинного сарафана не укрылся от взора Яна, и он сразу заприметил, что особа женского пола нагло подслушивает мужские разговоры.

— Похоже, меня поймали. Какая жалость.

Выйдя из своего неудачного укрытия, женщина мигом очутилась между родными людьми и обняла мужа за талию.

— Дорогой, наша свадьба была самым счастливым моментом в моей жизни. После рождения детей, конечно же. И я благодарна богам, что они дали нам возможность не потеряться в океане людей и узнать друг друга поближе. Иначе сейчас бы у нас не было такого прекрасного сыночка и дочери, — взъерошив и так непослушные волосы Яна, Ярослава широко улыбнулась. — Для меня нет большего счастья, чем видеть, как они взрослеют и становятся прекрасными людьми.

Подтянув к себе Яна, Ярослава стиснула их обоих в крепких объятьях, пытаюсь передать хоть малую толику переполняющих её чувств — счастья, признательности, любви, гордости и преданности.

— Так что только попробуйте мне вновь заикнуться про долг и компенсацию моральных убытков. Сразу же отправитесь в огород полоть грядки, — шлёпнув обоих пониже поясницы, миссис Башазаг встала в победную стойку. — А сейчас, дорогуши, дайте дорогу действительно важной особе. Кто из вас может похвастаться способностью с лёгкостью и изяществом продавать продукты ручного труда, м?

— Женщина, а кто, собственно, делает эти продукты ручного труда? — встав в не менее демонстративную позу, парировал муж, ведомый тем же азартом.

— Мужчина, а кто этими самыми продуктами добывает нам средства на кров и пропитание?

Такого рода шуточные споры часто происходили в этом оживлённом доме, не давая членам семьи заскучать. Спокойствие и послушание никогда не были сильными сторонами семейства Башазаг, уступая место детскому озорству и спонтанным решениям.

— Признаю поражение. Используй меня с умом и заработай побольше денег в копилку семьи, — чмокнув супругу в широкий лоб, Назар поторопился зайти в дом. На пороге он остановился и обернулся в сторону сына. — А ты чего ждёшь, особого приглашения? Дама сказала, что сделает за нас грязную работу, идём!

— Какая ещё грязная работа? Это работа, требующая сложных мыслительных процессов и немалого опыта! — кидая в мужчин мысленный шар негодования и наигранной обиды, женщина сердито топнула ножкой. — Мы ещё посмотрим, что вы будете есть на ужин, дорогие. Вполне возможно, сегодня мне поможет признанный кулинар, перед способностями которого никто не устоит!

— Постарайся, мы верим в тебя!

— Ох уж эти мужчины, — в тайне посылая им бесконечные поцелуи, Ярослава задержала взгляд на удаляющихся русых затылках ещё секунду, прежде чем развернуться навстречу крепким тёплым объятиям.

— Лесьяр, сколько лет, сколько зим. Голубчик, проходи, не стесняйся.

Высокий мужчина с идеально выбритым лицом остановился перед дверью, поклонился и вошёл в дом. Цилиндр, у основания тульи перевязанный восточным шёлком, гладкий чёрный кафтан с брошью в виде ветвистого дерева и трость с загнутой рукоятью создавали образ человека с достатком. Восмигранная печатка со стирающимися письменами по краям и сапфиром в центре довершала образ, указывая на принадлежность мужчины к древнему роду, который веками укреплял своё положение на западном континенте.

Встретившись со своим учителем, Лесьяр в воцарившейся неловкой тишине переводил взгляд с одного предмета на другой. Эта встреча была для обоих не только неожиданной, но и вызванной чрезвычайными обстоятельствами. Чтобы выразить благодарность за месяцы строгого обучения, уже взрослый ученик по первому же зову явился к своему учителю, зная, что она бы не потревожила его без чрезвычайной на то необходимости. Но не в этом заключалась основная причина.

Лесьяр хотел отплатить за проявленные к нему доброту и строгость. Он уважал её от чистого сердца за превосходное знание предметов и умение доходчиво объяснять непутёвому ученику знания, добытые тяжёлым трудом, а не просто благодаря везению или природному таланту. Но не только это выделяло её среди других. Она славилась своими моральными наставлениями, которые раскрыли во многих самородках их таланты.

Ярослава разглядела в нём скрытый потенциал и основательно взялась за наследника семейства Рут, пообещав сделать из него не только преуспевающего студента, но и как минимум вменяемого, а в лучшем случае добропорядочного человека, который не станет отпускать едкие высказывания в адрес незнакомых людей и бросать в их сторону грозные взгляды.

И сейчас, спустя много лет, им больше не нужно обсуждать несданные предметы, университетские будни или страх перед грядущей жизнью. Быть непринятыми или

неуслышанными теперь уже не казалось таким страшным или невыносимым. Пугало другое. Неспособность помочь собственному ребёнку. Ярослава и Лесьяр уже давно находились на том этапе своей жизни, когда приходилось волноваться не за себя, а за судьбу близкого человека, что хранит родные черты лица.

Как когда-то отец Лесьяра тревожился о сыне, так и Ярослава теперь хваталась за любую возможность получить хотя бы крупицы информации о странном недуге Яна, который с каждым днём проявлялся всё чаще. Хотя сын старательно скрывал любые намёки на свое усугубляющееся состояние, его неожиданные выпадения из реальности уже начали замечать и соседи.

Ян всё чаще уходил в себя, невидящим взглядом подолгу всматриваясь в очертания людей за окном. Науки больше не приносили того удовольствия, с которым раньше он зачитывался до поздней ночи. Самочувствие ухудшалось, часами мучая его во сне и не давая ослабленному телу восстановиться. Ярослава терялась в догадках, и ей ничего не оставалось, кроме как довериться старому знакомому, обладающему большими связями.

А время, подобно быстрым потокам водопада, ускользало из иссохших пальцев. Но если начать готовиться заранее, его ещё можно было спасти.

* * *

Солнце плавно уходило за горизонт, извещая горожан о завершении очередного дня. На прощание Лесьяр низко поклонился и протянул молочного цвета визитку с красиво выведенными буквами. Взяв в дрожащие ладошки мужскую руку, Ярослава прикусила внутреннюю часть щеки и со слезами в уголках глаз цеплялась за теплое рукопожатие. Нехотя оторвавшись друг от друга, они медленно вышли на вечернее крылечко, и Лесьяр позвал кучера, который тут же появился. В последний раз с признательностью посмотрев на бывшего ученика, Ярослава проводила его до готовой отправиться в путь кареты. Как только господин Рут скрылся внутри, экипаж тихо тронулся, растворяясь в вечерних сумерках вместе с последними лучами закатного солнца.

— Надеюсь, ты не забудешь дряхлую старушку, что в дни своей далекой юности сидела прекрасными теплыми вечерами над уроками с зазнавшимся школьником, критиковавшим репетиторов из-за их социального статуса, — помахав на прощание рукой, со вздохом сказала женщина в клетчатом пледе, стряхивая с себя меланхоличное настроение.

Тёмно-синий дормез, расписанный серебряными витиеватыми узорами, смотрелся совсем неуместно на узких улочках этого скромного и тихого района Нарима. Маленькая повозка, которая следовала за ним, сверху была затянута плотной тканью, скрывавшей под собой диван и парочку банок маринованных помидоров, и выглядела ещё более нелепо.

Миссис Башазаг стояла до тех пор, пока чёрная крыша экипажа совсем не растворилась в темноте. Выдохнув тёплый воздух, Ярослава направилась в сторону уютного света домашних окон, за которыми она видела бурно обсуждающих что-то домочадцев.

— Ну что, ему понравилась работа? Что он сказал? — сторая от любопытства, муж тарачился во все глаза на только переступившую порог жену.

— Ну что же, мистер Рут в высшей степени восхищен вашим мастерством, господа. «Как я и предполагал, не было тратой времени и сил лично лицезреть мастерство семейства Башазаг».

— Звучит как комплимент. Но почему же я раздражён? — Ян отодвинул в сторону тяжёлый стул, громко скрипя ножками по деревянным половицам.

Ярослава негромко хмыкнула.

— Лесьяр входит в состав научной коллегии Центрального региона Академии наук Пансо. Будешь вести себя неподобающим образом, не успеешь оглянуться, как тебя растопчут. Так что мы можем простить ему капельку высокомерия.

— Почему ты не сказала раньше? — удивился Назар. — Я бы потребовал с него плату в соответствии с его социальным статусом.

— Дорогой, — упрекнула его любимая, — для каждого человека, не взирая на род деятельности или социальный статус, установлена одна плата — в соответствии с затратами материала и времени, а также уровнем твоей квалификации. Не будь предвзятым, как большинство наших знакомых. Это не то, чему учат в семье Башазаг, верно, Мира?

— Да, папочка, мама права, — вздёрнула носик младшая Башазаг.

Кому-то сегодня должна будет перепасть пара дополнительных сладких блинчиков.

— Кстати, Ян, — как бы невзначай обратилась к сыну Ярослава, — у меня для тебя новости. Мистер Рут дал мне контакты одного учёного из Исследовательского центра нуминозных явлений. Он занимается практическими опытами и исследованиями в области магии и чародейства.

Ян надолго замолчал, прежде чем его тихий неуверенный голос прозвучал в большой комнате.

— Разве это не на Северном континенте?

— Верно. Если быть точнее, то в Зильберерце. Там смогут разобраться с твоим новым состоянием, помочь и всё разъяснить. Всяко лучше, чем у нас, — отмахнулась женщина. — Не думала, что тебя больше удивит локация центра, нежели то, чем там занимаются.

— Я бы ещё подумал, если бы это было здесь, на западе, но север? — не веря своим ушам, словно всё это была лишь неудачная шутка, Ян окинул взглядом всю семью. Разыгрывающая спектакль мать. Не отводящий тоскливого взгляда отец. Уже скорбящая сестра. Всё было давно решено. — Ни за что. Я никуда не поеду. Тем более, как я оставлю вас одних?

Выдержав недолгую паузу, Ярослава совладала с подступающими эмоциями и попыталась убедить не только сына, но и себя.

— Не сопротивляйся, это хорошая возможность посмотреть мир. Сначала ты заедешь к мистеру Руту в Древногор. Мы с ним это уже обговорили. После, используя его связи самостоятельно отправишься на север. — Ян понял, что отступать некуда. — Плюс ко всему, за двадцать четыре года жизни ты так нигде и не побывал, застряв в скучном городке со своими старыми родителями. Разве не хочешь, наконец, выехать за пределы Нарима?

Открытый вопрос, что терзал не одного лишь Яна, встал ребром. Тянуть время больше не хотелось, да и не представлялось возможным.

— Что до нас, мы справимся без тебя. Мира — уже взрослая девочка. Больше не будет плакать в подушку по ночам, услышав, что ты собираешься покинуть город на более чем пять часов, верно, Миропия?

— И вовсе я не плакала. Просто мне было немного одиноко и грустно. Ведь я проводила с ним больше времени, чем с вами. И баловал он меня чаще, чем вы.

— Не будешь больше плакать, верно? — Ярослава угрожающе нависала над дочерью и медленно гладила её по голове, сверля при этом недобрый взглядом, который предупреждал о возможных последствиях в случае отказа.

— Не будет, — заикнувшись, прошептала дочь. Страшнее матери в гневе может быть

только притворно добрая мать. Чтобы скрыться от пристального взгляда Ярославы, Мира подбежала к брату и крепко обняла его за талию. — Можешь обо мне не беспокоиться. Но уедешь только с одним условием: должен будешь время от времени отправлять весточки о себе. Иначе будем беспокоиться и думать, что ты слёг с тяжелой болезнью в каком-нибудь Ванабавлом позабытом посёлке. Поэтому, пожалуйста, возвращайся здоровым.

Облегчённо выдохнув, Ярослава довольно хлопнула в ладоши.

— Вот и порешили. Тебе разрешает даже капризная сестрёнка. Не особо частый благодушный жест с её стороны, согласись.

Легонько приобняв за плечи Миру, Ян тихо стоял в абсолютном замешательстве, не поспевая за стремительно разворачивающимися событиями.

«Куда, — срываясь на крик, звучал отчаявшийся голос у него в голове, — куда вы так быстро меня спрашиваете? Раз хлопотно меня около себя держать, то я больше здесь не нужен?»

Сердце болезненно ёкнуло и упало в бездонные пучины. Увидев полные страха и боли глаза родителей, Ян заставил себя проглотить чуть не вырвавшийся на свободу крик беспомощности. Коротко выдохнув, он стал смотреть куда-то перед собой, боясь вновь увидеть реакцию близких людей.

— Послушайте, я прекрасно понимаю, что вы поступаете так из лучших побуждений, но учли ли вы моё мнение? — Его руки мелко дрожали. — Меня и здесь всё устраивает. Дружелюбные соседи, любимые книги всегда в доступе, даже из редких изданий. Местный библиотекарь согласился мне их скрытно выписывать в обмен на мамины зелья для увеличения плодов овощей.

— Так вот почему я каждый раз недосчитываюсь двух или трёх пробирок, — чуть не шмыгая носом, Ярослава отвернулась к окну, начав прикидывать, сколько же их в итоге было позаимствовано сыном, лишь бы отвлечься от рвущих душу мыслей.

— Главное, что мне нравится размеренная и ничего не предвещающая жизнь.

— Ничего не предвещающая, — эхом повторил прежде молчавший отец.

— Это не то, что я имел в виду, — устало прикрыв ладонью лицо, юноша нервно провёл руками по волосам. — Я имел в виду не сулящая ничего плохого.

— Как и хорошего. Абсолютно ничего.

Медленными шагами Назар огибал широкий обеденный стол, который ежедневно накрывали маленькие ручки его дочурки. Вот массивный гостевой диван, на котором так любит проводить холодные зимние вечера его жена. Прошёл под высоко подвешенной люстрой, плафоны которой дожили до сей поры лишь благодаря усилиям сына по их своевременной полировке, причём тот никогда об этом не упоминал. Он уверенно ступал по дубовым доскам, которые сам шлифовал и полировал днями напролёт. Каждая выемка, каждая неровность поверхности были ему знакомы. И всё сводилось к семье. Делалось из-за неё и для неё. Так будет происходить и впредь. В стенах этого дома или за его пределами.

— Серая рутинная скромного бытия.

Дойдя до окна, возле которого обеспокоенно топтался Ян, мужчина взглянул на далекие звёзды, что в сотнях тысячах километров сжигали свои последние искры. Они лучились завораживающим светом, привлекая торопливых мотыльков, что видят их отражения в уличных фонарях, а также могучих белых медведей, что холодными ночами глядят на отражение звёзд в море, усыпленное стаями уплывающих в иные края рыб.

Звёзды рождались одна за одной, бороздили просторы Вселенной, исследуя

пространство и время, и умирали, оставляя за собой едва различимый шлейф угасающей жизни. Угасающей, но не бесцельной.

— Не для того ты был рождён, чтобы проживать нашу жизнь. Не для того, чтобы вывозить на себе вся тяготы, как это делали мы с матерью, когда нам пришлось затянуть ремень потуже, воспитывая тебя с сестрой, — в упор глядя на сына, произнёс Назар. Все заученные слова, которые он обдумывал последние несколько дней, вылетели из жужжащей мыслями головы. — Мы бесконечно тебе благодарны, но сейчас, когда действительно есть шанс изменить что-то в себе, разве ты так легко его упустишь? До конца хочешь видеть мир сквозь страницы вызубренных от корки до корки учебников, в то время как буквально перед тобой расстилаются миллионы неописанных растений и нужно лишь отложить учебник в сторону и протянуть руку вперёд?

Сделав последний, заключительный шаг, Назар твёрдо положил огрубевшую руку на юношеское плечо, успокаивающе похлопывая по нему. Зелёные глаза ласково улыбнулись, возвращая одолженные когда-то у этого же ребёнка смелость и спокойствие. Веру, что всё непременно будет хорошо. Пришло время возвращать долги.

— Рано тебе ещё превращаться в морального старика, сложив парадные одежды на полочку в затхлый шкаф и ждать, когда они пригодятся.

Глава 3

— Великий Ванабавл, не могу поверить, что манипуляции моих родителей достигли таких высот.

Небольшая стопка необходимых вещей была постирана и идеально выглажена. Стальной кинжал с овальной рукояткой из бука мирно ждал своего часа в кожаных ножнах. Редкими видами зелий были до краёв наполнены разной формы склянки, искажавшие реальные цвета этих снадобий. Инструкции по их применению, выведенные аккуратным женским почерком, были перехвачены тонкими прозрачными резинками. Провизия, которой с лихвой хватило бы на две недели, была разложена по маленьким пакетикам, что должно было уменьшить смешение запахов.

— Только начни мне тут жаловаться! Я пытаюсь устроить твою жизнь. Потом ещё будешь благодарить.

— Ага, если доберусь живым, конечно, — проворчал Ян, за что получил лёгкий подзатыльник от матери, после чего, следуя золотому правилу семьи Башазаг, как ни в чём не бывало продолжил: — Даже если попаду на тот свет, я навещу вас. Отправлю вещее напоминание о себе, так сказать. Надеюсь, вы не слишком будете шокированы видом сына, состоящего лишь из костей да мышц.

— Откуда столько дерзости, молодой человек? И какие ещё мышцы, о чем вы? Небось, бредите со вчерашнего вечера.

— Учусь у лучших, матушка, — игнорируя последние слова, Ян перепроверял список взятых в поход предметов. Последние приготовления были закончены, оставалось совсем немного времени до начала путешествия в неизвестность.

— Я смотрю, ты, наконец-то, дал второе дыхание своей шевелюре. Смотрится весьма... — Назар сделал небольшую паузу, стоило ему поближе разглядеть коротко постриженные пряди — всё, что осталось от густой львиной гривы, — удобно.

— Это неудачная попытка сделать комплимент или довольно отчётливый намёк больше не менять свой стиль? — покосился на него Ян.

— Одно другого не исключает.

Яна такой ответ не удовлетворил.

— Тебе идёт, но давай лучше не травмировать психику местных людей.

Ян всё ещё не был доволен ответом.

— Как я вижу, дело осталось совсем за малым, — кашлянув в кулак, отец семейства сложил руки в замок. — Может, поговорим как мужчина с женщиной? Могу научить парочке фраз для обольщения, если захочешь вскружить девушке голову в пути. Ну, или не совсем девушке. Наш дом открыт для людей разных полов и возрастов.

Тем временем руки его то и дело сжимались в кулаки.

— Можешь идти обратно в дом, я передумал. Мне не нужна твоя помощь, — потуже затягивая узлы на вещмешке, Ян повернулся к отцу. — В нашем семействе точно ещё остались, помимо меня, воспитанные люди, что соблюдают хоть какие-нибудь рамки приличия?

— Учитывая, что ты сам вырос в такой же среде, — задумчиво произнёс Назар, — шанс того, что ты воспитан, крайне маловероятен. И в этом нам помог убедиться вчерашний

случай, когда выяснилось, что третий том «Лесных растений Пансо» уже был выдан какому-то школьнику.

Ян с ещё большим рвением начал проверять наличие всех необходимых предметов.

— Неужто у тебя действительно не осталось другого выхода, кроме как выследить этого несчастного мальчика, прокрасться к нему в дом и забрать этот томик, оставив маленькую записку: «Прости, скоро верну»? Ты даже не уверен, скоро ли вернёшься сам, не говоря уже о возвращении книги.

— Каждый человек совершает ошибки, — философски отметил Ян.

— Если осознал это, верни бедняге его книгу.

— Она не его, — раздосадовано бросил Ян, вызвав на лице Назара сочувствующее выражение. Лечится ли это, он не знал. — И, вообще, спишем это на непреодолимую тягу к знаниям.

Назар хотел возразить, но был остановлен поднятой рукой.

— Возвращать не собираюсь.

Мужчина лишь с глубоким сожалением покачал головой.

— Ребятки, готовы? — живая улыбка не сходила с лица Ярославы со вчерашнего вечера.

Хлопоты и тревоги последнего месяца, оказавшегося непростым для всех членов семьи, в особенности для матери, наконец-то, закончились. Начиналась новая глава в жизни семейства Башазаг. Все недопонимания, что успели прорасти, были вырваны с корнем и засеяны ростками исцеления, давшими ранние всходы в виде воодушевлённой больше сына женщины.

Напевая про себя молитвенные песни, Ярослава гнала тянущиеся за юношей неизвестные кошмары. Единственная помощь, скрытая за густыми лесами и одинокими горами, находилась в сотнях километров. Поэтому долгий и изнурительный путь был неизбежен, как и неминуемый печальный исход в случае неудачи. Если бы она поехала с сыном, путешествие бы затянулось на долгие месяцы, которых у них не было в запасе. Отринув прилипчивые мысли, женщина старалась облегчить путь сына, насколько это было в её силах. Поддержать его, даже если не хватало уверенности и для себя самой. Такова природа родителей. Поэтому, нацепив маску безграничной решительности, Ярослава протянула сыну маленький холщовый мешочек.

— Держи, это от нас. Посмотришь содержимое, когда доберёшься до Древногора. Там ничего особенного, так что особо не обольщайся.

Бережно взяв протянутую вещь, Ян с нетипичным ему трепетом повесил её на пояс. Вот и прощальные подарки были отданы. Ничего не осталось, что могло бы задержать его хоть на секунду дольше.

— Садись уже, — рассмеялся Назар, — или боязнь лошадей до сих пор осталась? Не позволяй детским страхам взять над тобой верх. Я убедился: на этот раз лошадь не бешеная, хоть и норовистая. Я предварительно покормил её лучшими яблоками Нарима, так что пока она добрая, лучше трогаться. Она довезёт тебя в целостности и сохранности.

— Пограничные перевалы отмечены на карте зелёными кружками, — вмешалась Ярослава.

Из-за маминой спины резко вынырнула Мира, крепко хватаясь за её одежды, лишь бы не кинуться брату на шею и не разрыдаться.

— Как доедешь — обязательно отправь письмо, хорошо?

Ян нежно улыбнулся.

— Конечно. Кто же оставит без присмотра такую плаксу?

— В следующий раз я расплачусь только когда увижу тебя, а до тех пор обещаю быть сильной.

— Договорились, — потрепав пшеничные волосы сестры, Ян вернулся к лошади и без особых усилий запрыгнул на неё. — Мам, ты свидетель.

Последние минуты. Назар неловко вышел вперёд и решил всё же озвучить свои мысли, чем после жалеть о том, что не сказал.

— Сынок, хоть я и упоминал разного рода драки, в реальности на них лучше не нарываться. Боюсь, отделаться одними синяками не удастся. Прости меня, никудышного, что не растил тебя должным образом.

— Пап, — ободряющим тоном начал Ян, — не беспокойся. Если не силой, так умом я точно их превосхожу. Мам, спасибо.

Ярослава согласно кивнула, прежде чем дать последние наставления.

— Ян, помни, хоть это и ненадолго, будь предельно осторожен и избегай сомнительных ситуаций. Будь на чеку, не прыгай выше головы и береги силы. Кушай регулярно и, наконец, — умоляющим тоном произнесла женщина, простирая перед собой руки, — сделай уже что-нибудь со своим не сгибающимся телом. Начни ловить рыбу, залазь на деревья, кради баклажаны, помидоры, огурцы, если понадобится, и убегай от собак, но приведи себя в порядок.

— И я вас всех сильно люблю, — Яну не было обидно. Ни капельки. — Ну что, я поехал В добрый путь.

— В добрый путь, — хором ответили Башазаги.

* * *

— Тише, тише. Знаю, ты устал. Я тоже, но мы практически добрались, — глядя по загривку порядком изнуренную лошадь, Ян пытался уговорить выносливое создание потерпеть ещё немного.

Глубокая ночь давно опустила свой тёмный полог на северные территории Пансо, заставляя юношу плотнее укутываться в свободного кроя мантию. Большая часть пути была пройдена. Вдалеке виднелся свет фонарей Древногора, поэтому желания останавливаться на очередной привал не было.

Благодаря стараниям матери Ян смог без особых проблем проделать весь путь, временами угощая свою единственную компанию — нодскую охотничью. Хоть у коня было своё видение того, с какой скоростью и какое количество километров она может пройти, Клевер зарекомендовал себя как довольно хороший собеседник. В нужные моменты он довольно фыркал, а иногда грозно топал копытами по сухой земле, норовя скинуть со спины своего наездника.

Приземистые домики, стремительно выраставшие в последние годы вблизи города, подобно грибам после дождя, с высоты птичьего полёта представляли мозаичный вариант первого рисунка покойной королевы.

Дома располагались в определённом порядке, вбирая образы стараний застенчивого ребёнка, повторяя линии разноцветных цветов и порхающих бабочек. Ян с восхищением рассматривал детально обозначенную карту.

Большая часть строений представляла чистое небо. Они были окрашены в тёплые и холодные тона голубого и белого. Зелёные одноэтажные сараи играли роль недавно

выбившейся из почвы травы, вдыхающей долгожданные солнечные лучи. Более редкими, яркими оттенками были одарены дома, что носили в себе главную задумку экспозиции — неловко нарисованная композиция из случайных цветов. Горчичные, персиковые, алые крыши и стены хранили неугасающую отцовскую теплоту и материнскую нежность.

Но стоило только мельком взглянуть на крепостные стены, защищающие жителей города от непрошенных гостей, как это тёплое чувство тут же развеивалось в воздухе, подобно летней дымке. По всему периметру двенадцатиметровой мощной стены велось неустанное наблюдение за каждым входящим путником, чтобы удостовериться в его безвредности для жителей Древнегогора.

Потоптавшись некоторое время перед воротами, Ян всё же достал из внутреннего кармана жилетки порядком замусоленную бумагу, наполовину утратившую яркость чернил — заверенное фамильной печатью разрешение на въезд одной персоны и её дальнейшее пребывание на территории поместья Рут. Протянув документ стражнику с ничего не выражающим лицом, наримец отчётливо осознал, что не хотел бы встать на путь многотысячной армии, что без доли сомнений сокрушала ненавистников столицы. Ведь только одного беглого взгляда на небольшой отряд за высокими стенами было достаточно, чтобы понять, на что способны эти ребята.

Городские стражи, все как на подбор выше Яна на голову, а то и на две, стояли в два ряда чуть дальше ворот. Налитые мускулы, приобретённые в результате бесконечных тренировок, натягивали плотную ткань армейского обмундирования, заставляя крепких мужчин на их фоне казаться жалкими любителями. Прямые мечи, сокрытые в потертых ножнах, готовы были в любой момент обнажиться перед захватчиками. Бесстрастные лица воинов, готовых в любой момент дня и ночи сорваться по первому тревожному сигналу, хранили в себе скорбный отпечаток тьмы и разрушения, тщательно скрытый за идеальной военной выправкой.

Но они не жаловались. Размеренная жизнь Древнегогора была для них наградой и отдушиной. Верой, что помогала им не сдаваться. Причиной, почему они брались за мечи и луки раз за разом, когда в беспокойные времена секунды отделяли жизнь от смерти.

Поэтому, когда заходила речь о безопасности народа, такой роскоши, как потерять время из-за неуверенности, неопытности или нерасторопности, воины не могли себе позволить. Незакаленное сердце в бою могло стать источником больших проблем, чем очерствевшее.

Выйдя за ограду пропускного контроля, юноша поспешно засунул разрешение обратно в карман мантии, боясь лишиться единственной надежды найти поместье Рут.

— Как же я устал, — невысокие фонари тёплым тусклым светом освещали городские улицы, составляя скромную компанию уставшим путешественникам. — Первый рубеж пройден, а потому и отдохнуть можно.

Достав из вещмешка вчетверо сложенную карту и заглянув в неё, Ян вместе с Клевером поплёлся вверх по улице, уводившей их прямо за городскую площадь. Равномерное цоканье подков нежно убаюкивало юношу, который уже был не в силах разглядывать красоты столицы Пансо.

— Завтра, после того как выспимся и отдохнем, сможем вдоволь побродить по городу, — растирая сонные глаза, наримец в который раз заворачивал за угол в надежде увидеть нужный дом. — Всегда хотел сходить на местный Базар Чуд и Чарок. Говорят, наш ни в какое сравнение не идёт со столичным. Хочу прикупить что-нибудь для семьи. Порадую

их.

Сильнее вцепившись в поводья, Ян слегка запрокинул голову назад, настолько огромным было появившееся впереди здание. Заветное поместье, больше походившее на дворец, наконец-то, было перед ним, но реальность происходящего никак не хотела доходить до сознания юноши.

— А вот теперь я начинаю беспокоиться, — нервозно рассмеялся Ян, мысленно уже собираясь в обратный путь. — Кто знает, может, это была заведомо плохая идея — ехать к совершенно незнакомому человеку и просить у него помощи.

Мраморные плиты цвета жидкого золота с проблесками белых швов призрачной красотой нередко притягивали талантливых архитекторов в поисках вдохновения. Черепичная крыша, цветом напоминающая кедровый орех, оттеняла внешний фасад, придавая дому несколько неземной вид. Огромные квадратные окна застилали весь периметр дома и свободно пропускали внутрь живительную прохладу северных ветров. Густой плющ, что в своё удовольствие расплзался всё выше по стене и крыше, с каждым сезоном отвоевывал у дворца всё больше пространства. Аккуратно подстриженный газон, просторные теплицы и вазы цвета слоновой кости вдоль узких дорожек приятно радовали глаз. И вызывали в Яне стойкую нервозность, что такому маленькому человеку, как он, не следовало здесь находиться. Нет, даже вдыхать этот ночной воздух.

Развернув Клевера, наримец направился в противоположную от поместья сторону. Он успел сделать всего лишь несколько шагов, как вдруг позади него вспыхнул яркий свет. В круге света появился тёмный силуэт, бросивший длинную тень на пути юноши.

— Здравствуйте, вы, должно быть, мистер Башазаг? — спадающая свободными складками мантия скрывала большую часть тела, показывая лишь неприкрытые лодыжки и пару тёмной тканевой обуви.

Керосиновая лампа, что, казалось, была больше головы Яна, своим ярким огоньком освещала покрасневшие кончики пальцев юноши и спадающий капюшон незнакомки, который наполовину скрывал её лицо.

— Да, здравствуйте, — Ян неловко спрыгнул с лошади и поклонился. — Ян Башазаг. Из Нарима. Приехал по приглашению от Лесьяра Рут.

Неизвестная персона учтиво склонилась в приветственном поклоне.

— Приветствую вас в поместье семьи Рут. Меня зовут Лидия, и с сегодняшнего дня я ваша личная горничная. Можете обращаться, если у вас возникнут какие — либо вопросы.

Указывая в сторону поместья, Лидия неспешно зашагала вперёд, отрезая юноше путь к бегству. Ян торопливо последовал за женщиной.

— Уже поздно. Миссис Рут поприветствует вас должным образом завтра. Мистер Лесьяр сейчас в отъезде. Вернётся к концу недели.

Пройдя через широкую деревянную дверь, они оказались внутри поместья. Дом поражал своей простотой и в то же время богатством. Не было вычурных статуй, бюстов, и, тем не менее, каждый элемент интерьера был выполнен с присущей высшему обществу чопорностью. Ведущим цветом в убранстве был фиолетовый. Сложность извлечения данного оттенка из живой природы была известна всем без исключения, поэтому этот цвет и получил наибольший отклик в королевских семьях. Суммы за метровый кусок фиолетовой ткани могли насчитывать неприличное количество нулей, что только сильнее подстёгивало знать раскупать материю. Длинные коридоры, многочисленные подсобные помещения не позволяли даже приблизительно представить план дома.

Чем дальше они шли, тем сильнее накатывала усталость. Дорогие картины и росписи на стенах уже не вызвали безмолвного восхищения, скорее, больше навевали сон. Свинцовая тяжесть в теле с каждым шагом всё больше мешала хозяину этого тела поспевать за горничной. Совсем отчаявшись, Ян хотел было обратиться к Лидии и попросить рассказать любую историю о поместье, лишь бы замедлить её шаг, но всё разрешилось само собой. Женщина остановилась перед двусторчатой массивной дверью.

— Ваша комната. Вам что-нибудь принести?

— Нет, спасибо, — душу затопило облегчение. — Простите, что доставил вам неудобства. Вы бы уже могли сейчас спокойно спать.

Лидия благодарно улыбнулась.

— Что вы, это входит в мои обязанности. Вы не первый гость, что приезжает после полуночи. Откровенно говоря, я рада вашему приезду, — разговор перешёл на полусшепот. — Юная мисс Рут сразу же оживилась, как только узнала, что к нам направляется гость из Нарима. Она ни разу не была за пределами города, поэтому мало что знает об окружающем мире.

Сожаление и искреннее беспокойство тронули лицо Лидии, но, посмотрев на Яна с толикой надежды, женщина вновь улыбнулась.

— Так что советую вам хорошо выспаться и морально подготовиться к завтрашнему дню. Уверена, он будет не менее насыщенным, чем сегодняшний.

— Благодарю, — запоздало ответил юноша. Он был несколько обеспокоен, не зная, чего ожидать от семейства Рут. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Башазаг.

Закрыв за собой дверь и скинув сумку на пол, Ян тут же повалился на кровать, не снимая с себя верхней одежды. В одно мгновение сон сморил юношу и увлёк в дальние края.

* * *

— Мам, ещё пять минут, — хорошенько подумав, старший сын поменял решение. — Нет, десять.

Ощутимое присутствие постороннего человека мешало юноше провалиться в глубокий сон. И отчаянно цепляясь за ускользящее сновидение, Ян упрямо пытался урвать ещё пару минут, чтобы поваляться в кровати.

— Десять минут, и я лично приготовлю твои любимые вареники. Добавлю побольше зернистого творога именно в твою порцию и никому об этом не скажу.

— Возможно, вы желаете отведать вареников?

Неожиданный ответ.

— Тебе совершенно не идёт этот тон. Подойди лучше к папе, и он достроит тебе новый корпус под опыты. Ты вечно жаловалась, что там негде развернуться. Папа мигом исправит эту непростительную оплошность, — сонливость медленно спадала с глаз. — Просто почаще бывай с ним милой, знаешь же, что он не может устоять перед твоим кротким личиком.

Поразмыслив с секунду, Ян озвучил закономерный вопрос.

— Если так задуматься, то почему ты так отчаянно избегаешь образа ни с чем не справляющейся женщины? — из любопытства поинтересовавшись, юноша лениво приоткрыл один глаз.

Перед ним стояла невысокого роста женщина чуть старше Ярославы. Густые каштановые волосы были заплетены в тугую косу, а после собраны в аккуратный пучок.

Поверх серого платья был надет белый фартук с вышитым на нём гербом семейства Рут.

— Извините, что вошла в вашу комнату. Я услышала голос из комнаты и решила, что вы уже проснулись. Вы были в верхней одежде и что-то настойчиво говорили. Подойдя ближе, я поняла, что вы разговаривали во сне. После возможности уйти не представилось, так как вы наполовину проснулись и обратились ко мне уже осознанно, — Лидия стояла на порядочном расстоянии от кровати, сцепив руки. — Скоро обеденное время. Повара заканчивают готовить блюда. Не хотите ли присоединиться к общему застолью или лучше подать еду позже в вашу комнату?

— Обед, — сморгнув остатки сна, Ян краем глаза посмотрел за окно. Утро давно уже наступило. — Сколько сейчас времени?

— Двенадцатый час дня. В течение часа должны будут подать еду.

— Я присоединюсь к застолью. Спасибо, что предупредили.

— Я зайду за вами, когда все приготовления будут закончены.

Наспех приглаживая волосы, наримец обнаружил несколько непокорных прядей, что упрямо стояли торчком. Другая же часть волос как будто намеренно прилипла к голове, словно мать-кошка лично вылизала каждую волосинку на макушке своего любимца.

— Ванная комната располагается за сводчатой дверью в противоположной стороне от кровати, — любезно подсказала Лидия, предвосхищая неловкую просьбу.

— Спасибо.

Собираясь выйти из покоев, горничная остановилась в паре шагов от двери и повернулась к Яну.

— Извините, забыла уточнить. Какие именно вареники вы предпочитаете?

— Вареники? — недоуменно переспросил Ян. Воспоминание о событиях пятиминутной давности вспышкой предстало перед глазами, заливая его щеки свекольным цветом. — Нет, спасибо. Как-нибудь в другой раз.

— Как пожелаете, мистер Башазаг, — с хитрой улыбкой горничная вышла из комнаты.

— Позор, — стыдливо прикрывая руками лицо, чуть ли не мыча проревел парень.

Собрав последние остатки воли, Ян решил не совершать более подобных ошибок и начал приводить себя в порядок к общему обеду. Взяв чистые одежды из сумки, Ян направился в ванную комнату. Как и ожидалась, даже эти тесные квадратные метры были выполнены в лаконичном стиле. Ничего лишнего, но и не создавалось ощущения пустоты. Белые кафельные плитки, вместительная ванная, позолоченное зеркальце над умывальником и отгороженный укороченной стенкой туалет. Разного рода крючки и платяной шкаф со стеклянными дверцами. Сквозь них были видны сложенные в образцовом порядке банные полотенца пастельных тонов.

Забравшись в ванну, куда предварительно был вылит небольшой флакон расслабляющего настоя «Море в банке», юноша погрузился в раздумья. Впереди оставался сам научно-исследовательский центр и пара-тройка крупных городов по пути. Занятый такими мыслями, наримец не заметил, как очутился посередине коридора, не зная в какую сторону двинуться дальше. Хоть ему и сказали дожидаться в покоях, Ян захотел проявить определённую самостоятельность и показать, что он вполне может справиться с таким пустяковым делом, как пешая прогулка до столовой.

Нет. Ян оказался не настолько самостоятельным, чтобы найти столовую без посторонней помощи. Чем дальше он бродил по бесконечным коридорам, тем больше паника, смешанная со злостью на себя, заставляли его ускорять шаг, практически переходя

на медленный бег. Со стороны эта картина могла выглядеть комично, если бы не одна загвоздка. Ян больше переживал не столько из-за того, что опоздает на обед, сколько из-за возможности потеряться в абсолютно неизвестном особняке с малым количеством людей. За пятнадцать минут судорожного хождения Ян не встретил ни одной живой души. Коридоры, казалось, смеялись над его беспомощностью, делаясь всё более длинными и однообразными, не меняя ни цвет стен, ни стиль картин, ни пейзаж за окном.

— Этот проклятый лабиринт всё никак не собирается заканчиваться, — нотки надвигающейся истерики зазвучали в голосе. — Веником всех дери, просто выйду из окна и зайду в поместье заново. Никто и не заметит.

Открыв нараспашку двустворчатые ставни на окне, которое как раз подвернулось, Ян перекинул правую ногу через подоконник. Пытаясь аккуратно пролезть через окно, не издавая лишних звуков, юноша слегка приоткрыл рот, словно этот ритуал помог бы ему сохранить зыбкое равновесие. Пока он протискивался в оконную раму, пытаясь вытащить носок ботинка из оков ничего не замышляющего подоконника, позади раздался тихий шорох. Быстро освободив ногу, Ян повернулся к источнику звука. Вытаращенные в испуге глаза, скованная поза и неловкие прыжки на правой ноге. И не заставивший долго себя ждать грохот разбившейся вазы.

На него смотрела девушка с резкими чертами лица. Тёмные густые волосы струились по нетипичному для западного континента воздушному платью. Молочного цвета наряд чуть ниже колена с шёлковыми оборками на рукавах и подоле делал образ девушки более юным и лёгким, придавая ей неуловимое очарование. Выражение лица незнакомки быстро сменилось с недоумевающего на откровенно веселящееся, она даже не пыталась подавить непроизвольно охватывавшие её приступы смеха. Переливчатый хохот разнесся над лугом, пугая местных птиц. Стая желтопёрых чижей взметнулась в безоблачное небо, рассыпаясь подобно летнему дождю.

Тем временем Ян глупо озирался то на единственного очевидца своего преступления, то на не успевшую много повидать в этой жизни вазу с ярко-красными астрами. Однако девушку вовсе не смущала данная ситуация. Она ею наслаждалась.

— Не часто увидишь в нашем доме гостей, но такой неловкий экземпляр попадается впервые, — не переставая хохотать, проговорила юная мисс Рут. Кое-как поборов себя, единственная наследница дома выпрямилась и протянула руку парню. — Вы просто находка, мистер Башазаг. Приятно познакомиться, Едвиг Рут.

— Ян Башазаг, — ответив на рукопожатие, юноша виновато посмотрел за спину. — За вазу не беспокойтесь. Я возьму ущерб.

— Не стоит волноваться. Она не представляла никакой ценности. Очередная вещь для создания атмосферы, не более. На выставках начинающих мастеров часто можно увидеть подобного рода произведения.

Внезапно замолчав, Едвиг внимательно посмотрела на собеседника. Заманчивая идея, как вспышка лампочки, пришла в голову.

— На следующей неделе как раз намечается весенний фестиваль, если вы не возражаете, мы можем сходить туда вместе. Насколько я осведомлена, на него съедутся десятки ремесленников из соседних краёв. Сможем неплохо провести время и заодно купить замену вазе. Как вам идея?

— Конечно, — не раздумывая согласился Ян. — Не могу отказать человеку, вызволившему меня из неловкой ситуации.

— Не переживайте. Родители бы спокойно отнеслись к отсутствию незначительного предмета, — отмахнулась девушка. — Лучше скажите, что вы здесь делали? Не думаю, что вы хотели сбежать. Иначе бы прихватили с собой личные вещи. Да и это всего лишь первый день. Моя семья при всем желании не успела бы вам ничем насолить.

Прикусив губу и покосившись на особняк, лишь бы отвести смущённый взгляд от пронизательной хозяйки, Ян медленно начал.

— Пообещайте не смеяться. Хотя, припоминая вашу реакцию на мой неудавшийся побег, не уверен, что вы сможете сдержать чувства.

Едвига насмешливо хмыкнула.

— Обещаю, что буду хранить молчание и никак не выказывать своих эмоций.

— Хорошо. Это была вовсе не попытка бегства, а поиск способа дойти до столовой. На протяжении двадцати минут я ходил по поместью, но как видите, безуспешно. Отчаявшись, решил на единственный пришедший мне в голову в данной ситуации выход — выйти из поместья и зайти в него заново.

Окно приветственно поблёскивало в лучах солнца. Ваза бесшумно рыдала. Было ли это по причине того, что она была неживой и звуков издавать не могла или причиной являлось её разбитое состояние, никто не мог ответить. Как и она сама.

— И вот, я уже почти незаметно перебрался через окно, что, по моему скромному мнению, было выполнено весьма недурно, как меня тут же рассекретили. Теперь я ваш должник. Как в случае с вазой, так и с моим вызволением, — склонившись в благодарном поклоне, Ян посмотрел на покачивающую головой девушку. Приподняв край нежного платья, Едвига склонилась в ответном поклоне.

— Рада была помочь, мистер Башазаг. А сейчас давайте мы вас вызволим из домашнего заточения. Следуйте за мной, — отойдя с дороги, девушка одной рукой показала в направлении столовой и опустила глаза, выказывая наигранную кротость.

— Страшно представить, как мне придётся расплачиваться за вашу доброту.

Едвига зловеще улыбнулась.

— Вы останетесь здесь навечно, чтобы расплатиться за вазу эпохи Раскола. Она обошла нас в целое состояние, — нахмурила носик девушка.

— Извините, — глаза расширились в испуге, — эпоха Раскола? Разве вы не сказали, что она была куплена на выставке начинающих мастеров?

Судорожно соображая, как же он успел так сплеховать и что сказать родителям, Ян прикидывал, что можно сделать в таких плачевных обстоятельствах. Едвига посмотрела на мученические потуги юноши и тяжело вздохнула.

— Шутка. Это была шутка. Вы такой доверчивый, мистер Башазаг. Но предложение остаться навсегда было сделано всерьёз. Вы мне понравились, — игриво подмигнув, Едвига пружинистой походкой пошла вперёд. — За мной, не отставайте. Иначе действительно потеряетесь и останетесь здесь навсегда.

«Эта неделя будет невыносимо долгой», — про себя отметил Ян.

* * *

— Как добрались? Не возникло никаких проблем по пути? Слышала, по дорогам близ Древногора ходят рейды стражников, поэтому попросила их на всякий случай просматривать приезжих людей. Если бы они наткнулись на человека, похожего на вас, в соответствии с тем, как описал вашу внешность мой муж, стражи непременно направили бы

вас в наш дом.

Нежное лицо, не похожее на строгие черты дочери, обрамляли слегка завитые пряди волос, свободно свисающие из-под высокой причёски. Карие глаза смотрели с живым любопытством, отмечая каждое произвольное движение милого гостя. Грация, располагающая манера речи, искренняя заинтересованность в собеседнике — всё создавало образ радушной хозяйки дома. Но внутреннее чутьё подсказывало Яну, что он не добровольно пришёл в этот дом, а его умело заманили в красивую клетку. Как пойманная в ловушку мышка, Ян пытался спастись от цепких лап кошки, что забавлялась с невольной жертвой.

Отбросив не самые радужные мысли, юноша попытался представить отчий дом и подумать о том, ради чего затевалась вся эта длительная поездка. Чем дальше он находился от родительского дома, тем больше его беспокоили смутные сомнения. Плохое предчувствие не покидало Яна, стоило ему добраться до Древногора.

«Разберусь со своим самочувствием, увижу мир, как того хотели родители, и сразу обратно», — про себя рассуждал Ян, не забывая вовремя отвечать на вопросы Домны Рут.

— Вот как. Нарим всё так же размеренно себе поживает. Как я скучаю по этой спокойной обстановке. Давно там не была. Надо будет как-нибудь заглянуть. Надеюсь, вы сможете показать красоты города четырёх ветров в наилучшем свете, — отложив вилку на пустую тарелку, Домна сложила руки в замок. — Что собираетесь делать в Древногоре? Есть планы на ближайшие дни?

— Ваша дочь предложила присоединиться к ней для посещения ежегодной выставки начинающих мастеров. Я бы с удовольствием составил компанию Едвиге.

— Ах, как бы хотелось сопроводить вас, — чуть грустно произнесла миссис Рут. Ян застыл в тревожном ожидании, — но, боюсь, на этот день у меня уже запланированы дела. Да и не хочется утомлять молодёжь старческими разговорами. Могу только подсказать, на что обратить внимание, в первую очередь.

Едвига с интересом придвинулась вперёд, локтями забираясь на стол. Если уж Домна посчитала, что на ярмарке есть, на что посмотреть, то это определённо было стоящим зрелищем. Нечасто можно удивить человека, объехавшего четыре континента. И ещё реже, когда с его же подачи ведутся коммерческие переговоры.

— Мне тут птичка напела, что в этом году будет особо популярна лавка По Сона. Он привёз с востока интересную вещицу. И довольно экзотическую. Времени на неё посмотреть нет, поэтому за меня это сделаете вы. Стоить она будет недешёво, но результат себя оправдает, — миссис Рут загадочно стрельнула глазками в Яна. — А теперь простите, мне нужно возвращаться к обязанностям.

Встав из-за стола, женщина кошачьей походкой направилась в соседнюю комнату, ненадолго остановившись за спиной наримца. Плавно проведя рукой по мягкой обивке спинки стула, на котором сидел Ян, Домна напоследок задержала пристальный взгляд на юноше, словно проверяя свои догадки.

— Надеюсь, вы останетесь довольны пребыванием в поместье Рут. Хорошо провести вам время.

— Благодарю, — только и вымолвил Ян, натянуто улыбаясь хозяйке поместья. Дождавшись, пока женщина покинет комнату, юноша посмотрел на Едвигу. На секунду ему показалось, что взгляд её был полон неподдельного сострадания к Яну, судьба которого была как будто бы давно predetermined и, увы, не в его пользу.

Помахав правой рукой и тем самым привлекая внимание девушки, Ян нежно улыбнулся, сиюсь смахнуть виноватое выражение с лица Едвиги. Хотя прекрасно осознал, что, если кому и нужна была сейчас помощь, так скорее ему самому.

— На улице прекрасная погода. Будет обидно, если свой первый день в столице я проведу в четырёх стенах. Поэтому не соизволите ли вы оказать мне честь показать достопримечательности старинного города Пансо?

Даже если она знала, что помощь кошки мышке выглядит жалко, Едвиги ничего не могла с собой поделать. Желание быть обманутой собственными иллюзиями перевесило чашу весов.

— С удовольствием, мистер Башазаг, — улыбнулась наследница семейства Рут.

Глава 4

В течение недели с подачи Едвиги Ян изучил краткий курс истории возникновения Древногора. Ни один город не был идеален с самого начала. И Древногор не стал исключением. На его становление, изменение и доработку ушло значительное количество времени, как и руды, угля и других минеральных ресурсов. Но одними ресурсами дело не ограничилось.

Гордыня, жадность, решительность и авантюризм ушедших и приходивших им на смену людей оставили свой отпечаток на западной столице. В избытке было совершено набегов на только сформировавшееся поселение, что не был в состоянии собственными силами защитить своих первых жителей. Немало мародёрств пережили стены города, страдая от безучастности и бессилия городских общин, но горцы не сдавались, и сумели заявить о себе миру, достроив новую ячейку Пансо — Древнегор, что стал новой столицей западного государства.

— Об истории этого загадочного города можно говорить вечно, согласен? Как найдётся время, дома подберу тебе интересные книги об известных деятелях Древногора, — длинное муслиновое платье слегка колыхалось в такт быстрым шагам девушки, — но это потом. Надо спешить. Фестиваль вот-вот начнётся. В лавку По Сона мы должны попасть первыми.

Чем ближе к центру города, тем всё больше людей останавливалось возле гружёных разнообразными товарами повозок, чем и пользовались услужливые продавцы, охотно предлагая им прикоснуться к своим творениям.

Снующие вокруг люди превратились в сплошной стремительный, многоликий и многоголосый поток, так спешили они рассмотреть каждый уголок выставки, чтобы потом дома было, о чём рассказать. На скамейках сидели почтенные старики, неспешно вдыхая сладкий аромат цветов. Родители же, взяв на прогулку заскучавших детей, раскупали в местных пекарнях свежие кремовые булочки, покрытые глянцевой глазурью и посыпанные лесными орешками. Уличные музыканты трубили в фанфары, возвещая о начале фестиваля. Город тут же накрыл гулкий рокот оваций и посвистываний. Ярмарка началась.

Арендованные магазинчики радушно открывали свои двери перед толпами ломящихся покупателей, обезумевших от редкости и красоты драгоценных изделий. Однако даже боязнь того, что хлипкие двери не устоят под напором страждущих и слетят с петель, не останавливала торговцев, и они продолжали зазывать народ в свои лавки, чтобы втридорога продать очередную безделушку.

— Не время разглядывать обезумевших от счастья людей. Настоящее произведение ждёт впереди, — схватив Яна за руку, Едвига энергично протискивалась сквозь нескончаемую толпу зевак. — Три поворота, и мы у цели.

За очередным углом показалось непримечательное на вид одноэтажное здание. Обшарпанная черепица, треснутое окно и чахлые лозы винограда. В отличие от владельцев других магазинов, сверкающих чистотой и благоухающих парфюмерией, хозяин этой лавки явно не выказывал никакой предпринимательской жилки или желания обогатиться за счёт покупателей. Либо же был крайне уверен в своём товаре.

Открыв на удивление прочную дверь, молодые люди погрузились в полумрак, который своими тёмными очами всматривался во впервые пришедших гостей. На секунду

стусежавшись, они всё же переступили порог магазина. В нос сразу же ударил запах диких трав и миндальной эссенции. Увесистые мешки с чёрным и красным перцем, тмином и другими приправами были кучами разбросаны по углам комнат. Витающие в воздухе ароматы душицы и кукурузного масла напоминали о родном доме, где жизнь не останавливалась ни на секунду.

Пока Ян озирался по сторонам, подмечая детали таинственного магазина, Едвига подошла к двери на склад и постучала по ней девять раз, делая короткие паузы, увеличивая или уменьшая силу стука. За дверью послышались недовольные возгласы и ленивое шарканье ног. А затем скрипучий голос певуче затянул старинную сказку:

Солнце взошло, ребёнок, проснись,

Время пришло облакам разойтись.

Вечный огонь в печах разгорись,

Первые станы в округе зажглись.

Едвига быстро поймала мотив, продолжив старо-берьяжский сказ:

Издавна рыцари верно клялись:

От ига сна злого освободись,

Мужества древне сказанье свершить наберись,

Пред золотой эпохой смиренно склонись.

Стоило последним строчкам слететь с её губ, как дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял старик с чёрной кожаной повязкой на правом глазу и прогулочной тростью в левой руке. Он приветствовал гостей, склонившись в уважительном поклоне. Раздражённый голос старца смягчился.

— Досточтимые гости, добро пожаловать в скромную лавку По Сона. Прежде чем перейти к делу, могу ли я узнать ваши имена?

— Я представляю семейство Рут, а это близкий друг нашей семьи.

— Едвига Рут, рад встрече. Ваша мать ручалась, что вы придёте на ярмарку с чисто научным интересом. Будучи выходцем из семьи учёных, не могу не похвалить ваше стремление к познанию. Буду рад лично вас сопроводить.

Аккуратно взяв руку девушки, старик оставил на ней лёгкий поцелуй. Обратив внимание на вопросительное выражение лиц юноши и девушки, охранник стусевался.

— Простите мою невоспитанность. Совсем забылся. Меня зовут Рилинд Азьюл. Надеюсь, моё неподобающее поведение не изменило вашего мнения о наших скромных владениях, — прокашлявшись и сделав глубокий вдох, старик неспешно спускался вниз по узкой лестнице вглубь маленького строения. — Мы стараемся особо не распространяться о временном штабе, чтобы местные крысы не сбежались на запах сыра.

От манеры речи, что во мгновение сменилась с уважительно-подобострастной на мрачно-загадочную, в уме возникло только больше вопросов. Хоть Ян понимал, что обращались не к нему, никто не знал, когда напускное радушие обернётся стрелами в спину.

— Должен признаться, довольно тяжёлое занятие. Каждый раз, когда становится известно о нашем местонахождении, нам приходится спешно менять локацию и перевозить нелёгкого веса грузы. К сожалению, в случае необходимости транспортировки от некоторых из них приходится избавляться сразу же. Каждая секунда несоблюдения надлежащих условий содержания приводит к потере свойств зелий. Любой показатель внешней среды, такой как температура воздуха, влажность, проветриваемость помещения и прямое попадание солнечных лучей могут сильно изменить их первоначальные свойства.

Шаг за шагом спускаясь по замшелым ступенькам, малая компания проходила мимо призрачных огоньков, что с удвоенной силой разгорались от человеческого присутствия.

— До чего же капризные существа, однако, достались нам в этом году. Невольно брошенное обидное слово может запустить цепочку химических реакций, которые моментально вызывают в крови и потом в добытых снадобьях термодинамические процессы, — Ян и Едвига непонимающе переглянулись, не имея ни малейшего понятия, о чём толкует старик. — Как правило, это стремительное повышение температуры. Возможно, таким образом они хотят показать свои недовольство и гнев, перед тем как угаснуть навсегда?

Невесело засмеявшись, проводник заметно сник, о чём свидетельствовал весь его облик. Но и это состояние не продлилось долго, уступив место неумолкающей болтовне. Пока никак не унимающийся старик рассказывал о бедах, что на его глазах разворачивались в десятках временных пристанищ, гости мельком рассматривали вереницу залов, открывшихся их взорам, когда лестница, наконец, закончилась.

Каждая из комнат отвечала за определённый сектор магии.

Первая комната, или Первая фаза магии, наиболее простая в изучении и применении, отвечала за каждое направление стихийной магии по отдельности. Шелест ветра, разгорающийся жар живого огня, журчание чистого ручья или треск литосферных плит. Над дверью такие помещения обозначались двумя зелёными треугольниками, вершины которых силились соприкоснуться. Песочные часы, как их прозвали в народе.

В этой комнате желающие могли купить пару флакончиков «Пимуль» и рассыпать мелкую стружку колотого льда, что растворялась только в почве, по кругу над грядками, как будто над ними проливался грибной дождик, возрождая к жизни успевшие завянуть побеги. Некоторые приобретали жёлто-оранжевую пузырящуюся мазь «Светлосвет». Если намазать ею руки, потом можно в течение получаса выпускать маленькие холодные призрачные огоньки и освещать ими путь.

Каждый пришедший сюда мог соприкоснуться с древней практичной магией и на себе ощутить её плоды. Тем не менее, насколько бы зелья не были полезны в хозяйстве, столпотворение посетителей никогда не угрожало этим комнатам, в которых соблюдался привычный спокойный режим и нейтральный покупательский спрос.

Большим интересом пользовались сокрушительные и шумные фокусы, представленные во второй комнате. Вторая фаза магии находилась на стыке двух, а то и трёх стихий и наделяла обладателя поразительными способностями. Её обозначением были жёлтые треугольники с наполовину вошедшими в друг друга вершинами. Сводчатый зал был заполнен склянками с шумным содержимым, взрывающимися порошками, ароматическими свечами и сотнями других странных предметов. Диковинки одна любопытнее другой притягивали взоры жадных до всякого рода чудес господ, готовых смести их все подчистую с ломящиеся от товаров полок.

Жители города на свой страх и риск приобретали невиданные вещицы, не зная точно их свойств, назначения и специфики применения. Они позволяли создавать вспышку молнии по щелчку пальцев, за секунду собрать зрелые яблоки с дерева, на котором только неделю назад появились цветы, или, не вставая со стула, создавать керамические изделия, используя воду, огонь и глину прямо из рук.

Такая магия требовала затраты немалых ресурсов только на её ежедневную подпитку. Качественное финальное исполнение и вовсе поддерживалось вторичными, более дорогими

жидкостями, которые по каплям надо было добавлять в первичное зелье для сохранения магических свойств на длительный срок.

Хоть в глазах людей данный вид магии был наиболее ошеломляющим, что делать с подобного рода сверхчеловеческими способностями, их новоиспечённые обладатели не представляли. Желание владеть этими баснословно дорогими и редкими флаконами было больше, чем необходимость в них. И так эти пробирки и мешочки пылились годами на полках, напрасно ожидая своего звёздного часа, пока вовсе не утрачивали потенциал.

Над последней видимой дверью располагался знак шестиугольной звезды. Здесь Третья фаза магии стала пристанищем магов, впитавших умения четырёх стихий. В результате особой концентрации маги могли создавать чары, с которыми даже компании умелых магов Первой или Второй фаз не могли справиться. Таких высот в магии выходцы из древних родов достигали посредством многолетних изнурительных тренировок, которые они изучали по многотомным альманахам известных магов тысячелетий. Основываясь на старых знаниях, юные приверженцы магических школ изучали азы чародейства и дорабатывали погрешности первых заклинателей. Методом проб и ошибок они создавали собственные заклятия, возводя неизвестные доселе роды в ранг великих.

Но даже им была необходима сторонняя помощь.

За обсуждением последних громких дел мира магии, попытками выбить скидку на необычайно дорогие жемчужные чётки или павлинье перо, гости упорно не замечали тупиковый коридор, что ввёл в завершающую, невидимую простому взору Четвёртую фазу — проклятую магию. Не все представители магов могли запросто туда попасть.

Роль подспорья взяли на себя небольшие и более тяжело обучаемые гильдии — целители, шаманы и, реже, альмы. Ритуальные листы, чернила, добытые при помощи лунного света, деревянные гребни колдунов и многое другое, что не представляло интереса для стихийных магов, было кладью возможностей для последователей запретной магии, магии тьмы или, как остальной мир обращался к ним с высокомерным презрением и благоговейным восхищением, магии Ройза.

Целители, будучи созданием божьего промысла, безотлагательно помогали всем нуждающимся и отдавали все силы на сохранение мира на четырёх континентах. Они появлялись в эпицентрах ожесточённых битв, спасая каждую жизнь, цепляющуюся за отголоски света и материального мироздания.

Шаманы вели аскетичный образ жизни и редко попадались на глаза людям, предпочитая скрываться в колючих терновниках безмолвных лесов. Встречи с представителями древних магий были редки и связь столь хрупка, что с течением столетий их встречи со столичными магами становились всё более нежелательными. Поэтому обе стороны условились встречаться только в самых чрезвычайных, не терпящих долгих отлагательств ситуациях. Но были и те, кто не побоялся нарушить незыблемые принципы предков и перебраться в зону видимости первых трёх фаз магии в погоне за богатством и славой.

И последние, от чьего присутствия кровь застывала в жилах, и инстинкты самосохранения кричали «Беги!», чьи лица можно было увидеть изредка при свете ночи, и после этого молиться днями напролёт о спасении своей жизни, альмы — маги крови. Хоть лавка По Сона крупно рисковала, позволяя проклятым магам находиться на их территории, альмы всегда с лихвой оправдывали всевозможные ожидания.

Никогда не торговались и всегда приобретали весь необходимый им товар, не обходя

стороной ни один предлагаемый продукт. Особо активные тёмные маги заранее договаривались с учёными о приготовлении флаконов с живительной силой. Платили наперёд золотыми монетами и не жаловались на короткий срок годности зелий, как это привыкли делать маги светлого пути. Всегда сдерживали обещания, приходя ровно в назначенный день и час. «Пунктуальность — вежливость королей», — любили говорить они. Наравне с сулящей неприятности фразой: «Каждому воздастся по заслугам». Но об этом все предпочитали тактично не упоминать.

И несмотря на подстерегавшую учёных опасность, они с удовольствием делали поблажки ученикам тёмных искусств и едва ли не стали называть их любимыми гостями. Как многие считали, с ними даже разговоры были более интересны и познавательны. Они всегда могли помочь советом и подсказать, например, на какие больные точки надавить, чтобы обидчик дольше отходил от морального урона. В случае драк — какую оборонительную стойку принять, если соперник обладал существенным преимуществом. Или как обхитрить мошенников на их же территории. Словом, приятные малые.

Более того, после вылазок на территории большого скопления тёмной энергии, такие как недавние места войн, кладбища или местности, охваченные эпидемиями, они частенько расплачивались украшениями, что попадались на телах несчастных убитых. Работники лавки не упускали такой прекрасной возможности и более выгодно продавали эти предметы на чёрных рынках или находили живых родственников и предлагали сделку на равных условиях. На обмен могла быть представлена другая реликвия или ценная информация. Каждому из секретов они назначали цену и дальше судили, достаточно ли этого для обмена.

Что бы не думали светлые маги, пока никто со стороны запретной магии открыто не нападал на мирное население, пока не была доказана их причастность к нарушению договора о мире, ни один маг светлых искусств был не в силах предпринять ответные действия. Мало кому удавалось уличить тёмную сторону в обмане или краже людских душ, поэтому они часто выходили сухими из воды, продолжая проказничать при свете дня и ночью.

Единственным уголком спокойствия для тёмных магов стала лавка По Сона. Здесь не надо было прикрываться фальшивыми личинами, беспокоясь из-за быстро разгорающиеся среди простых горожан слухов. Маленькая комнатка с резким запахом полыни и флаконами с тошнотворной на вкус микстурой для принудительной циркуляции крови вмещала в себя гораздо больше, чем простые ритуальные артефакты. В первую очередь она стала отдушиной для одиноких путешественников на неправильном пути. Даже холодные с виду мерзопакостные преступники чувствовали приступы ломящей тоски при виде людей, что могли себе позволить поговорить с близкими, притронуться к ним. Маги, пытаясь унять душевную боль и ослабить стягивающие оковы, тянулись к себе подобным, готовым разделить муки монотонного, бесконечного существования.

* * *

Пока покупатели брали побрякушки в руки, вертели их, разглядывая с разных сторон, и ставили обратно, заметив новую безделушку, Ян и Едвига, следуя за Рилиндом, целенаправленно шли в самую отдалённую комнату, скрытую за бисерным пологом.

— Не бойтесь, помимо вас в последний зал было приглашено не так много гостей. Более того, у каждой персоны есть отведённое ей время. В списке ваша фамилия значится в числе первых, так что проблем с нехваткой экспонатов у нас не возникнет. Ваша матушка

хорошо похлопотала, чтобы дочке досталось самое лучшее, — мистер Азьюл ненадолго впал в задумчивость, а затем вновь заговорил. — Хотелось бы, чтобы и мои родители были в состоянии сделать что-нибудь для меня. Не упускайте эту возможность, пока её насильно не отнимут из ваших же рук...

Едвига коротко кивнула.

— Ну что же, мы пришли, — старик радостно хлопнул в ладоши.

Уединённая комната встретила их светом тусклой лампы, свисающей с потолка. Как только молодые люди шагнули внутрь, их ноги тут же увязли в крупном песке, а температура в помещении оказалась значительно ниже, чем снаружи. Выдохнув, можно было увидеть клубящиеся облачка пара, быстро поднимающиеся вверх. Неосознанно приходилось обхватывать себя руками, чтобы хоть как-то восполнить стремительно уходящее из тела тепло. Непонятные письма на стенах отдавали зелёным свечением. Меж чёрных настенных плит виднелись лепестки ярко-жёлтых цветков. До странности знакомый запах пробрался в ноздри Яна.

И, конечно же, главным украшением нашумевшей лавки была отдаленно стоящая в отдалении витрина с многочисленными колбами. Яркие полупрозрачные бесцветные и кислотных оттенков сосуды флуоресцентным светом били стекло колбочек. Звуки, смутно напоминающие потрескивание костра, участились с приближением к ним гостей.

Ян хотел было спросить, чем вызван такой ажиотаж среди знати вокруг конкретно этих экспонатов выставки, и что можно ожидать от стеклянных пробирок, как ответ сам собой всплыл в голове, стоило ему посмотреть направо. Рядом с юношей теперь стоял не тот немощный старик, что хромал на одну ногу и едва мог дышать, скрывая при этом сдавленный кашель за неловким смехом. Перед ним предстал полный сил мужчина с естественной лёгкостью в движениях. Вплотную подойдя к витрине, Рилинд вынул три флакона, что располагались на первой полке.

— По вашему взгляду могу определить, что вы немного удивлены такими переменами в моей внешности. Это всё проделки зелья «обратное зеркало». Даже я не в состоянии отследить, в кого превращусь в следующий раз. Превратности судьбы, так сказать. Но мы над этим работаем.

Ян с Едвигой некоторое время ошеломлённо смотрели на новое лицо проводника, пытаясь осознать, как человек за столь короткое время смог настолько измениться. И только чёрная повязка неизменно скрывала правый глаз от внешнего мира.

— Не беспокойтесь, перед вами истинный я. В этой комнате не действует сакральная магия, что была принята вне этой комнаты. Так же, как и действия эликсиров.

Подняв указательный палец как учитель начального звена, Рилинд хотел добиться от так называемых учеников положительного отклика на действительно поразительный эффект зелья, но увидел лишь сомнение во взглядах, направленных на три затейливых флакона, которые держал в руках. Мужчина негодуя фыркнул.

— Однако зелье, применённое в стенах этой комнаты, будет иметь свой эффект. «Обратное зеркало», которое сделало из меня соседского старика-конюха, было тестовым образцом № 4 и стоит в самом дальнем углу первой полки сверху, — мужчина довольно хмыкнул и слегка потряс прозрачным флаконом перед глазами своих гостей, проверяя пузырёк на наличие содержимого. — Но то, что находится в моих руках, вызовет больший интерес.

Торжественно продемонстрировав гостям маленькую бутылку, Рилинд с гордостью

представил последние удавшиеся разработки лавки По Сона.

— Перед вами представлены прототипы изменения не внешности, но системы более сложной, что не поддаётся быстрым переменам и по своей натуре является более капризной — самой природы человека, его стержня, характера. Стоит делу дойти до характера, как в лучшем случае, малейшим сдвигам суждено случиться через недоступные по времени месяцы, а то и годы. Это наиболее проблематичная часть нашего существа, что в нужные моменты гораздо лишь подводить.

Недолгая пауза повисла в закрытой комнатке.

— Мы предлагаем Вам перевоплотиться в тот идеал, к которому вы стремитесь. Представьте, что, выпив лишь один флакон, вы можете избавиться от страха высоты и сразу же взобраться на самые высокие горы, какие только увидите. Или, например, вам никогда не хватало смелости сразиться со своими обидчиками — а теперь вы сможете хоть сию минуту идти в бой. Это может быть решено с помощью пары капель «Альтер». Решительность станет вашим вторым именем, и вы забудете о растерянности, неловкости или ступоре.

Рилинд отрешённым затуманенным взглядом гипнотизировал маленькое творение, всё сильнее погружаясь в прошлое. Кто знает, как бы сложилась его жизнь, будь это средство в его руках раньше, чем подставленные к горлу мечи.

— Изменение внешности вы смогли наглядно увидеть на моём примере, но характер штука более сложная. Да и вы не поверите, если лично не убедитесь. Я могу выдать вам по одному флакону на каждого. Эффекта хватит на пять минут. Кому-то это может показаться недостаточно красочным представлением, но мы, учёные, что раз за разом терпели крах, знаем, что порой и секунда может изменить переменчивую судьбу. Более того, сейчас мы работаем над продлением эффекта, — подойдя к молодым людям вплотную, мистер Азьюл оживлённо спросил: — Ну что, хотите испробовать?

Ян и Едвига неуверенно кивнули.

— Один из них определённо-направленного характера. Другой интуитивного, что основывается на внутреннем состоянии, — пара неуверенно переглянулась. — Итак, объяснения для начинающих. При первом типе зелья вы выбираете недостающую вам черту характера. Будь то упорство или умение схватывать на лету. Второе работает на основе информации из окружающей среды наравне с собственным восприятием ситуации. Проще говоря, в зависимости от происходящего, эликсир сам выбирает, чего вам не хватает и самостоятельно вырабатывает нужные в данной ситуации черты характера в удвоенном количестве.

Убедившись, что до них дошла суть действия зелья, Рилинд удовлетворённо кивнул.

— Итак, ваш выбор, мисс Рут?

Едвига недоверчиво покосилась на три красиво поблёскивающих флакона. Хоть юной особе услужливо объяснили суть возможностей, которые могут предоставить ей эти сто миллилитров волшебства, не покидающее чувство скепсиса витало в голове. Она не знала, к чему может привести этот маленький эксперимент с сознанием, и как это может отразиться на теле, но давняя тяга к экспериментам и детское любопытство сделали своё дело. Отринув сомнения, Едвига протянула маленькую ладошку.

— Я выбираю определённо-направленного характера.

Сопровождающий протянул ей приятно согревающий руки оранжевый флакон и затем обратился ко второму гостю.

— Молодой человек, у вас всё ещё есть выбор. Что желаете?

— Интуитивного характера, пожалуйста.

Рилинд загадочно улыбнулся.

— Интересный выбор.

В отличие от эликсира Едвиги, содержимое его флакона не имело цвета. Если бы не вес бутылочки, то Ян вовсе бы подумал, что ему протянули пустой сосуд, но стоило ему дотронуться пальцами до флакона, как склянка тут же начала просыпаться от глубокого сна. Сначала неуверенно, пытаясь уловить, кого из себя представляет незнакомый человек, но после, осмелев от незримой связи, начала неспешный разговор с юношей, искрясь скромными вспышками света. В уме Ян невольно сравнил эликсир с любопытно выглядывающим из-за дивана котом, что впервые увидел друга хозяина и пытается понять, как ему себя лучше с ним вести. И удостоверившись, что новый гость не предвещает ничего плохого, выходит из своего импровизированного укрытия.

— Ты первый, — Едвига подтолкнула флакон в руках Яна ближе к его губам.

Наримец с лёгким упреком посмотрел на едва заметно нервничающую девушку — на большее не позволял статус — и безысходно вздохнул. Смирившись со своим положением, юноша не стал тянуть кота за хвост и одним глотком осушил содержимое, которое приятным теплом разлилось по телу.

— Ну, как ощущения? — во все глаза уставилась на него мисс Рут. Ян молча пожал плечами. — Возможно, вы дали нам не те флаконы?

— Какие же вы нетерпеливые персоны, — снисходительно улыбнулся Рилинд. — В науку вам точно путь заказан. Дайте зелью возможность свыкнуться с телом. Понять его возможности. Вселенная не создавалась за секунду.

Время шло, но никаких покалываний или помутнения рассудка не наблюдалось. Ян прислушивался к собственному телу, старался перехватить нетипичные импульсы, но всё было без толку. Устав ждать, он посмотрел на Едвигу и на флакон, который она сжимала в руках.

— Может понадобится больше времени, чем мы рассчитывали, так что настала твоя очередь чудачить.

Девушка согласно кивнула и поднесла горлышко к губам. Вязкая жидкость мягко коснулась губ, пропадая за ровным рядом зубов. Судорожно сглотнув, Едвига с опаской взглянула на двоих присутствующих мужчин, ожидая, что у неё по ошибке вдруг вырастут рога на голове, или весьма некстати появится сильное желание выбежать на улицу и спеть перед случайной публикой песни собственного сочинения, что втайне хранились в запёртом ящике письменного стола.

— Не хочешь случайно убить всех людей на свете или предпочтёшь прочитать любимый том искусства вышивки для грациозных дам?

Ян вовсе не надсмехался, нет. Он любезно отвечал на доброту добротой. В понятии Едвиги.

— Пока нет, но я дам тебе знать, если что изменится, — холодно отозвалась она.

— Мистер Азьюл, не подскажите, что изменил в ней «Альтер»? — проигнорировал девушку Ян.

— Я хотел сделать это маленькой тайной, чтобы в дальнейшем вы угадали сами, но, если вы спрашиваете... Конкретно этот экземпляр представляет из себя давно забытое чувство человечности и сострадания, — монотонно уведомил сопровождающий. — Редкая вещь в наше время.

— И где же эта вещичка была неделю назад? — печально ухмыльнулся Ян, тихо жалуясь про себя. — Она бы помогла спасти не одну душу. Мою так точно.

— Ты что — то сказал? — Едвига натянуто улыбнулась, хрустя костяшками пальцев.

Ян выдавил из себя безобидную улыбку, насколько ему позволили это сделать ещё не успевшие забыться воспоминания прошедшей недели, физические и психологические пытки Едвиги, когда она таскала его по всем музеям — паркам — магазинам Древнегора, пока у него не начали отказывать не только ноги, но и уши, глаза, голова... Да, в общем, всё. Сейчас он стойко намеревался как можно чётче отметить каждую странную деталь в поведении девушки, чтобы в будущем вернуть должок за расшатанные нервы и шантажировать этим девушку.

Знай Ян заранее, что ему придётся проводить столько времени с неудавшейся шутницей, он без раздумий бы согласился лучше вкусить убийственной стряпни Миры.

— Нет-нет. Тебе послышалось.

Мисс Рут только сильнее распалилась.

— Ян Бапазаг, к вашему сведению, я делала всё, что было в моих силах, для нашего общего блага, веселья...

— В каком это месте... — Ян не успел до конца озвучить мысль, как почувствовал, что голова с напором загудела, превращая обычное вертикальное положение тела в сущую пытку. Глаза вот-вот готовы были вылезти из орбит, и даже в темноте комнаты за опущенными веками рябило всеми цветами радуги, что только сильнее подкашивало трясущиеся ноги парня.

— Ян, ты как? Резко побледнел, — встрепелась Едвига. Стоящий позади мужчина молча наблюдал за юношей, хладнокровно ожидая дальнейших изменений. — Мистер Азьюл, у вас есть вода?

Тут же изобразив на лице беспокойство, Рилинд поспешно вышел из комнаты.

— Всё нормально, — медленно опустившись на ближайший стул, Ян, как в тумане, взялся за голову. — Скоро должно пройти. Время от времени такое случается. Я уже привык.

Едвига продолжала суетиться вокруг юноши, не зная, чем ему помочь.

— Это ненормально. Надо сходить к врачу. Как выйдем, сразу же скажу матушке. Она отведёт тебя к лучшему целителю в Древнегоре.

— За этим я и приехал к твоему отцу, — болезненно прошептал Ян. — Вот только мне надо не в Древнегор, а на северный континент — Зильберерц.

— Панпуг? Это же так далеко. Без малого пройдёт половина месяца, прежде чем ты приблизишься к Зильберу хоть наполовину. Оставайся здесь. У нас тоже есть хорошие целители.

Ян слабо улыбнулся.

— Спасибо, Едвига. Не думал, что в твоём сердце найдётся место для сострадания, или это все же действие зелья? Если так, то готов лично заверить учёных, что они блестяще выполнили свою задачу.

Девушка недовольно надула губки, немного расслабившись. Если Ян мог шутить, значит, всё было еще не так плохо.

— Ян, я не настолько бесчувственна. Вот когда тебе окончательно станет лучше, я тут же...

— А вот это уже напоминает знакомую мне Едвигу, — тихо засмеялся Ян. На сегодня его лимит розыгрышей и приключений был уже исчерпан.

Скрючившись от проникающей жгучей боли, Ян упорно продолжал жадно вдыхать через нос воздух. Нетерпеливо барабанив ногами по песку, юноша с силой прикусил губу, лишь бы отвлечься на другой источник боли. Температура тела быстро повышалась, выступающей испариной охлаждая тело.

— Забавно, — запоздало заметил Ян. — До этого были бредни с людьми, а сейчас и с предметами. Страшно подумать, что ожидает меня впереди.

Заметив обеспокоенный взгляд девушки, наримец попытался её успокоить.

— Не обращай внимания. Разговариваю сам с собой.

Сквозь ноющую боль, вытянув шею вперёд, Ян скользнул взглядом по девушке. Чем больше он смотрел на неё, тем сильнее чувствовал несправедливость мира. Ему для полного счастья только не хватало, чтобы ещё и подруга решила податься в цирк и сыграла роль сияющей звёздочки. Ян мог отчётливо видеть, как слабое свечение неспешно расплывалось по гортани девушки ниже к пищеводу, растворяясь там без остатка.

Возможно, это было ранее выпитое ею зелье...

— Это, должно быть, чья — то злая шутка, — устало заметил юноша, всё больше теряя связь с реальностью.

Усталость последних дней с удвоенной силой давила на плечи, придавливая юношу к месту. Мир перед глазами выщвел, раздражая наримца чёрно — белыми очертаниями, и те смутные остатки крохотных вспышек свечения, что юноша ранее успел увидеть в девушке, сейчас растекались по прожилкам меж плит стен, словно то были её сосуды.

Желудок неприятно скрючился, всё тело будто раскромсали на тысячи мелких кусочков, и, казалось, единственный человек, что мог поддаться панике, был он сам, но нести на себе это бремя решила Едвига. Под интенсивным воздействием «Альтер» девушка сделалась излишне эмоциональным человеком, что намеревался слезами своими затопить крохотную комнату при виде всё ухудшающегося состояния юноши. Хотя девушке не мешало быть более внимательной к боли людей, результат зелья явно выходил за рамки её возможностей. Если бы являлось возможным начертить диаграмму качеств Едвиги, то пункт «сочувствие» непременно составлял наименьшие показатели по сравнению со «злорадностью», «азартом» и «равнодушием». Если, конечно, он вообще не успел уйти в минус.

С детства родители учили ее не привязываться слепо к людям, так как многие могут расценить дружбу с наследницей семьи Рут не только как желание общаться, но и как возможность поближе подобраться к знати, приближённой к королевской семье и в нужный момент ударить под дых. Не единичные случаи навредить семейству в день рождения Едвиги, когда при большом количестве людей и ещё большем количестве опасных подарков было тяжелее поймать преступника, только подтверждали их гипотезу.

То и дело отвлекаясь на тоненькие всхлипывания, Ян сквозь зубы цедил нелепые и не совсем связанные глупости, лишь бы Едвига успокоилась. Как бы он ни был ей благодарен за всё, но поддерживать себя в сознании под аккомпанемент её завываний становилось всё труднее. И чем сильнее он пытался отвлечься от дикой боли в теле и заплаканного лица мисс Рут, тем сильнее его тревожили уж больно знакомые прожилки меж плит в стене.

Невдалеке послышались знакомые шаркающие шаги, и из-за двери появился запыхавшийся мужчина.

— Извините, что так долго. Все личные предметы находятся в другом крыле, — подойдя к Яну, Рилинд протянул ему прозрачную кружку с водой, в которой медленно растворялась белая таблетка. Лёгкий запах тухлой рыбы, сладкие нотки созревших фруктов вперемешку с

отчётливым присутствием хлорки намертво впитались в льняную рубашу мужчины. — Добавил болеутоляющую пилюлю, подумал, так будет больше прока. Не беспокойтесь, она на основе природных компонентов.

С осторожностью приняв стакан, Ян настойчиво вглядывался в сопровождающего, который тихо переговаривался с Едвигой. Башазаг готов был поклясться, что секунду назад видел проблеск цвета и в Рилинде. Стены незаметно сверкнули в полумраке.

Допив воду в стакане, Ян почувствовал мгновенное действие таблетки, что с удивительной скоростью придала телу былую лёгкость. Излишняя раздражительность и призрачное чувство, словно тело Яна превратилось в одно большое тикающее устройство, готовое взорваться в любую секунду, которые он накопил в себе с самого первого приступа в Нариме, быстро рассеялись. Примечательно, что этот напиток имел тот же запах, что и аккуратно устроенные цветы в стене. Спокойно встав со стула, Ян ещё раз оглядел комнату в поисках других загадок. Комната стоически молчала.

— Извините, в состав пилюли случайно не входит зверобой? Заприметил этот цветок в прослойке меж камнями, вот и вспомнил название.

— Первый раз встречаю человека, который проникнулся бы дизайном этой комнаты больше, чем её содержимым, — Рилинд размеренным шагом подошёл к Яну. — У вас цепкий взгляд. Вы правы, это бутоны зверобоя. Могу ли я поинтересоваться, чем вызван такой интерес к деталям интерьера столь простенькой комнаты?

— В своё время мои родители занимались ремонтом и строительством домов, так что это семейная черта — первым делом в новой обстановке обращать внимание на мелочи, ведь именно они создают уют дома, — исчерпывающе ответил Башазаг.

Рилинд удовлетворённо улыбнулся.

— Если вас не затруднит ответить, скажите, как вы определили, что в состав пилюли входит цветок зверобоя?

— В детстве вместо книжек со сказками я читал справочники лечебных трав. Кто бы мог подумать, что спустя столько лет это действительно пригодится, — Ян вспоминал толстые листы бумаги, что были больше его головы. — Зверобой может быть болеутоляющим, как вы и сказали, заживляет раны, помогает при боли в голове, печени и желудке. Также дедушки и бабушки любят его использовать при трещинах в пятках или при ангине. Целебные свойства этого растения настолько широко используются врачами, что его можно применять буквально во всем, но больше всего он известен именно своим болеутоляющим и регенерирующим действием.

Мужчина негромко зааплодировал.

— Преклоняюсь перед вашими познаниями. Мало кого встретишь, кто сходу бы выложил целебные свойства незнакомого в наших краях цветка.

Ян довольно хмыкнул.

— Откуда вы знаете, что он не водится в наших краях? Вы не выглядели особо удивлённым, когда я рассказал про зверобой. Встречный вопрос: для чего его используете вы?

— Как вы и сказали, это растение обладает регенерирующими свойствами, — невозмутимо отозвался Рилинд.

Ян и не рассчитывал на другой ответ.

— Кажется, я вспомнил кое-что ещё. Ходят слухи, что эта трава годится не только как лекарство. Помимо лечебных свойств она знаменита своими впечатляющими

поглощающими свойствами, хоть и не многие об этом помнят. Словно губка, она впитывает любые признаки магических явлений, иссушая их до тех пор, пока объект вовсе не перестаёт быть магическим. Настойки зверобоя даже хотели запретить, но кто-то свыше отозвал этот закон. «Ведь для людей обыкновенных он не представляет угрозы».

Едвига насторожённо переводила взгляд с Яна на мистера Азьюла, не понимая возрастающего напряжения, что точно звонкие разряды электричества проскальзывало между ними.

— Пациенты, которые принимали его первое время, думали, что избавились от преследующих их симптомов, в то время как организм начинал незаметно для себя разлагаться, что и приводило к трагическому финалу. У Вас именно по этой причине в расщелинах между плитами виднеется зверобой?

Блеклая улыбка сменилась хищной ухмылкой.

— Какой, однако, любознательный сегодня гость к нам пожаловал. Начитанный, внимательный, но, боюсь, не особо осведомлённый. Могу лишь сказать, что мы используем весь потенциал материалов, которые попадают к нам в руки. И они идут на благо народа, если вы обеспокоены этим. Не все люди, правда, это понимают, но и мы никак не намерены с этим бороться. Рано или поздно они дойдут до этого сами, что произойдёт и с вами, ведь так, мистер Башазаг?

— Не уверен, что вы сами отдаёте себе отчёт, для чего создаёте зелья, — Ян уверенно посмотрел прямо в бездонные чёрные глаза напротив, — поэтому хочу предупредить. Не просто так выживают только определённые виды живых организмов, ведь для этого и существует естественный отбор. Что его не прошло, не имеет смысла существовать. Как для самих себя, так и для окружающего мира. Не играйте с законами природы, мистер Азьюл.

Яркие глаза, что сравнимы с тысячелетними ледниками, пылали неуправляемой яростью.

— Мы обязательно примем ваше замечание к сведению.

Взяв Едвигу под руку и направившись к выходу, Ян в последний раз окинул взглядом витрину с зельями.

— Напоследок осмелюсь спросить, знает ли, вообще, ваше руководство, на чём конкретно основано данное исследование?

Рилинд нагло ухмыльнулся, с опасным интересом окинув нарисца с ног до головы, отпечатывая его образ в голове, после чего тактично прошёл мимо собирающейся уходить пары и вежливо указал на занавес из бисера.

— Мы будем ждать вас снова.

У человека можно отобрать всё. Дом, семью, вытравить из него личность. И единственное, то самое страшное, что будет поднимать его из мертвецов раз за разом — это несокрушимая вера в свою правоту.

Глава 5

— Вы ничего не забыли? Все необходимые вещи при вас? Может, ещё останетесь ненадолго? Скоро выходные. Могли бы устроить вылазку в город, сходить на спектакль, — вопросы и предложения сыпались, как из рога изобилия. Моральная пытка длилась ровно с тех пор, как Ян, сглупив, вышел в главный холл с походной сумкой на плече.

Миссис Рут искренне переживала за благополучие юноши, однако, Ян никак не мог отделаться от ощущения, что стоит ему провести ещё один день в этом поместье, как он окончательно сдастся на милость Домны Рут. А к чему могут привести капризы настойчивой женщины, юноша и думать не желал. Инцидент в лавке По Сона лишний раз напомнил, что в мире сосуществуют вещи и события, о которых лучше вовсе не знать.

Пребывание в поместье Рут хоть и закончилось на тревожной ноте, но всё же оставило в памяти множество положительных моментов. Каждая достопримечательность, которую ему посчастливилось посетить, представляла особую ценность. Национальная библиотека, где книг такое множество, что и десяти жизней не хватит прочитать. Ботанический сад с тысячами видов растений, которые юноше доводилось видеть лишь на картинках в старых книгах. Дворцы правящих семей, на потрескавшихся стенах которых запечатлён порох войн. Каждая проведённая в Древнегоре минута оставила гораздо больше грандиозных впечатлений, чем Ян успел собрать за всю свою жизнь в Нариме.

Нарим.

Временами во сне юноша вновь оказывался в окружении шумной семьи, что сейчас, наверняка, проводила череду привычных будней среди соседей, крайне возбуждённых в период скидок на ручные изделия. В это время жители города начинали сходить с ума, сметая с прилавков цветастые платки, роскошно вышитые платья с орнаментом или рукодельные перчатки с воланами. Каждый пытался поскорее забрать свою долю, чтобы покрасоваться новинками перед сгорающими от зависти сестрами и братьями, которым не досталось и кусочка с ярмарок дизайнеров. Семейство Башазаг же терпеливо оставалось в стороне, поджидая более спокойных деньков и наслаждаясь оживлённой атмосферой.

Ради них Ян и должен был продолжить путь, чтобы вернуться как можно скорее.

Взобравшись на отдохнувшую лошадь, Ян помахал рукой на прощание и пообещал, что обязательно навестит хозяев дома на обратном пути. Мистер Рут с непроницаемым лицом наблюдал за юношей, предчувствуя, что ему предстоит долгий путь. Поездка до Древнегора была лёгкой, благодаря чему Ян и смог в короткие сроки добраться до столицы, впереди же его ожидала дорога, полная грязи и ухабов, и даже Лесьяр не мог предугадать, с какими трудностями придётся столкнуться путнику. Здесь ему помогли любящая мать и её вечный должник и друг, но там ему придётся рассчитывать только на себя.

Отдав свои записи, Лесьяр настоял на том, чтобы мальчишка по пути прочитал те несколько ветхих руководств, что он наспех сумел собрать у друзей. Детали со временем могли измениться, но суть всегда оставалась прежней. Наученный опытом повторных ошибок не совершит. Никогда нельзя быть полностью уверенным в своей безопасности, даже если кажется, что поблизости никого нет.

Помолившись за лёгкий путь Яна, мистер Рут вручил ему маленький кортик, украшенный гербом семейства Рут. Если не его личные способности, то фамильный атрибут

сможет на какое-то время отвлечь внимание недоброжелателей. Последний раз бросив обеспокоенный взгляд вслед удалявшемуся путнику, мужчина посмотрел на взошедшее солнце.

— В добрый путь, мальчик. Да прибудет с тобой удача.

* * *

— Слышали? На границе между югом и западом вновь разгорелись бои, — заговорщически прошептал старик, рукой подзывая других присоединиться к тайному собранию. — Пострадало уже более двухсот наших солдат. Говорят, что юг готовится к крупномасштабной войне. Уже собрали пехоту, сейчас вот набирают кавалерию. В это раз не обойдётся малой кровью. Южане не успокоятся, пока до последней капли не выпьют нашу кровь!

Позабыв о секретности операции, он высоко поднял в воздух костыль, яростно размахивая им из стороны в сторону. Незаметно подкравшись к толпе зевак, цветочница с размаху ударила смутьяна плетёной корзинкой по голове.

— Хватит нести околесицу, окаянный. Только в прошлом месяце были на выставке шёлковых платков на юге. Сама купила себе и дочурке. У них такие искусные мастера, загляденье просто. И жар-птицу выткнут, и трёхцветную розу. Чего только не пожелаешь, — невысокая цветочница грозно потрясала пучком ромашек перед лицом старика.

Пожилая женщина позади неё согласна кивнула.

— Успела подружиться с местным пекарем. Такой порядочный мужчина, печёт пышный облачный хлеб. Снаружи как белое облачко, а внутри радуга цветов. Как же они против нас пойдут? Столько добра мы друг другу сделали. Не верю я, не хочу!

— Но правда же, — вступился за старика пятнадцатилетний мальчишка. — В лесах сейчас что-то неладное происходит. Люди начали пропадать близ просёлочных дорог. На прошлой неделе не досчитались учеников старшей школы. Искали в ближайших деревнях, всё без толку. Школа хотела закрыть дело, всё равно те сиротами были, но глава города настоял на том, чтобы продолжить поиски. Возможно, шпионы Паннама давно схватили их и сейчас пытаются. Прощупывают почву, выжидают момент, когда бы лучше всех нас заковать в цепи и сделать безвольными рабами.

— Второй дурак нашёлся. Ишь, чего напридумывал! Не рановато ли тебе сейчас о кознях думать? Лучше бы в школу пошёл. Глядишь, чему-то новому научишься, — предупреждающе прикрикнув, старушка за ухо оттянула неугомонного в сторону от лавок со свежей выпечкой. — Всё твоим родителям расскажу, вот увидишь. Узнают, каким делом занимается их сын, вместо того чтобы прилежно учиться.

— Больно же, — проревел белокурый мальчик. — Я сам пойду, только отцепитесь.

— Каков нахал, как вздумал со старшими разговаривать?

Увернувшись от разбирающейся между собой компании, Ян всё глубже пробирался в ряды шумного базара, на котором был представлен огромный ассортимент домашней живности, которую при тебе тут же могли услужливо приготовить. Хочешь свежей рыбы под томатным соусом? Пожалуйста. Забыл вкус домашней говядинки, что в детстве мама готовила, вставая спозаранку, для любимого дитятки? Не вопрос. Любой каприз за ваши деньги.

Но базар не ограничивался продовольствием. Здесь был представлен и широкий выбор личного снаряжения для дальних походов. Прожив немало времени в лесах в одиночку, Ян

понял, насколько важно при себе иметь маленький топорик, который бы легко уместился в котомке, чтобы нарубить дров или разделать мясо. И небольшой котелок, чтобы это мясо в нём приготовить. Пакетики пустырника, мешочки для трав и много всего прочего. Всем этим он намеревался обзавестись в первую очередь.

Хоть дорога до Зильберерца была увлекательной, Ян сильно утомился. Так что, направляясь в первый крупный населённый пункт, попавшийся ему на пути за долгое время, он воспрянул духом и даже решил остановиться здесь на пару дней, чтобы пополнить редёющие запасы продовольствия и посмотреть окрестности.

Путешествие оказалось нелёгким занятием, но были в нём и моменты, доставившие наримцу истинное наслаждение. Живая книга трав была перед его глазами. Ян мог ощутить мягкость листьев подушечками пальцев и услышать аромат весенних цветов. Природа играла всеми красками, и, казалось, ничто не могло расстроить счастливого мальчишку. Если бы не боль в спине от длительного нахождения в седле. Копчик готов был навсегда попрощаться с неблагодарным хозяином.

Если проблему с нижней частью тела можно было решить парой-тройкой простых упражнений, то с едой всё обстояло иначе. Искать приготовленную на блюдечку еду в чистом поле не приходилось, и тогда для Яна наступили тяжёлые дни. Паёк приходилось сокращать день ото дня, до тех пор, пока мелкие деревни не появлялись по пути.

И вот на пороге отчаяния юноша нашёл хорошее применение своим способностям, которым не придавал особого значения в глубинке Пансо, где к физическому труду на износ были приучены все. Сейчас Ян в полной мере смог оценить приобретённые от родителей навыки «мастера на все руки». Убрать что-то в саду, починить покосившуюся дверь или попросту набрать в лесу лечебных трав для влажных компрессов.

Ничто не казалось до этого таким лёгким, как нажитый годами тяжёлый фермерский, плотницкий опыт в семье. Жаловаться не приходилось, всё во благо семьи. Но сейчас, когда эти умения пригодились на практике и не в огороде родного дома, а в сотнях километров от него, у незнакомых людей, да ещё и за плату, Ян готов был бесконечно кланяться в ноги родителям, за то, что в своё время привили сыну должное уважение к физическому труду. Таким образом юноша скопил немного денег и, что более важно, запаса едой. Ян работал за еду. И на тот момент ему не казалось это чем-то постыдным. Он принимал это за данность. Отчаянные времена требуют отчаянных решений.

Решив, что на сегодня его задача выполнена, юноша направился в сторону постоянного двора, но его внимание привлёк настойчивый женский голос, который послышался со стороны оружейной лавки.

— Молодой человек, не проходите мимо, — задорно начала торговка, подхватив под локоть привлекательного незнакомца.

Яркая особа затмевала всех деревенских продавщиц, поэтому им оставалось только фыркать за спиной прохвостки и торговать своими вещами как можно дальше от неё. Смуглая кожа и кудрявые волосы девушки говорили о явной принадлежности к народу юга. Множество блестящих массивных цепочек с разноцветными камнями украшало белоснежную рубашку. Вызывающе яркая юбка до колен с неприлично высоким разрезом сбоку привлекала внимание к стройным ногам. Чуть пухлые губы, аккуратно покрашенные в алый цвет, придавали юной торговке страстной пылкости, чем она и пользовалась.

— По такому видному прекрасному телу сразу понятно, что вы много времени уделяете тренировкам. У меня старший брат с отцом лесничие, тягают тяжёлые грузы, так что я знаю,

о чём говорю. Как и могу помочь снять напряжение в мышцах, а то тело совсем задеревенеет, сами же в курсе, — накручивая на палец волнистые волосы, она сильнее прижалась к крепкому стану.

Незнакомец, который по чистой случайности привлёк внимание активно рыщущей охотницы, успешно пропускал мимо ушей её болтовню, одновременно игнорируя её проворные пальчики на своем теле. Но как бы она ни силилась протолкнуть его в двери своего магазинчика, юноша продолжал упорно стоять на одном месте, вызывая в ней вспышки гневной досады.

— Не будь ледышкой. Таким, как ты, достаточно только щёлкнуть пальцами, и толпы милovidных девчонок сами будут штабелями падать к твоим ногам. И, в свою очередь, как доблестный рыцарь, в знак признательности ты должен спасать эти невинные души, попавшие в столь сложную ситуацию. Как видишь, мне сейчас нечем заняться, и я смертельно скучаю. Ну же, проходи, не робей. Для таких, как ты, у меня всегда найдётся пара интересных занятий, — привстав на цыпочки, томно прошептала чужеземка.

В ответ донесся хрипловатый смешок.

— Вы даже имени моего не знаете. Не страшно ли вам доверять свою жизнь тому, кого впервые видите? Боюсь, ваша матушка будет сильно горевать, если её дочь уведет неизвестный мужчина.

— Если это ты, то я согласна на всё, — проведя шаловливой ладошкой вдоль крепких лопаток и дальше вниз по спине, девушка сладко улыбнулась. — Кто бы мог предположить, что вдобавок к симпатичной мордашке ты ещё и заботлив. И как такой благородный человек попал в наши края? Хотя какая разница, если твой путь привёл тебя ко мне.

Холодные руки обвили крепкую талию. Взгляд помутнел, ненасытные пальчики вовсю изучали нисколько не сопротивляющегося юношу. Взяв большую мужскую ладонь своей маленькой ручкой, девушка направилась в открытые двери магазинчика, как вдруг рядом раздался запыхавшийся голос.

— Так вот, куда ты запропастился, а я тебя обыскался. Нам скоро уходить, а ты таскаешься за очередной юбкой. — Ян решительно решительно оттащил парня от опешившей соблазнительницы. На землю со звоном упал кожаный кошель. — Вот же растяпа. А это что такое? Ты опять кого-то обокрал? Обещал же, что перестанешь.

Подняв с земли кошель, Ян кинул его в сторону растерянного парня.

— Девушка, не доверяйте каждому встречному. Вот этот на вид безобидный болван, на самом деле, тот ещё хитрец. Как деньги у него заканчиваются, тут же идёт на улицу и пристаёт к бедным девушкам, кто и становятся его жертвами. Я борюсь с этой его дурной привычкой и надеюсь, что в скором времени заставлю его взяться за настоящую работу. Обещаю, что сделаю из него достойного человека, — Ян виновато улыбнулся, глядя на зардевшуюся девушку.

Схватив за руку не проронившего ни слова незнакомца, наримец направился подальше от пылающей от стыда девушки. Тёмная фигура безропотно следовала за Яном, пока они не завернули за угол. Оказавшись лицом к лицу с юношей, Башазаг невольно отметил про себя, что слова девушки не были лукавством.

Даже складки свободно спадающих одежд не могли скрыть впечатляющей фигуры, привлекавшей внимание проходящих мимо женщин и девушек. Юноша был ненамного старше самого Яна, но обладал настолько внушительным ростом, что наримцу невольно приходилось заирать голову. Ярко выраженные мужественные черты, золотистая кожа,

несколько любопытный взор. Из-под капюшона тёмной мантии, до щиколоток окутывавшей своего владельца, выглядывали каштановые волосы. Они были небрежно заплетены в длинную косу. Между отдельными прядями на свету переливались маленькие янтарные бусинки, в цвет его глаз.

Незнакомец внимательно следил за действиями своего спасителя, после чего его взгляд медленно опустился на чужую руку, сомкнутую на собственном запястье. Ян поспешно отдёргнул руку.

— Простите, не хотел, чтобы торговка заподозрила неладное. Мне показалось, вы чувствовали себя не очень комфортно в её компании, поэтому на свой страх и риск я решился вам помочь. Если я неправильно истолковал ситуацию, простите ещё раз, — неловкая тишина повисла между парнями. Прочистив горло, Ян сложил ладони и поклонился. — Если вам нечего сказать, то я, пожалуй, откланяюсь.

Башазаг уже собрался было вернуться на главную улицу, как незнакомец подался вперёд.

— Вы все верно поняли. Впервые оказался в ситуации, когда мне была необходима помощь. Спасибо за своевременное спасение, — смущённо засмеялся парень и одобряюще похлопал Яна по плечу, тем самым разрядив атмосферу неловкости. — Не знаю, как справился бы с её решительными попытками закончить наше общение отнюдь не на нейтральной территории. Я видел много вызывающих девушек, но она определённо превзошла их всех.

Ян кривовато улыбнулся. Хвала Ванабавлу, такие радости жизни его ночами не мучали.

— И всё же не думаю, что вы помогаете каждому случайному прохожему, — произнёс незнакомец. Ян посмотрел на него с неодобрением. — Я не имел в виду ничего плохого, просто мимо меня безучастно прошло достаточно людей. Никто даже мельком не взглянул. Что же вас заставило вмешаться, молодой господин?

По спине прошла лёгкая дрожь. Что-то подобное он уже слышал.

— Торговка открыто тянула руки к вашим карманам, откуда выглядывал довольно дорогой кисет. Да и, как я заметил, она никак не отнимала руки от вашего пояса, где прикреплен стальной меч, который явно изготовлен не на землях Пансо. Должно быть, она это поняла, так как её лавка специализируется на оружии. Только вчера заходил к ней, чтобы присмотреть что-нибудь для похода.

— И почему вы решили, что меч не выполнен здешними кузнецами?

— Даже не собираетесь отрицать причастность к другому континенту?

Незнакомец слегка пожал плечами.

— Бессмысленно. Вы точно знаете, что меч выполнен в других краях. Иначе как можно объяснить, что вы так уверены в этом, увидев лишь рукоять меча да пару сантиметров клинка в нераскрытом полностью виде.

— Вы правы. По счастливому стечению обстоятельств я имел удовольствие видеть работы лучших оружейников Пансо на открытой выставке в Древногоре пару недель назад, но ни у одного из них я не видел меча из булатной стали. В Пансо привыкли использовать имеющиеся ресурсы и не прыгать выше головы, изобретая что-то новое. Ведь рано или поздно иноземные технологии дойдут и до нас.

Высокий юноша сильнее сжал рукоять меча, непреклонно продолжая слушать монотонную речь собеседника.

— Поэтому я был очень удивлен, увидев столь редкий и дорогой экземпляр Паннама.

Выплавка такой стали требует больших средств, а это может себе позволить не каждый мастер. Да и испортить литую сталь неправильным температурным режимом, превратив булат в обычную сталь, дело нехитрое.

— Вы довольно много знаете для обыкновенного парня, что проездом остановился в Знакае. Теперь буду думать, что вы специально вызвались помочь, чтобы подобраться ко мне поближе, мой неудавшийся засланец.

— Засланец? — брови медленно полезли на лоб. Яна называли по-разному: маменькиным сынком, разваливающейся книгой, рабом семьи, но засланцем — впервые, что странным образом звучало для него как комплимент. — Я часто пересекаюсь с людьми, кто считают себя ценителями тонкого мастерства выплавки иковки мечей. Даже если они показывают свою любовь к холодному оружию неординарным путём — кражей. «Случайной», если их всё же поймали.

Юноша напротив всё ещё не выглядел убежденным. А почему же Ян перед ним оправдывался, было загадкой и для него самого.

— Я не мог позволить, чтобы столь драгоценная работа гуляла по миру, а не находилась в домашних ножнах. Заверяю, что сделал это без злого умысла. Вдобавок, Вы не из здешних краев. Моей обязанностью было помочь человеку, оказавшемуся в схожей с моей ситуации. Уверен, на моём месте вы поступили бы так же.

Зловеще улыбнувшись, незнакомец всё же смягчился, окончательно смутив Яна.

— Насчёт себя не ручаюсь, но в данной ситуации именно вы стали спасителем. И раз уж моя рыцарская натура, как выразилась девушка, не может позволить мне пройти мимо тех, кто оказался в беде, мне ничего не остаётся, кроме как сопровождать вас до конца похода. Не могу же я уйти, не отплатив за вашу доброту, — склонившись в низком поклоне, нарочито серьёзно произнес самоназванный должник, а затем уже более задорно продолжил, не сбавляя притворно торжественного тона. — Теперь мой долг отплатить вам той же монетой, молодой господин. Да и я всё равно свободен, словно птица в небесах, так что мне терять нечего, а вам, боюсь, есть что.

Ян как будто со стороны наблюдал за разворачивающейся сценой, и ему казалось, что всё это происходит не с ним.

— Пока мой долг не будет возвращён должным образом, я неустанно буду следить за сохранением вашей дражайшей жизни.

— Это, должно быть, шутка? — спустя некоторое время отозвался Ян, который никак не рассчитывал, что его альтруистический, хоть и несколько спонтанный поступок будет иметь столь неожиданные последствия.

* * *

— Это не была шутка, — в который раз сам себе тоскливо повторил Ян. По правую сторону от него гордо покачивался в седле Маркус, его новоиспечённый защитник.

Знакай остался далеко позади, а впереди маячила граница двух соседствующих государств — Пансо и Панпуга. К счастью, два этих государства не имели никаких территориальных, политических или иных конфликтов, вследствие чего вполне подходили на роль надёжных союзников. Они никогда не выставляли своих отношений напоказ, но, если одной из сторон была необходима поддержка, тихо прикрывали друг другу тылы.

Тесные отношения быстро стали твёрдой почвой для создания того маленького уголка свободы, где и обыкновенным жителям была дана возможность проникнуться чужой

культурой и лично примерить на себе ее образ. Близ границ создавались экспериментальные деревни, где проживали вместе жители обеих держав. На основе полученных оттуда данных в страны ввозились те виды товара, что пользовались особой популярностью у другого континента. Таким образом страны обоюдно поднимали уровень осведомлённости о новинках соседа и приспособляли новое изобретение под нужды и специфику уже своих граждан.

— Да ладно, одному все равно опаснее и скучнее, а так с тобой первоклассный охранник и неплохая компания в одном. Я сэкономил тебе время и деньги. Да и шута вызывать не надо, он всегда к вашим услугам, — «шут» слегка поклонился, отсалютовав Яну рукой.

— Единственный минус — болтаешь ты за двоих, если не за троих. Не так представлял я себе защитника. Разве не принято их считать призрачными стражами человечества, что незаметно защищают простых людей?

В голове Яна возникали картинки, которые услужливо подсовывало ему его скудное воображение. Пока что это были только золотые доспехи да белая лошадь.

— Я всё ещё здесь, — попытался напомнить о своём существовании Маркус, размахивая широкой ладонью перед лицом Яна.

— Разве не должны быть они тихими и одним только своим грозным видом отпугивать негодяев, встающих на пути?

— Разве я не грозный? Посмотри, на меня не посмеет напасть и самый отчаянный разбойник, — хотел было защититься Маркус, но Ян перебил его, не обращая внимания на пламенную речь компаньона.

— И что в моём случае? В первую же встречу я сам был вынужден спасти своего защитника от девушки-обольстительницы. В какой момент моя жизнь свернула не туда? Как вернуться к началу? — проворчал наримец, прикрывая лицо руками. Затем, окинув взглядом никак не унимающегося должника, Ян протяжно выдохнул. — Я от тебя многого не жду. Просто будь страшным и грозным. И да, не ввязывайся больше в неприятности.

Маркус обиженно надул губы.

— После того, как ты принял грабителей за обыкновенных прохожих и лично сопроводил их напрямиком к ближайшей глухой деревеньке, я понял, что на тебя нельзя надеяться, — обвиняемый лишь сильнее натянул поводья. — Умоляю, хватит так слепо верить всем людям. Хотя даже слепой бы заметил подвох. Мне интересно, как ты вообще дожил до своего возраста с таким подходом к жизни.

— И это мне говорит человек, который не взял в длительный поход запасной обуви, — не выдержал Маркус. — Не будь меня, в чём бы ты сейчас ходил? Я понимаю, ты считаешь, что на твоём пути всегда будут попадаться деревни, но бывают и такие случаи, как вчера, например. Резвящиеся детёныши неизвестных нам животных посчитают твою обувь удобной игрушкой или случайной змейке покажется, что обувь может послужить неплохим спальным местом. Я не говорю, что ты не предугадал это, ибо это невозможно, но быть ко всему готовым ты обязан.

— Признаю, это была оплошность, но случившееся связано с живой природой, а она всегда ведет себя непредсказуемо и разговаривать не умеет. Иначе мне бы до окончания дней снились крики картофельных листоедов, — и премерзкий хруст их раздавленных тел под ногами. — Но это не относится к людям. По их поведению можно определить, затевают ли они что-то. Или, по крайней мере, обрати внимание на то, как они выглядят. Вчерашние

люди явно намеревались нас ограбить, и только Ванабавлу известно, что их отпугнуло. Что угодно, но точно не твой грозный вид.

Мечник раздражённо дёрнул поводья.

— Хорошо, — с нажимом согласился он. — Я приму к сведению твои наставления по поводу людей, а ты мои по поводу жизни в незнакомой местности, договорились?

— Договорились, — после двух дней постоянных препирательств ни один из них не мог дальше продолжать бессмысленные стычки. И тем более делать это под палящим солнцем. — Так что будем делать дальше? Остановимся в деревне на границе и передохнём или двинемся дальше? Не совсем представляю, что тебя, вообще, может привлечь в Панпуге. Ты так и не сказал, куда держишь путь и чего ожидать от нашего совместного странствования по землям севера. «Тебе нечего делать, а со мной весело» — не ответ.

— И я не соврал, — легко отозвался Маркус. — Спустя нелегкие три недели мне всё так же весело наблюдать за тобой.

— Разве весело должно было быть не мне? — недоуменно спросил Ян.

— Ты тоже не особо распространялся о своих планах после того, как дойдёшь до Зильберерца, — перевёл разговор на другую тему его спутник.

— Я и сам не знаю.

— Не знаешь, чего?

— Что буду делать дальше. Надеюсь выяснить, когда прибуду туда.

— Прости? — запоздало переспросил Маркус. Ян неуклонно продолжал ехать верхом. — То есть, ты вслепую лезешь на чужую территорию, не имея никаких гарантий, не зная, чего ожидать, и стоит ли оно того? Да ты, видать, совсем отчаялся, раз решил в одиночку отправиться туда, направляясь из самого Нарима.

Ян устало потёр переносицу. Ему самому не нравился этот «план».

— Это, конечно, достойно похвалы, но что ты собираешься искать в Зильбере? И раз уж на то пошло, если память меня не подводит, то и Знакай нельзя назвать ближним светом. Быстрее дойти до границы можно прямым путём, по берегу. Никаких ограждений, закрытых территорий или непроходимых гор. Леса да поля.

Когда-нибудь, заверил себя Ян, он всё-таки заставит замолчать этого болтуна.

— Так что же заставило тебя свернуть с протоптанной дорожки и отправиться вглубь территории? Тем более я уверен, что ты наслышан о Диких лесах Знакая. Зайдёшь в туман и не вернёшься. Сейчас даже есть детские страшилки, чтобы навсегда отбить желание у редких экстремалов зайти в запретные края, — наримец бросил сердитый взгляд на мечника. — Не каждый отважится и на километр подойти к «безобидной» деревеньке без проводника, а ты самостоятельно нашёл путь, да ещё и успел собрать лекарственные травы на окраине леса. Не понимаю, смелый ты, или же в твоём мозгу не достаёт пары винтиков.

— От тебя доброго слова просто так не дождёшься, не так ли, — всё же прервал нерушимое молчание Бапазаг, шумно выдохнув. — Мне надо в Исследовательский центр нуминозных явлений. Там я должен буду обратиться к главе центра. Что до самого леса, он показался мне не таким уж и пугающим.

Мечник скептически приподнял бровь.

— Хорошо, возможно, пару раз пробежали мурашки по телу, но не более. Каким-то образом вышел к главной дорожке, а там и до Знакая было недалеко. Если честно, сам не понял, как, но лес словно сам показывал мне путь и направлял вперёд. Да и по дороге мне попалась весьма настойчивая шаманка. По этой причине я и прошёл через Знакай.

— То есть, — Маркус все больше сомневался в здравомыслии человека, что выручил его пару дней назад, — ты просто доверился абсолютно незнакомому человеку и не задумываясь пошёл по неизвестному пути? Тебя что, в детстве ничему не учили? Или несколько раз успели уронить?

— Именно поэтому я и не хотел говорить тебе об этом, — признался Ян, устало протирая глаза. — Я и так кажусь тебе странным, а теперь ты решишь, что я определённо ненормальный.

Взглянув на понурый вид едущего впереди Яна, насильно напросившийся компаньон небрежно поправил тканевые перчатки, в уме ругая себя за неподобающее поведение. Нагнав товарища, мечник постарался смягчить свой тон.

— Не обращай внимания на мои слова. В моей жизни не происходит ровным счётом ничего интересного. Всё идёт по накатанной дорожке раз за разом, даже если я пытаюсь этого избежать, отчего и завидую тебе. Твоя жизнь кажется намного веселей, чем моя, — слегка потрепав юношу по голове, Маркус медленно отстранился. — Раз уж я добровольно прилип к тебе как банный лист, то буду только рад узнать, что происходит в твоей жизни. Правда.

С подозрением посмотрев на собеседника и не увидев в нём и капли притворства, Ян нехотя потянул за поводья, и конь пошёл медленнее.

— Шаманка. Стоило мне пройти Тропу слепых и направиться в сторону побережья, как я наткнулся на пожилую женщину, которая поднималась вверх по склону, с трудом толкая перед собой старую тележку, до отказа набитую товаром. Я был на Клевере и мне бы не составило труда помочь ей, что я и сделал. Идти пришлось недалеко. Не прошло и минут пятнадцати минут, как показался одноэтажный домик с маленьким двориком, обращённый фасадом к Мутанскому заливу. Подсобив женщине, я хотел сразу же уйти, но она настояла на том, чтобы я выпил у неё дома чая.

Маркус многозначительно покосился в сторону Яна, подразумевая, что это и был тот идеальный момент, когда нужно было уходить в закат.

— Отказаться было бы неприлично, — с нажимом ответил тот на не озвученный вопрос, — так что я сказал, что могу задержаться ещё на несколько минут.

Мечник нервно засмеялся в кулак, спрашивая себя, какая ещё абсурдная история вылетит из уст злосчастного избранника «удачи».

* * *

По дороге им попался с виду нежилой дом, который, на удивление, внутри оказался весьма опрятным и уютным, хотя беспорядочно свисающие с потолка стеклянные шары с увядшими цветами и косточками съедобных плодов первое время приводили парня в замешательство. Ворсистые ковры на стенах, павлиньи перья в высоких вазах и книжные стеллажи, до отказа набитые картами континентов и вырванными из разных книг страницами с описаниями различных снадобий, добавляли этому месту магического колорита. Смешавшиеся запахи благовоний пропитали каждый уголок дома, намертво впитавшись в деревянные поверхности. Из большого окна, обращённого в сторону залива, открывался завораживающий вид на прозрачную гладь воды. Пролетающие над морской поверхностью птицы дополняли безмятежный образ тихого местечка, вызывая желание остаться здесь надолго и полной грудью вдыхать чистый воздух. И всё же дивное место меркло по сравнению с самой хозяйкой дома.

Присмотревшись, можно было увидеть в статной женщине благородные и несколько резкие черты. Тёмно-синие с проседью волосы пышно вились, создавая эпатажный образ вороньего гнезда. Зелёные глаза с яркими вкраплениями жёлтого около зрачка могли бросить вызов пронзительному низкому тембру шаманки. Резвые движения женщины не скрывали недюжинной силы, выдавая обман: сейчас это был совершенно другой человек по сравнению с тем, которого она изображала на улице. С лёгкостью перебирая громоздкие тары с мешками круп, передвигая кресла и вновь ставя их на место, женщина напоминала домохозяйку, в очередной раз решившую устроить перестановку в доме, не желая довольствоваться приевшейся обстановкой. Или попросту старушка была не в курсе расположения вещей в доме, чем и был вызван этот спонтанный обыск.

Совсем позабыв о госте, шаманка пропадала в разных комнатах, через мгновение выходила из них и вновь исчезала за очередной дверью, тихо напевая под нос народные песенки. Из кухни уже начал доходить аппетитный запах куриного бульона, когда она вышла в зал и принесла две чашки чая с мятой и душицей.

— Суп придётся немного подождать. Пусть слегка остынет, — заботливо вложив в руки Яна блюдце с круговой росписью из золотых роз и тюльпанов, хозяйка плюхнулась в соседнее кресло, пристально рассматривая юного гостя.

— Вы же не просто так, как это может показаться на первый взгляд, решили пригласить неизвестного парня на чашечку чая, верно? — скорее обречённо, чем раздосадовано проговорил Ян.

— Не думала, что меня раскроют так быстро, — хохотнула та, попивая чаёк. — Теряю сноровку, годы-таки берут своё. Главное, не бойся, в мои планы не входит запугивание маленьких детишек.

— И это мне говорит человек, обманным путём заставивший следовать за собой. Готов поспорить, в чай и благовония что-то подмешано, — Ян помешал чай маленькой ложкой. — Родители мне говорили, что не стоит вестись на уговоры незнакомых людей, но я не предполагал, что окажусь в подобной ситуации, достигнув возраста, когда уже сам могу пугать соседских детишек.

— Ну почему сразу такое негативное отношение, — театрально обиделась женщина, скреживая руки на груди. — Я ещё ничего не успела сделать, как ты записал меня в разряд злодеек — похитительниц. Я не опущусь до такого, молодой человек. Я выше тех прирученных крыс, что предали истинное шаманство и нечестивыми путями сейчас греются в лучах высокородных господ.

С грохотом поставив чашку на стол и разлив половину содержимого, женщина немного успокоилась.

— Но сейчас не об этих мерзких кошёлках в дорогих костюмчиках, хлопчик. Ты оказался в моих краях не просто так. Считай, что здешние духи распорядились спасти нас, магов, от злого рока, — проследив за лицом парня, которое с каждой секундой становилось всё более хмурым, старушка решила сжалиться над ним и насмешливым тоном продолжила: — Да ладно, это шутка. Всё не настолько печально, хотя могло быть и лучше. Почему, собственно говоря, я и здесь. Точнее, наоборот, ты. Но это мелочи. Надеюсь, мы быстро с ними разберёмся и приступим к главному.

— Подождите, — наримец неуверенно поднял руку. — Я не понял ничего из сказанного. Какие духи, какой рок? И главное, есть ли причины верить вам?

— Особого выбора у тебя нет, птенчик. Либо ты добровольно выслушаешь мои

наставления, либо ты их всё равно выслушаешь, но уже против воли. Единственный выбор, что я могу тебе предоставить — это будешь ли ты им следовать или нет. Всё, что я буду говорить сегодня — не шутки. На твои плечи должно свалиться много трудностей, и моя задача — тебе помочь.

Женщина поудобнее устроилась в кресле и с тоской в глазах посмотрела за окно.

— Не думай, что это чисто из добрых побуждений. Я — эгоистка. Хочу сохранить жизни близких мне людей. И даже если ради этого мне придётся лишиться жизни кого-то другого, я сделаю это без промедления.

Две тёмные бездны глаз шаманки, не мигая, вглядывались в сереющее небо. Ян будто прирос к креслу, лишившись возможности пошевелить конечностями. В висках отдавались тяжёлые удары сердца, словно у него внутри установили громкие барабаны. Ладони задеревенели, с внутренней стороны покрывшись потом.

— Но я привела тебя не для этого, — вновь заговорила женщина, ослабляя давление. — Ты — инструмент. Запомни мои слова. Многие будут хотеть тебя использовать. Некоторые, как и я, для себя. Но не все будут приглашать в собственный дом и любезно объяснять детали происходящих событий, между делом попивая душистый чаёк. — За стеклом растекались первые мелкие капли, шаманка сильнее закуталась в шерстяной свитер. — Поверь, в мире время от времени появляются и более извращённые умы. На какой бы стороне они не играли. Их и стоит остерегаться.

В памяти всплыла картинка уходящей вниз лестницы, которая призрачным светом увлекала гостей в неизвестность.

— Наступят времена, когда мир наполнится счастьем. Забудутся все проблемы, покажется, что их вовсе и не было. Но также, рано или поздно, придёт час расплаты за это счастье, за эти забытые проблемы, и мы будем хоронить любимых в холодных песках. И как бы нё были страшны мои слова, ты должен будешь выслушать их и после решить, можно ли доверять мне или нет.

Ян внимательно посмотрел на печальный лик шаманки. Она не казалась человеком, который от скуки стал бы приглашать в гости и убеждать незнакомого юношу поверить в правдивость её слов. Хоть движения старушки были лишены скованности и выражали полную уверенность в себе, мимика лица выдавала её. Она волновалась. Не за себя. За других. И наримец прекрасно знал это чувство.

Ян согласно кивнул, шаманка благодарно улыбнулась.

— Чтобы обмануть судьбу, предугадать её шаги и нанести удар первым, тебе нужно быть максимально подготовленным. Будь то знания, сила или человеческие ресурсы. Единственное, что у тебя сейчас есть — это ты сам. Багаж знаний, что ты успел накопить, для среднестатистического парня довольно неплох. Ты знаешь много трав, и как они могут помочь в нужный момент, что в особенности ценится, если путешествуешь в одиночку.

Наримец хотел было смущённо отмахнуться, но вместо этого с подозрением посмотрел на собеседницу. Вертевшийся на языке вопрос, откуда женщина могла узнала эту информацию, так и не прозвучал.

— Всё это, безусловно, замечательно, но, боюсь, этого недостаточно. Тебе нужна поддержка, и внушительная, в зависимости от того, какой путь тебе предстоит преодолеть в будущем. Моей приоритетной задачей является твое наставление на землях Пансо. Далее я не ведаю. На территории других континентов главенствуют другие шаманки.

Подперев подбородок рукой, женщина прищурила глаза и посмотрела на

прикреплённые к потолку стеклянные шарiki.

— В каждом крупном городе у главной шаманки должно быть как минимум по одной верной помощнице. Такая схема, с одной стороны, даёт главной шаманке возможность получать необходимые сведения, а с другой, обеспечивает ей безопасность и анонимность. Я бы хотела тебя к ним направить, но не уверена в прежних связях. Много воды утекло с тех пор, когда я видела их в последний раз. Никто не знает, что случилось с ними в тяжёлые годы застоя, когда наши услуги не пользовались популярностью, так что самое важное и ценное ты услышишь и усвоишь сейчас, — подсев к юноше поближе, шаманка лукаво улыбнулась. — Ну что, малец, готов слушать старую добрую тетюшку Гургуню?

Затем последовал долгий, местами утомительный, местами проникновенный разговор. Некоторые рассказы приводили Яна в дикий ужас, в другие не хотелось верить, последние же слухи из мира магии доводили до истерического смеха. Суп успел давно остыть, окна запотели от тепла, исходящего от камина. Солнце спряталось за вечерними облаками, и вот уже луна показала свой полный лик.

Ян растянулся во весь рост на мягком диване, повыше натянув предложенный плед. Палочки благовоний давно догорели, но слабый дымок до последнего не хотел сдаваться и наполнял дом успокаивающим ароматом. Свечи и настольные лампы друг за другом медленно погасли, напоминая тем самым, что наступило время сна.

Прежде чем отправиться спать, Гургуня подошла к Яну и тихо присела перед ним на корточки, приложив к его лбу свою ладонь.

— Что ты обязан сделать, и чего следует избегать, я рассказала. Осведомлён — значит, вооружён. С недостатком информации и сопровождающих на первых порах не столкнёшься. Однако состояние твоих меридиан может пошатнуть положение дел, — сморщив нос, женщина безнадёжно покачала головой. — Верхний обогреватель совсем сдал позиции, вот остальным и приходится тянуть всё на себе. Так что не удивительно, что тебе было совсем плохо в последнее время. Поразительно, как организм смог продержаться так долго, и почему закупорка не сгубила раньше.

Бережно достав из-под тёплого пледа руку Яна, Гургуня начала поочередно надавливать подушечками пальцев на энергетические точки. Начав с ногтя безымянного пальца, шаманка медленно продвигалась выше, закончив ноющими висками. На секунду тело юноши покрылось сотнями колющих иголок, но боль быстро прошла. Сомкнутые у переносицы брови разгладились, лицо смягчилось в умиротворении. Впервые за долгое время Ян смог заснуть, не сражаясь с надвигающейся к вечеру мигренью.

Поглаживая его по волосам, шаманка виновато опустила голову.

— Я могу снять накаляющую боль на некоторое время, но это не гарантирует хорошего самочувствия на постоянной основе. Если честно, давно не сталкивалась с такими духовными частицами, как у тебя. Могу провести пару очищений, что пришли в голову, но без личных артефактов и снадобий много чем помочь не смогу.

Пристроившись в кресле поблизости, старушка закинула ноги на подлокотник и накрыла их большой шалью. Ян тихо посапывал поблизости.

— К твоему сведению, шаманки очень могущественны. Мы на многое можем повлиять, в частности на то, что связано с человеческим телом. Многие сравнивают нас с целителями, но мы-то все знаем, что они нам проигрывают, — горделиво сообщила хозяйка дома. — Самое главное отличие в том, что как бы целитель ни старался спасти человека, как бы он трепетно ни восстанавливал по крупицам тело жертвы, если дух повержен, то и о

выздоровлении речи быть не может.

Разглядывая в воздухе разноцветные телесные оболочки, что некогда привели её в этот домик, а теперь направили к Яну, Гургуныя слабо улыбнулась.

— Это поразительно, как человеческая душа может быть настолько хрупкой и несокрушимой одновременно. Сильный духом малец может стоять десяти слабых качков. Никто не знает, что творится у нас внутри, и, полагаю, в этом есть своя прелесть.

Встав с кресла, шаманка скрылась за дверью спальни, пока Ян видел непрекращающийся сон о дальних краях, где лепестки цветов на деревьях были яркорозовыми, а из города доносились весёлые звуки уличного оркестра.

* * *

Маркус поражённо пялился на Яна, который уже за последнюю минуту закатил глаза раза четыре. Рассказ для уроженца Панпуга, как милостиво выболтал Яну Маркус, звучал как остросюжетная присказка, что служила для подогрева читательского интереса перед действием собственно сказки. Некоторые моменты истории были нарочно опущены Яном, чтобы не вводить компаньона в ещё большее смятение. События на Тропе слепых отчётливо сохранились в воспоминаниях, заставляя гостя шаманки поверить, что случившееся не проделки бурно разыгравшегося воображения. Это подтверждала и помятая бумажка на дне котомки, в которой были перечислены выведенные красивым почерком пункты. И эти пункты потихоньку начинали сбываться.

— Ты был моим первым пунктом, — неохотно продолжил Ян. — Можешь считать это очередным бредом, но знаешь, в жизни происходит столько необъяснимого, что, хотя бы раз, но можно рискнуть и довериться. Наша встреча стала результатом случайного стечения обстоятельств именно из-за слов тёти Гургуны. Не знаю, как, но шаманка знала, что в Знакае я встречу своё первое недостающее звено. Как и увидела связывающие нас цепи.

Маркус резко остановился.

— Не смотри так на меня. Сам понятия не имею, что это должно означать. Всё, что у меня есть, — это маленький клочок бумаги с весьма расплывчатыми шагами.

— Вы меня не подводите, господин Башазаг. Меньшего от вас я и не ожидал, — нарочито медленно похлопал в ладоши Маркус. — Десять из десяти — Башазаг умеет встречать в неприятности. Раз уж Ваша Светлость не ведаёт, что задумала милая или не очень милая старушка с домом, выходящим окнами на Мутанский залив, то поделитесь хотя бы, как она описала нашу предначертанную на небесах встречу?

Взмахнув переливающимися на солнце каштановыми волосами, Маркус вызвал нешуточное раздражение Яна. Наримец знал, к чему это ведёт.

— Пройдись меж рядов базара, и пред тобой возникнет широкоплечая фигура, от которой в глазах будет слепить, так шикарно она выглядит со спины. Крепко схвати его за руку и уведи от девушки-соблазнительницы. Найди скрытое место под полотняным шатром и раскрой личность красавца. Заслужи его расположение и обходными путями примани, заставив пойти в совместный поход. Всё важное отметил?

— Напомни, пожалуйста, почему я вынужден терпеть твоё присутствие? — недолгий гнев сменила обречённость. Как бы Ян не отнекивался, за то недолгое время, что им пришлось провести вместе, Маркус показал себя внушающим доверие человеком. Не обходилось без странностей, которые со скрипом приходилось терпеть, но постоянная забота и готовность ринуться вперёд в моменты опасности неизменно перевешивали чашу в

сторону «бесит, но лучше с ним, чем без него».

— Из-за достоверного пророчества бабули. Я уже сам поверил ей. Эта встреча и впрямь была судьбоносной. Не хватало только пения птиц на заднем плане или падающих с неба блёсток, — резко обернувшись к Яну, северянин с гримасой притворного ужаса прислонил ладонь к широко раскрытому рту. — Прости, забыл спросить твоё мнение. Возможно, ты предпочитаешь лепестки роз?

Ян громко хлопнул себя по лбу.

— О, великий Ванабавл, если ты слышишь меня в этот тягостный момент, убереги от прекрасного на голову идиота!

— Видишь, несмотря на откровенный бред, который я чистосердечно признаю, для тебя я всё так же прекрасен. Также стоит сознаться, что тебе нравится эта игра. Я знаю, что ты просыпаешься и засыпаешь с мыслями обо мне, хоть правдоподобно исполняешь роль недотроги, — только Маркус успел подмигнуть, как в его лицо прилетел пустой бурдюк.

— Если уж собираешься лить воду, то делай это с умом. У нас заканчиваются припасы. Надо где-нибудь остановиться.

— Можем использовать слёзы разбитого сердечка Маркуса. Выйдет немного солоновато, но я что-нибудь придумаю.

— О, Ванабавл, надеюсь, ты наградишь своим поцелуем смерти эту неприкаянную душу.

Часть II Глава 6

Пересечение Пансо и Панпуга — Мидвей.

Мидвей представлял собой компактный и стремительно развивающийся городок со сквозным типом управления. За счёт тяжкого труда не покладавших рук жителей городские начальники смогли добиться высот в производстве мануфактурных и прочих изделий, что люди могли прощупать и вкусить. Жалобы на непригодность товара молниеносно доходили до ушей начальников высшего уровня, и все неполадки незамедлительно устранялись. Качество товара с каждым разом становилось всё лучше, пока, наконец, продукция местных производств не начала регулярными партиями выходить за рамки города, прокладывая путь на рынки соседних континентов.

Город был богат на стекающихся сюда тряпичных дел мастеров, жаждущих поскорее прославиться, вольных торговцев и любопытных жителей соседних поселков. Послы Пансо и Панпуга быстро смекнули, что торговля между государствами здесь проходит охотнее, дружелюбнее и гораздо активнее, после чего начали назначать встречи в процветающем Мидвее.

Строгие нравы севера и праздная жизнь западного континента, привыкшего видеть игривые лучи вездесущего солнца в течение всего года, отразились на архитектуре города. Со стороны почитающего традиции холодного народа преобладали высокие здания с коваными дверями, по бокам которых нередко устанавливались скульптуры святых. Окна украшались массивными рамами и витражами, главной темой которых служили отрывки священных писаний. Мученичество и человеческая жертвенность часто изображались на стенах церквей и соборов, приучая прихожан к патриотизму и служению народу.

Приверженцы беззаботных дней воздвигали высокие башни красных, тёмно-жёлтых оттенков, украшая их геометрическими орнаментами и резьбой по дереву. К ним вплотную пристраивали несколько округлых низких башенок, что вкуче создавало образ дикого растения, олицетворяющего силу роста. В отделке домов особо успешных жителей использовались дорогостоящие материалы, такие как мрамор и редкие породы камней. Внутреннее убранство домов запада, в отличие от жилищ северян, характеризовалось широким свободным пространством и отсутствием лишней мебели.

Выходцы из диаметрально противоположных культур, в представлении стороннего наблюдателя, могли давно перегрызть друг другу глотки, но на протяжении уже пяти десятков лет хранили глубоко почитаемую связь, что далась народам не без боя. Эта зыбкая территория стала первой на мировом ринге, что отвоевала официальное право на наследование и совместное пользование ресурсами земли более чем одним народом. Какими бы противоречивыми ни были взгляды на мир, медведи прекрасно уживались на одном клочке земли, отрицая взаимную неприязнь.

Этот город будущего и стал следующей остановкой на пути приятелей. Длительное путешествие должно было сплотить единомышленников, но по определённым причинам отталкивало их всё дальше друг от друга.

— Нет, ты когда-нибудь пробовал батат? Если нет, то, вообще, не стоит заикаться о лучшем сорте картошки! — Казалось, пар вот-вот повалит из ушей разгорячившегося

Маркуса, готового крушить всё на своём пути.

Длительная поездка без привалов сказалась на душевном равновесии парней, подрывая их и без того натянутые отношения. Итогом стали всё чаще повторяющиеся эпизоды беспричинной агрессии, которые разгорались как будто по щелчку пальцев.

— Ты в курсе, — не сдержался Ян, не имея в запасе ни старого терпения, ни понимания, — что наша западная картошка тоже пользуется популярностью на севере? Особенно молодая картошка, которую можно кушать сразу с кожурой. Плюс ко всему, это не только вкусно и практично, но и полезно. В кожуре содержится много кальция и железа, а также она предотвращает непрошенные проблемы с кишечником, да, Маркус?

— Не смей тыкать в людей их же слабостями, господин Башазаг. Пока сам не окажешься на моём месте, не имеешь права даже пикнуть об этом, — пригрозил мечник указательным пальцем. — И, вообще, не от твоей ли готовки меня так понесло?

— Хочу напомнить, что ели мы оба, а конфуз произошёл только с тобой.

— Кто знает, может, от того, что ты ел такую дрянь на протяжении всей жизни, твой желудок и к камням, и грязи мог привыкнуть. Нормальным же людям, что привыкли есть еду, — заносчиво подчеркнул северянин, — приходится мириться с такими, как вы.

Ян метал громы и молнии.

Юноши уже двадцать минут стояли около прилавка с широким выбором овощей и фруктов, своими гневными тирадами отпугивая покупателей. Как оказалось, в выборе еды они сошлись, но не сошлись в способе её приготовления. Кто бы мог догадаться, что любимая всеми континентами картошка таит в себе больше разногласий, чем может показаться.

Так Ян с Маркусом всё громче отстаивали каждый своё мнение, с каждой минутой привлекая всё больше ненужного внимания.

— Нет, ты уверен, что действительно сможешь приготовить картошку? — Маркус перешёл от негодования, выраженного словами, к активным действиям, тыча злосчастной картошкой в лицо Яна, оставляя на нём следы мелкой пыли. — Знаешь, как она идеально сочетается с деревенской сметаной и мелко порубленными укропом и чесноком? Как сладковатая картофелина, разгорячённая теплом печи, буквально тает во рту, если предварительно её обмакнуть в холодную, густую сметану?

— Ни один уважающий себя житель Пансо не станет пренебрегать дарами Ванабавла, мистер Маркус, — как ему представлялось, натянуто улыбнулся Ян, хотя со стороны это больше напоминало угрожающий оскал. — А вы в курсе, как лисички в морской соли при помощи незамысловатых специй могут подчеркнуть вкус молодой картошки? Вкушали после утомительного дня божественную стряпню матушки, что одним запахом способна нокаутировать и ощутить райское блаженство?

Ян, конечно же, не стал упоминать, что слова о кулинарных способностях матери никак не были преувеличением. После пары неудачных экспериментов ему мерещилось, что люди в белых одеяниях, с крыльями и подозрительно витающими нимбами над головами лично спускались с небес посочувствовать парню, который в роду точно имел хотя бы одного скрытого жнеца — маму, и, возможно, сестричку. Иначе объяснить настолько чудовищную готовку никто не мог.

— Мне не нужна еда, вкус которой нельзя почувствовать, — прошипел двухметровый ребёнок.

— Два взрослых мужика дерутся из-за мимолётного удовольствия, которое переварится быстрее, чем вы тут закончите. Прямо как бабы на рынке перед платьями с разными рюшами.

Невысокого роста девушка презрительно фыркнула, с вызовом глядя на парней. Протиснуться между грудой мышц с одной стороны и бамбуковым стеблем с другой было непросто, но змеиная гибкость позволила ей дотянуться до заветного прилавка с овощами.

— Бабушка, мне, пожалуйста, остаток батата. Пока эти двое решат, что взять, мы все здесь мхом покроемся. Сдачи не нужно, — быстро отчеканила та. — Воспринимайте еду проще, а не как цель всей жизни, дорогуши.

Лихо развернувшись на низких каблучках, похитительница батата гордо вскинула голову и направилась прочь от прилавка, на ходу отправляя свой улов в авоську.

— Мисс, — с нажимом пророкотал Маркус, хватая её за руку, — не хочу вас задеть, но это наш ужин.

— Мы ещё ничего не решили, — натянуто произнёс Ян, всеми силами сдерживаясь, чтобы не устроить свою первую в жизни драку. Да ещё и с оппонентом, которого ему ни за что не обыграть.

— В чём проблема? — на самоуверенном лице девушки читалось искреннее негодование. — Не задевай. Иди своим путём.

— Девушка, настоятельно прошу вернуть купленные продукты обратно на прилавок, — цепкая хватка усилилась, стоило парню встретить сопротивление.

— Мистер, будьте проще. Уверена, вы ещё встретите на своём пути не одну дюжину аппетитных картошек. Этот мир огромен и разнообразен. Никогда не знаешь заранее — может, уже завтра найдёшь что-то повкуснее.

Маркус негодовал. Негодовал и позволить ей вот так уйти не мог.

— Бабушка сказала, что они только выкопали их. Только что с грядки.

— Мне кажется, тебе самому надо было идти в продавцы. Шикарный талант пропадает невесть где, — прищурившись, девушка звонко похлопала юношу по груди, проверяя хрупкие границы его личного пространства.

— И мне бы не хотелось, — сдерживался из последних сил он, игнорируя издёвки девушки, — пропустить прекрасную возможность полакомится свежей едой, только лишь по жалкой причине незнания моим глупым спутником прелести приготовленного на пару батата. Так что заберите, пожалуйста, свои монетки обратно и купите что-нибудь менее калорийное. Девушки же должны следить за фигурой.

Незнакомка остолбенела, а затем её глаза налились кровью. Ещё слово — и вместо бронзовых монеток на прилавок полетели бы чьи-то свежесбитые зубы.

— К вашему несчастью, я не принадлежу к числу таких девушек. Предпочитаю поесть побольше да повкуснее, — фальшиво улыбнулась она, нарочито поправляя в сумке купленные продукты. — Так что советую пожаловаться более сочувствующим людям, то есть не мне, на вашу медленную реакцию и приберечь денежки до следующего похода за покупками.

Окружающие их люди, что буквально ещё секунду назад лелеяли крохотную надежду купить хоть что-то, растворились в воздухе. Ян понимающе кивнул: он мечтал о том же.

— Не знаю, в курсе ли вы, но мы отправляемся в сторону Панпуга. Судя по картам, нам ещё долгое время не будут попадаться населённые места. Советую прислушаться к голосу совести, если она у вас, конечно, имеется, — в чём Маркус крайне сомневался, — и отдать еду нуждающимся.

— Какое совпадение, — наигранный восторг девушки только сильнее выводил мечника из себя, от чего он уже какое-то время судорожно стискивал рукоять меча. — Мой путь тоже лежит в Панпуг. Вот же жалость, видимо, не судьба вам с напарником сегодня отведать свежего батата. Ну, а теперь, прошу простить, дела ждут.

Отсалютовав, счастливая покупательница в уме уже записывала детали приготовления батата по рецепту Маркуса. Может, человек он был отвратный, но в готовке знал толк.

— Стойте. Куда вам нужно? Возможно, нам по пути, — вежливо поинтересовался Ян, стараясь сгладить скверное впечатление, которое они произвели на девушку. То, что злость между парнями вспыхивала подобно спичке, не вина случайного человека. Чувствовать себя мерзавцем в собственных глазах наримец не собирался.

— Какая девушка, — тяжело вздохнула та, — имеющая здравомыслящую голову на плечах, станет рассказывать о своих дальнейших планах двум неизвестным парням? И уж тем более тем, кто охотятся за её едой.

Северянин раздражённо закатил глаза, выражая свой категорический протест против затеи Яна взять незнакомку с собой. Новые предложения наримца, в особенности по спасению людей, всегда заканчивались для мечника ничем иным, как долгим и утомительным мучением.

— Извините меня и моего друга за ужасные манеры, мисс. Мы несколько недель довольствовались сухим пайком и совсем одичали в лесах Пансо. Когда такое случается... Вы сами видите, что с ним происходит. Это вовсе не от грубости. После того, как нормально поест, он вновь примет вид цивилизованного человека, ручаюсь, — протягивая руку для рукопожатия, юноша шагнул вперёд. — Меня зовут Ян, а этого неотесанного дикаря — Маркус. На самом деле, он добрый, хоть и притворяется задирой.

— Приятно знать, что ваша компания не лишена мужской вежливости, которая тает с каждым днём, — слабо улыбнулась девушка. — Будем знакомы, я — Соня. Так, куда вы держите путь?

— Зильберерц. Там есть крупный научных центр. Надеюсь туда попасть.

— А ты, «душа компании», куда направляешься? — спросила Соня, не скрывая ехидной ухмылки.

— В одном направлении с Яном. Задолжал ему. С того дня освещаю его путь своим назойливым присутствием.

— Поди, рыцарская натура не позволяет оставаться обязанным? — язвительно пропела Соня.

— Забавно, в первую встречу Маркус действительно сказал мне нечто подобное. У вас дар провидения, или вы имели наглость следить за нами столь долгое время? — актёрствовал Ян, в лучших традициях драмы прикладывая ко рту раскрытую ладонь, после чего резко вздрогнул. — О великий Ванабавл, я начал выражаться совсем, как Маркус.

Мечник нахмурился, не понимая, чем могла быть вызвана такая отрицательная реакция на их сходство. Разве это было не прекрасно?

— Не будем о плохом. Так, куда вы направляетесь, многоуважаемая Соня?

— К чему этот приторно вежливый тон, зовите меня Соня, — быстро подобрела девушка. — Мне, как и вам, в Зильберерц, но по другой причине. Мечтаю навестить пропавшего в бумажной волоките приятеля. Боюсь, если не вытащу его из-под завалов документации, он навечно там сгинет, а он мне нужен срочно.

— Ты с кем-то или одна? — отбросил чопорность Ян.

— Мой приятель довольно замкнутый человек, так что не обрадовался бы внезапной компании. Тем более, я хочу сделать ему сюрприз.

— Не возражаете, если мы присоединимся к вашему походу? Всё равно в одну сторону, — Маркус давно знал, что именно этим закончится их короткое безобидное общение. Скромное желание Яна помочь всем притянуло и его самого, но эта слепая доброта не была гарантом, что Яну ответят той же добротой. — Да и одной девушке ходить по диким лесам не безопасно.

Глядя сверху вниз на своевольную девушку с высоко развитым чувством собственного достоинства, наримец почему — то вспомнил младшую сестру.

Когда у Миры портилось настроение, чаще всего это было связано с отъездом старшего брата, она выказывала все виды плохого поведения. Начиная с обиды и лёгкого непослушания и заканчивая протяжными криками и разбрасываем вещей по комнате. В такие моменты родители всегда поддавались на манипуляции дочери и заменяли отсутствие брата на внимание и любовь соседей или лично отправлялись в недолгую поездку. За ним же.

Спроецировал ли Ян образ Сони на Миру, пытаясь загладить вину перед сестрой за свой уход, при этом взяв под опеку Соню, юноша не знал, но искреннее предложение сопроводить девушку не казалось ему чем-то странным или неуместным.

— Готова поспорить, что ты просто хочешь сбегать мне этого заносчивого парнишку, — мельком взглянув на всё ещё прожигающего взглядом авоську северянина, констатировала девушка.

Хорошо, возможно, предложение Яна не состояло полностью из благих намерений, но и ведь капля дёгтя в бочке мёда не отменяет всего хорошего, что несёт в себе мёд.

— Как долго вы проживёте вместе, пока окончательно не измучите друг друга, никто не знает. Так и быть, временно возьму на себя роль судьи в ваших спорах.

— За батат, — вмещался ненадолго притихший Маркус. — Мы готовы согласиться на это только в обмен на совместную трапезу с бататом.

Наступила тишина. Маркус недовольно сощурил глаза и надул губы. Батат оставался большой темой.

— Будет вам картошка, нуждающиеся вы мои, — сочувственно произнесла девушка, под локоть взяв обеих парней. — Должна признать, батат мне кажется более привлекательным, чем молодая картошка, каштанка. Однако способ его приготовления я всё же доработаю. У девушки с нешуточным аппетитом найдётся способ готовки, который, уверена, придётся вам обоим по вкусу. Возражения имеются?

— Никак нет, — хором произнесли мигом повеселевшие парни. Еда творила с ними поистине чудесные вещи.

— Ну что, товарищи? Сегодня остановимся на привал, а завтра в путь?

И троица путешественников направилась к выходу с продуктового базара, вооружившись бататом, козьим молоком и дурно пахнущим сыром.

* * *

— Собираемся? — Соня переложив пару вещей на лошадиное седло, крепко затягивая их верёвкой. — Лучше выйти пораньше, чтобы до сумерек разбить лагерь для ночлега. Мы не знаем, сколько успеем пройти, так что придётся соображать на ходу. Погода сейчас

обманчиво тёплая. После захода солнца всё так же воет промозглый ветер. Две ночи назад на собственном опыте удостоверилась в этом. Не хотелось бы по пути в Зильбер себе всё отморозить.

— Подожди, — высокая фигура выросла у неё за спиной. — Ян, мы забыли заглянуть на заброшенный институт.

— Ни за что.

— Да ладно. О местном развлечении было написано на вывеске у главных ворот. В ней говорилось, что для смельчаков эта шалость может обернуться прекрасной возможностью изменить жизнь к лучшему. Для менее удачливых станет предзнаменованием долгого кошмара наяву. Звучит довольно интригующе, не хотите попробовать? — заговорщически обратился Маркус ко всем присутствующим. — Не часто выпадает шанс пощекотать нервишки. Что думаете?

В его глазах плясали бесенята, которым только подавай зрелищ. Вот Маркус и поддался сумасшедшему желанию испытать судьбу. И заодно втянуть в эту авантюру недавно приобретённых знакомых. Или спугнуть, возможно, намеренно.

— Ты заставляешь нас ступить на скользкий путь, — без промедления ответил Ян. — Сами местные отказались от подобных затей после тройки несчастных случаев с ними же в главной роли. И ты сейчас спокойно предлагаешь нам отправиться туда? Пробраться на запретную территорию и на свой страх и риск стать следующими жертвами? Ни за какие богатства мира.

— О каком развлечении вы говорите? — переводя взгляд с Маркуса на Яна, Соня выжидательно раскачивалась на пятках. После тщетной попытки привлечь к себе внимание и последовавшей затем недолгой перепалки парней, девушка подняла руку и вновь напомнила о своём существовании. — Товарищи, просветите меня.

— Да чего ты. Не игнорируй вероятность благоприятного исхода. Она не слишком высока, но это не повод сдаваться. Ян, ты же не такой человек, — давил на него Маркус, не собираясь отступать от намеченного плана.

— Не надо сладкими речами уговаривать человека совершить то, на что он изначально не соглашался, — недовольно процедил Ян. — Соня, место, которое хочет проверить Маркус, находится на северо-западе Мидвея. Там есть заброшенный химический институт, который не смог пройти внеплановую проверку городской инспекции. Никто не был уверен в законности производства некоторых химикатов, так что хозяину ничего не оставалось, как слить некоторые разрабатываемые химические вещества в ближайший водоём. Ну или просто куда поближе. Несчастливым хранителем этих химикатов стал колодец. Что было дальше можно догадаться. Предприятие закрыли, а молва о том, что каждого, кто сунется на запретную территорию, непременно ждёт беда, молниеносно разлетелась по всей округе.

— Но это не помешало учёным, работавшим там, незаметно пробраться на место преступления и попробовать достать остатки своих трудов, — восторженно пропел Маркус. — Так и возникли слухи о смельчаках, что на своей шкуре испытали «благословение», на какое — то время получив способность пользоваться Первой фазой магии. Кому особо повезло — Второй. Но не все в это поверили.

— В лучшем случае, — глухо добавил Ян. — В худшем, закончили в том же колодце. Даже если это всё не правда, а детские страшилки, не стоит ими пренебрегать. Они возникли не на пустом месте.

— Так что, ты испугался этих нелепых страшилок? — широкая улыбка сияла на довольном лице. — Дядя Маркус будет с тобой, не бойся.

Ян сделал глубокий вдох и выдох.

— Нет. Но факт остаётся фактом — на этих землях произошла химическая авария. И все разумные люди их сторонятся. Советую прислушаться к мнению старших.

— А мне это кажется интересным, — вмешалась Соня. Ян растеряно посмотрел на неё. Та лишь пожала плечами. — Я — за.

— Вот это я понимаю, наш человек, — счастливо рассмеялся мечник.

* * *

— Я не ваш человек. Не ваш человек, — какое-то время настойчиво повторял наримец.

— И поэтому именно не ты с нами сейчас и идёшь, верно, Соня?

— Никак иначе.

— Да вы издеваетесь надо мной, — прорыдал Башазаг. Спутники одновременно обернулись, посмотрели на плетущееся позади них тело, хитро переглянулись между собой и невинно пожали плечами. — На кой я согласился с вами пойти?

Яну ничего не оставалось, кроме как досадливо хлопнуть себя ладонью по лбу, но даже это не помогло выбить из его головы накопившейся досады. Эти двое, словно имели особую предрасположенность к раздражению Яна.

— Потому что любишь нас и заботишься о нас? — заиграл бровью Маркус.

— Нет, потому что вы оба пропадёте без меня. Вера в вас у меня примерно такая же, как если бы я умирающему от жажды дал миску с водой и попросил подержать, пока сам не вернусь обратно.

— Да ладно, как пить дать — ты души в нас не чаешь. Хоть и притворяешься безразличным, — притормозил лошадь Маркус. — Вот и добрались. Ты дальше с нами или будешь храбро сторожить ворота?

— Вот ещё. Оставить все самое интересное вам? Не позволю. Кто-нибудь из вас хоть знает, где именно расположен колодец?

— Нет, — Маркус и бровью не повёл. — Ты же тоже вывеску читал. Да и память у тебя получше нашего. Мы думали, ты знаешь.

Наримец обречённо потёр переносицу.

— Нет, я определённо согрешил в прошлой жизни, раз мне достались такие напарники, — Маркус обворожительно ему улыбнулся. — Сейчас ещё и темно, и, как на зло, луна не выглядывает, и уходить не хочется, раз мы уже здесь.

Неохотно достав из сумки непонятный флакон, Ян откупорил маленькую бутылку и принялся размазывать по рукам его содержимое.

— Вам несказанно повезло, что хоть кто-то в нашей компании умеет думать головой. Ай, щиплет.

— Что это за малышка? — Соня заинтересованно посмотрела на руки наримца.

— «Светлосвет».

Клейкая субстанция скопилось у основания ладоней, медленно согревая замёрзшие руки. Набухая и раздуваясь, первый, самый большой пузырь отсоединился от поверхности рук, пролетел небольшое расстояние вверх и остановился на уровне трёх пар любопытных глаз. Как будто засмутившись от их пристального внимания, пузырёк быстро скрылся за спиной Яна. Разгораясь от голубого до оранжевого и белого цвета, маленькое солнце увеличилось, достигнув размера человеческой головы. Покружившись около Яна, огонёк

несколько раз подпрыгнул и близко подлетел к сосредоточенному лицу, раздуваясь, набухая и становясь с его рост. Не ожидая решительных действий от живой материи, юноша не успел среагировать, как полностью оказался съеден оболочкой огонька. Маркус, находившийся ближе всего к Яну, быстро выдернул его из завесы огня. Огонёк уменьшился обратно.

— Как ты? Нигде не пострадал? — взгляд северянина быстро просканировал наримца и, не заметив никаких ожогов, Маркус выпустил его из крепкой хватки.

— Нет, всё в порядке. Это было тепло, даже приятно.

— Перед тем как покупать такие вещи, не должен ли ты сначала прочитать инструкцию? — непроизвольно повысил тон Маркус.

— Это было совершено в спешке, мне было не до того. Я просто схватил то, за что зацепился взгляд, — оправдывался Ян.

— Голубки, — Соня встала меж парнями, чтобы они ненароком не начали драку, — оставим этот разговор на потом. Что эта штука умеет?

— Судя по всему, — охотно перевёл разговор на другую тему наримец, — это карманный фонарик. Но действие ограничено. Он может увеличиваться, уменьшаться и делиться, но всё это скажется на длительности эффекта. Чем меньше огоньков, тем он ярче и больше времени в активе, и, соответственно, наоборот. Это его первоначальный вид. В такой форме он может светить не более получаса. За это время мы должны найти колодец и то, что там может быть.

— Как будем искать? — поинтересовался Маркус, с подозрением глядя на блуждающий огонёк. — Вместе или разделимся?

— Надо делиться, но не трое, а на двое, — девушка скрестила руки на груди, — иначе время только потеряем. Да и смысл, если, поделившись на три, светить Светлосвет будет не ярче, чем обыкновенная свечка.

— Хорошо, — согласился Ян. — Одна ты определённо не пойдёшь. С кем из нас?

Соня едва успела скрыть саркастичную усмешку.

— Мне без разницы. Что один, что второй, оба — те ещё нытики. Это вам выбирать, кто со мной дольше продержится.

— Ян, — незамедлительно отозвался спасовавший Маркус, — оставляю это опасное дело тебе. Один я справлюсь быстрее.

— Договорились. Можешь, пожалуйста, разделить на двое? — уже обращаясь к радующему огоньку, вежливо попросил Ян его. — Один — с высоким парнем, один — с нами.

Словно кивая, огонёк резко увеличился в размере, хаотично выплёвывая искры пламени. Искры не распадались, они собирались вместе, разгораясь новым пламенем. И теперь перед компанией в воздухе плыло два одинаковых блуждающих огонька, перескакивающих с места на место.

— Кому как, — нежным взглядом пройдясь по белой материи, Соня трепетно к ней прикоснулась, — но мне они напоминают кроликов. Такие же пушистые, если, конечно, так можно описать жидкий огонь. Ушей только не хватает.

Стоило огонькам это услышать, как они тут же видоизменились. Два аккуратных маленьких круглешочка образовались над большим. Соня радостно хихикнула.

— Мило, — подытожил Маркус. — Времени в обрез, надо торопиться. Я пошёл направо, вы — налево. Как только кто-то из нас найдёт колодец, то отправит огонёк вверх.

Будем считать это знаком.

— Хорошо, расходимся.

Чем дальше они бегали по заросшей высокой травой территории, тем меньше верили в успех операции. Ян уже хотел предложить поискать колодец завтра на рассвете, как вдруг поймал себя на том, что больше ничего не ищет, а в упор нагло разглядывает девушку. Особой возможности рассмотреть Соню раньше у него не было, так что мозг решил сам удовлетворить любопытство.

Чёрные волосы до плеч были собраны в высокий хвост, отдельные пряди которых тускло отсвечивали в отблесках огонька. Ровная чёлка прикрывала высокий лоб, подчёркивая выразительность лица с правильными чертами и придавая всему облику трогательную нежность, хотя своим поведением девушка напоминала скорее дикую кошку. Глаза, походившие на выжженный уголь, настойчиво рыскали в непроницаемой темноте. И всё же, несмотря на этот блеск, она странным образом напоминала ему кого-то ещё.

— Мой вопрос покажется тебе странным, — не удержался он, — но мы раньше не встречались?

Соня издевательски усмехнулась.

— Это ты так неловко пытаешься со мной флиртовать?

— Что? Нет, ни в коем случае!

— Я недостаточно привлекательна? — возмутилась девушка. — Другие, вроде не жаловались. Обидно. Возможно, пока ты не в моём вкусе, но лет через пять будешь.

— Спасибо, — Ян неловко почесал затылок, — но я не об этом. Ты напоминаешь мне кого-то, но не могу понять, кого. Думал, может, ты меня знаешь.

— Прости, дорогуша, но с тобой я познакомилась только вчера. Мы определённо не могли пересечься с тобой до этого, — колодец всё никак не хотел находиться. — На твои вопросы я ответила, так что моя очередь. Как давно ты знаешь Маркуса?

— Относительно недавно, — удивился резкой смене темы разговора Ян.

— И что о нём думаешь?

— Заноза в заднице.

— Невысокого же ты о нём мнения, — понимающе расхохоталась девушка. — И что же он такого сделал, чтобы вывести из себя пай-мальчика?

— Он даже не старается это делать. Это выходит естественно. Может, в генетике заложено, — серьёзно задумался Ян.

— Могу представить. Возможно, у него было не такая уж и радужная жизнь, раз он стал такой занозой в одном месте, — повторила она его слова.

— Думаешь? По его вечно беззаботному лицу и не скажешь. По поведению так точно.

— Это ты мне скажи. Тебе должно быть известно лучше. Это ты с ним провёл больше времени.

— Не могу. Всё время, что мы общались, он вёл себя, как последний... Ты видела. И совсем редко, когда нам грозила реальная опасность, он переключался в режим обезумевшего бессмертного. Не уверен, замечает ли он это, но он, словно превращается в абсолютно незнакомого мне человека.

— Ещё что-нибудь странное замечал в его поведении? Или он что-то говорил про семью? Он неплохо орудует мечом, готова поспорить, что мужская часть семейства явно приложила руку к его воспитанию.

— Мы не настолько близки, чтобы говорить о деталях семейного воспитания, — тихо

отозвался Ян, внимательно рассматривая девушку.

— Жалко, ему определённно есть, что рассказать, — задумчиво произнесла Соня, вместе с Яном теряя надежду на обнаружение колодца. Заметив необычную тишину, девушка обернулась на парня. — Не пугайся, я не посыльный убийца или что-то в этом роде. Разве тебе никогда не было интересно, что движет людьми, с которыми ты тесно общаешься?

Ян отрицательно мотнул головой.

— А вот мне интересно. Тем более, что у каждой семьи есть свои скелеты в шкафу. Это свойственно всем. Так что прекращай смотреть на меня таким подозрительным взглядом и обернись. Твой ненаглядный всё же обошёл нас и добрался до колодца первым.

Соня была права. Один призрачный огонёк плавал в вышине, не выходя за пределы разрушенных зданий, чтобы люди не смогли найти юных сыщиков на заднем дворе закрытого предприятия.

Добравшись до скрытого зелёню колодца, троица окружила его.

— Спасибо, можешь возвращаться обратно, — вежливо обратился Ян к блуждающему огоньку, после чего тот послушно уплыл.

— Ну что, кто был прав? Я был прав, — прочистив горло, Маркус подошёл ближе к экспонату и менторским голосом стал излагать местную байку. — Перед вами находится экземпляр пятилетней давности, в коем, по велению случая, были ненамеренно намешаны плоды разработок подпольного химического института.

Ян с Соней внимательно смотрели на представленный экземпляр. Не на это они рассчитывали.

— По документам здесь исследовали «механизм смерти» в иммунной системе растений. Они начали с отслеживания групп клеток, отвечающих за уничтожение подверженных болезни частей растения. По итогу вышло, что этот защитный механизм также отвечал за разграничение больных клеток от здоровых, создавая тем самым непробиваемую стену и не давая заразе возможности пройти дальше и укорениться в растении.

— Звучит многообещающе, — присвистнув, сказала девушка. — Так в чём проблема, если это настолько гениально?

— К их несчастью, дальнейшее исследование было закрыто. Они хотели вывести его на новый этап, отщепив эти клетки и применяя их на организмах с первичной и далее вторичной сигнальной системой.

Наморщив лоб, Соня уставилась на Яна. Тот лишь обречённо вздохнул.

— Он вычитал это в моём учебнике биологии. Хотел доказать, что тоже может читать умные книжки, — ребята укоризненно покосились на северянина.

— Я могу, — настаивал Маркус. Похоже, что остальные присутствующие не нуждались в его заверениях. Не дождавшись никакой реакции, молодой человек смиренно продолжил, хоть его взгляд выражал вселенскую обиду: — Чтобы убедиться в результативности исследований, надо было периодически проверять препараты на живых существах. Первое время они развлекались на более примитивных организмах, пока не пришли к выводу, что чем сложнее был организован живой объект, тем более интересными свойствами обладал он на выходе. Эксперимент начал стремительно набирать обороты, пока об этом не прознало начальство и быстро не прикрыло проект. Это их не остановило, и в народе пошёл слух о взятках и о том, что на подземной территории колледжа заработал подпольный химзавод на базе института, продолжающий проводить закрытые опыты.

— А они не робкого десятка, — не удивилась Соня. Ян же всё больше сомневался в выборе напарников. Что один, что вторая, оба — люди не от мира сего.

— На этом единая история обрывается. Некоторые поговаривают, что кто-то из сотрудников выдал своих ради денег, и при этом попытался вынести результаты исследований, но был пойман внезапно нагрянувшей проверкой. Таким образом, всё благополучно было скинуто в колодец. Вторая версия гласит, что откуда ни возьмись пришла инспекция, и работники сами скинули всё в колодец, чтобы никому не достались их разработки. Мнения разнятся, но факт остаётся фактом. Все их старания сейчас купаются в прохладной водице колодца и без чьего-либо присмотра.

— Откуда ты выкопал эту информацию? — Ян искоса поглядывал на Маркуса, который с каждой секундой зазнавался всё сильнее.

— Полезно время от времени общаться и с живыми людьми, помимо книг. И обычные люди, не изучающие никакие науки, на удивление тоже могут быть полезны. Не всё то, что может вызвать интерес, должно быть отражено в научных докладах. Все методы хороши, пока от этого есть польза.

— Даже от нашего господина Батата может быть толк. Одно очко в пользу доблестного рыцаря, — наигранно похлопав в ладоши, Соня прошла мимо двух парней и заглянула внутрь колодца. — Первая часть задания выполнена — колодец найден. Что дальше? Есть добровольцы, чтобы залезть внутрь и представить из себя золотоискателя? Огонёк-то невечный. Не ровен час, наше солнце покинет нас.

— Ну, — издали начал Маркус, — думается мне, что это должен быть кто-то проворный и гибкий. Да и жировая ткань может сыграть свою роль. Будет не так больно опираться спиной о стенки колодца.

Два парня как по команде посмотрели на недовольную сложившейся ситуацией девушку.

— Товарищ, на что это вы намекаете? — в голосе Сони прорезывались нотки ярости.

— В тебя вмещается продовольствия больше, чем в Яна. И если уж говорить на чистоту, то последний кусочек говядины был съеден тобой, несмотря на то что глаз на него первым я положил. Да и не стоит забывать про саму природу. Выражаясь языком Яна, «научно доказано, что в женском организме процентное содержание жира в среднем выше, чем в мужском». Так что это не я, это неопровержимые факты. Но ты не принимай близко к сердцу, мы примем тебя любую.

— Не помню, чтобы на том куске было написано твоё имя. И более того, я не виновата, что вы смакуете каждый кусочек еды и вам, понимаете ли, на это необходимо много времени. Как говорится, кто успел, тот и съел. И нечего тыкать в меня неопровержимыми фактам. И раз уж на то пошло, то я тоже могу рассказать тебе о парочке подобных...

— Ян, ты слышал, она меня обижает. Сделай что-нибудь, — торопливо прервал её мечник, руками прикрывая уши. Наримец стоял в изумлении.

Маркус состроил обиженную гримасу, совсем забыв о своём внешнем виде. Двухметровое тело, накаченное ежедневными тренировками, мелко сотрясалось от наигранного плача. Выпяченная нижняя губа, насупленные брови и шмыганье носом в конец добились наримца, заставляя того признать поражение. Прикрывая одной рукой сотрясающееся от истеричного смеха лицо, другую Ян пристыженно поднял вверх в знак поражения перед очередным низким поступком северянина.

— Соня, прости, но я здесь вынужден согласиться с Маркусом. Лучше это будешь ты. В случае падения нам будет проще вызволить тебя, нежели мою тушку или, не дай Ванабавл, Маркуса. Так что считай, это ради всеобщего блага.

— Мелкие засранцы. Я вам это припомню, — воскликнула Соня, в бешенстве отпихивая руками двух бессовестных лгунов подальше от себя, в то время как они потихоньку подталкивали её к крышке колодца. — Будете молить о пощаде. Я просто так это не оставлю. Лишу вас всякой еды на три дня. Нет, на неделю!

Пока девушка отчаянно билась в руках парней, перенося свой гнев с одного на другого, Ян, как можно бережнее закрепил самодельный страховочный трос на талии девушки, предварительно проверив прочность карабина. Убедившись, что всё надёжно закреплено, юноша дважды похлопал Соню по плечу и внимательно посмотрел ей в глаза. Девушка никак не реагировала, бросив все силы на борьбу с наибольшим злом в их компании, уже не скрывающим своего очевидного превосходства.

Маркус только этого и ждал. Видеть разгорающуюся подобно пламени злобу на лице девушки было для него сродни долгожданному новогоднему подарку, мирно ожидающему своего единственного хозяина под пушистой высокой ёлкой. От такого красочного зрелища у северянина возбуждённо расширились глаза, а довольная ухмылка стала ещё шире.

Соня и дальше бы кидалась колкими фразочками в сторону напыщенного индюка, если бы из лёгкого транса её не вывела крепко сжимающая плечо рука. Стрельнув глазками на второго неугомонного, Соня и на него хотела вывалить весь свой богатый словарный запас, кропотливо собираемый на протяжении недолгой жизни. Но стоило увидеть в глазах Яна непонятное ей спокойствие, как она недовольно фыркнула и сбросила мужские грабли со своих рук. Уперев ладони в бока и переместив вес на одну ногу, носком другой она демонстративно быстро потопывала о землю. Приняв столь независимую позу, Соня громко выдохнула, продолжая перебирать в уме все прилагательные, которые лучше всего могли бы описать двух «заступников хрупких женщин».

— Соня, если ты ещё злишься на нас, мы на протяжении недели будем приносить еду и готовить спальные места. Специально купим свиные рёбрышки, и самый лучший кусок отдадим тебе, — Маркус кинул на Яна сверлящий взгляд и тут же потупил его, стоило наримцу грубо ткнуть его под дых. — Но ты подумай логически. Маркус точно не влезет в это узкое отверстие, и даже если он магическим способом это проделает, он попросту застрянет. Я влезу, но поскольку крайне неповоротлив, это займёт у меня уйму времени. Призрачный огонёк погаснет, прежде чем я достигну дна. Ты — наша единственная надежда.

Недоверчиво покосившись на Яна, Соня всё же неохотно кивнула и быстро перекинула ноги за каменный край колодца. Цепляясь руками в толстых перчатках за слегка выпирающие края крупных камней, девушка быстро достигла ровной поверхности воды, отдающей запахом химии.

Невольно сморщив нос, Соня старалась вдыхать через раз, чтобы случайным образом не навлечь на себя больше неприятностей, чем ей уже успело выпасть. Вскинув голову наверх, где густыми облаками было усеяно ночное небо, девушка выследила плавные движения призрачного огонька, мерно подплывающего к ней по воздуху. Остановившись в нескольких сантиметрах от кончика её носа, он спустился ниже, предоставляя возможность рассмотреть

сокровищницу Мидвея.

Под телом девушки были в кучу свалены десятки лабораторных пробирок с мерными делениями по бокам. За долгое время стекляшки успели покрыться толстым зелёным налётом и обзавестись маленькими приятелями в виде дружелюбной ряски и изумрудного мха. Казалось, стоит прикоснуться к поверхности этого подводного леса, как он незамедлительно захватит тело и превратит его в ещё одного фотосинтезирующего собрата, чтобы всем им на дне колодца было не так скучно. Мелко задрожав всем телом, девушка гулко сглотнула, чтобы остановить подкатывавшую к горлу тошноту. Зловонный аромат тины добавлял особый колорит, заставлял её сознание медленно покидать тело, которое готово было хоть сейчас сдаться на милость колодца.

— Ты там жива? Что-то ты больно молчалива, а это для тебя непривычно. Даже я начинаю беспокоиться.

Маркус скучающе крутил пальцами бусинку в волосах, проверяя её на целостность. Мыслями он был далеко за пределами заброшенной лаборатории. И проживал не сегодняшний, но грядущий день. Где он, по мимолётному и весьма глупому желанию Яна, не удостоится чести первым отведать кисло-сладких рёбрышек, секретный рецепт приготовления которых в его семье передаётся от старшего мужчины к младшему. Оплакивая свою невосполнимую утрату, Маркус стёр воображаемую слезу и безразлично посмотрел вниз.

— Ян, всё-таки ты был прав. Зачем нам это низкосортное баловство? Кому, вообще, нужны эти детские сказки. Лучше пойдём обратно и спокойно вдвоём отправимся в путь, совсем, как раньше. Что до Сони, то я слышал, что в колодцы часто скидывают трупы людей, и долгое время они там маринуются, пока тело ещё невозможно опознать. По слухам, кстати, здесь тоже валяется парочка. Соня, ты случайно там на них не наткнулась? — через плечо как бы невзначай бросил северянин и устремил взор обратно на Яна, прожигаящего мечника осуждающим взглядом. — Ты обязана должным образом их поприветствовать, всё-таки это твои скорые друзья. В любом случае, редко кто, вообще, заглядывает в заброшенные колодцы. Оставляем её здесь и идём дальше. Я даже готов купить тебе кусочек того редкого вишнёвого пирога, что мы на днях попробовали в пекарне на углу улицы. Я же видел, как тебе понравилось. И это не удивительно, ведь в нём идеально всё, начиная с рассыпчатого теста и заканчивая терпко-сладким вишнёвым сиропом. Ну же, давай, пойдём.

— Маркус, — предостерегающе проревела девушка грохочущим голосом, не восприняв слова парня, как нелепую шутку, и с внезапно проснувшимся рвением начала копошиться в зелёной каше и хватать все, что осталось цело после нашествия других многоклеточных существ. — Выберусь, и не будет тебе житья.

— Ну так что, погнали? — со слабой надеждой в голосе выпрашивал Маркус, спиной стараясь загородить колодец. Он пытался создать видимость того, что двое парей просто так пришли в середине ночи на запретный участок. И там, в глубине колодца, вовсе не их знакомая сейчас пытит, по их же просьбе пытаюсь найти мистическое содержание колодца. Он прекрасно осознавал, что столь блистательная идея, очевидно, не найдёт должного отклика в собеседнике, но желание немного позлить девушку никуда не пропадало.

Пока Маркус с мольбой смотрел на Яна, снизу стали доноситься отрывистые звуки, отдалённо напоминающие что-то среднее между исповедью и заклинанием для призыва демона. Но ни одно из средств, к сожалению, не могло ускорить процесс поимки желанных объектов. Многие пробирки были откупорены, и иная жидкость уже давно смешалась с их

содержимым и медленно разлагалась в стоячих водах колодца. Быстро перебирая склянку за склянкой, Соня молилась всем мыслимым и немыслимым богам, чтобы это наказание закончилось быстрее. Мало того, что замкнутое пространство не доставляло особого уюта, так ещё и сверху один слишком умный шкаф глумился над ней, собираясь оставить её одну при первой подвернувшейся возможности. Кровь в жилах закипала от желания побыстрее выбраться и всыпать по первое число этому нечестивцу.

И, наконец, нащупав покалывающими от холода пальцами долгожданный флакон с необычно переливающейся от кроваво-красного до иссиня-чёрного цвета жидкостью, девушка тихо выдохнула. Потерев его в ладошках и избавив от зелёного липкого слоя, Соня пристально посмотрела на его содержимое. Внутри флакона маленький ураган приводил в бесконечное движение вязкие микрочастицы, которые утопали в этом круговороте и сами же его создавали.

Как Соня успела заметить, стекло вовсе не было холодным. И чем дольше она его держала, тем теплее оно становилось. Пока она вглядывалась в пробирку, её содержимое непрерывно меняло цвет. Поначалу это была преимущественно чёрная субстанция, но чем дольше девушка смотрела на неё, тем сильнее субстанция отходила от тёмных и переходила к светлым тонам. От чёрного к бордовому и более светло-красному. Пока вовсе не превратилась в однородную полупрозрачную массу.

— Что это такое? — только и смогла выдавать из себя девушка, совсем позабыв о своём желании побыстрее распрощаться с ненавистным тинистым дном.

— Мне кажется, нам даже не придётся делать чёрную работу. Она сама за нас её выполнит, — спустя какое-то время проговорил Маркус. Послышался звонкий удар. — Соня, ладно, это была не очень смешная шутка. Ты там собираешься вылезать, или нам и вправду тебя оставить наслаждаться прекрасным местным пейзажем? Если ты не заметила, то твой солнечный друг скоро отдаст концы. Советую тебе быстрее запечатлеть в своей памяти эти каменные стенки и быстрее выбраться оттуда.

— Раз имели наглость спустить в колодец хрупкую девушку, то имейте терпение дождаться её оттуда, — злобно прошипела Соня, а после совсем тихо сказала себе: — Я достаточно времени влачила жалкое существование. Настал и мой черёд показать себя миру. В кои-то веки нашла что-то интересное.

Отодвинув едкое чувство отвращения в дальние уголки сознания и засовывая руки в мутную воду по локоть, Соня провозилась в колодце ещё пару минут, время от времени что-то довольно мыча про себя. Закончив работу, девушка дважды потянула за трос, и Маркус начал аккуратно её поднимать. Выбравшись из колодца, мокрая и продрогшая до костей Соня натолкнулась на пристальные взгляды парней.

— Что уставились, дорогуши? Для вас у меня ничего нет. Все склянки были пустые, разве что на их стенках мох осел, — Маркус недоверчиво покосился на неё. — Если есть желание самому проверить, милости прошу. Гниющий колодец и ледяная вода в вашем распоряжении, господин.

Недовольно цыкнув, мечник развернулся, бормоча что-то про потерянное веселье и назойливых девушек. Ян устало последовал за ним, мечтая поскорее оказаться в мягкой кровати. И лишь девушка, что плелась позади, злорадно посмеивалась, чем приводила парней в полнейшее замешательство и в ещё больший ужас.

Глава 7

Зильберерц — холодная столица горячих нравов. Это люди с твёрдыми намерениями, не терпящие увёрток и хитросплетений интриг. Это детально расписанные планы по защите и развитию северного континента. Это защитники, тысячелетиями защищавшие рубежи государства от вражеских нападков. Стены, олицетворяющие горячо почитаемых предков, проливших кровь во имя потомков. Высокие горы и бурные реки, встающие препятствием для чужеземных захватчиков, словно боги сами отгородили драгоценное плато земли. Крестьяне, чьи сердца закалились со времён Первых великих войн. Народ сотен поколений, взращённых с жестким характером, не знающих колебания души.

Но вместе с тем это были люди, сохранившие строгую культурную самобытность наряду с уютным домашним очагом. Хотя их устои были суровы, в сердцах северян всегда находилось место для узкого круга семьи. Ни на одном из четырёх континентов нельзя было найти людей более близких к своей крови, чем в Панпуге. Верность одному дому, по сказаниям четырёх континентов, была влита с кровью прародителя северных земель — Кхайе.

С детства Маркус лично познал любовь северного народа. Кровь решала всё. Струящаяся в жилах алая жидкость определяла статус, образ жизни и будущее. Многие были лишены права делать то, к чему благоволило их сердце. Существовало лишь одно правило для людей всех сословий: «Храни и почитай Господина своего, и будет в безопасности твой дом». Одни выше, другие неизменно ниже.

Семьям рыцарей даровали золотые венки, их восхваляли, пели дифирамбы в местных кабаках. Местный фольклор повествовал о великих предводителях, наносящих смертельные удары врагам народа.

Так, рыцари непременно ходили по острию ножа, с одной стороны, будучи почитаемыми и любимыми народом, по другую — будучи никем перед лицом Светлости и Мастеров. Они являлись армией, защитой мирного населения, оставаясь в тени королей Панпуга. Неся бремя завоевателей и унося грехи Высшей Светлости в мраморные саркофаги под толщами рыхлого снега, рыцари укрепляли позиции властителей и охраняли их скрытую тиранию.

Семья О Де Фоль долгое время закрывала на это глаза. Жизнь свободных пленников развращала, превращала людей в монстров, выполняющих приказы по первому велению правящей руки. Долгие годы избранники Светлости были очевидцами жадности человеческой натуры, раскрывающейся подобно пышному бутону в ночной тиши.

Мечник не мог похвастаться хорошими воспоминаниями, что связывали бы его с Зильбером, но этот город уверенно держался на пьедестале по количеству тех воспоминаний, которые бы он предпочел и вовсе не вспоминать. Единственный был плюс у этого места, для Маркуса Зильбер стал примером того, как вещи не должны происходить.

И одно из этих событий, что не должны были произойти, но вопреки всему, произошли, Маркус помнил, словно это было вчера, тот особо морозный день, когда попытки смириться с его новой ролью рыцаря в этом прогнившем мире лопнули, как до предела раздутый мыльный шар. В канун праздника, когда люди должны были накрывать стол и ждать прихода гостей, перед домом мелкого неизвестного никому фермера на снегу холодели

бездыханные тела. Небогатая семья, что еле — еле сводила концы с концами, отбивалась от непрошенного внимания богатого наследника, что с душераздирающим свистом и похотливым улюлюканьем увивался за ещё совсем юной красавицей. Семье нечем было откупиться, поэтому им пришлось расплатиться тем, что у них имелось — своими жизнями. И не было в том их вины. Попросту не посчастливилось оказаться не в том месте, не в то время.

Так, белая кость, только вышедшая из — под неусыпного надзора родичей, вкусив плод вседозволенности, сыграла роль вершителя судеб.

— Маркус, ты там не помер случайно? Ну, я от такого исхода не опечалюсь, даже буду слегка рада, но выглядишь ты не лучше мертвеца, — настойчиво помахала перед глазами мечника Соня, на протяжении уже достаточно долгого времени пытавшаяся привлечь его внимание. — Ты, вроде уже бывал в Зильберерце, разве нет? Успел встретить нежеланного знакомого?

Пробежавшись по толпе беглым взглядом, девушка никак не могла выцепить из неё какое-нибудь примечательное лицо. Если бы надо было описать подозрительного человека, что не вписывался в здешнюю атмосферу, то под подозрение, в первую очередь, попали бы они сами. Конечно, за исключением самого Маркуса. От него за версту несло чем-то грубым, что как раз было в стиле Панпуга.

Как и охота в северных лесах на диких животных. Это было вроде способа снять напряжение после долгого рабочего дня. Таким не особо изысканным образом северяне якобы пытались воссоединиться с природой.

Также большая часть населения сама вызывалась в качестве добровольцев подежурить на границах и лишние часы побродить в густых лесах, выслеживая самоубийц, которым на пьяную голову взбрело подкрасться к самым известным бойцам среди всех четырёх континентов — северянам. Так что каждый уважающий себя гражданин обязан был иметь хотя бы один значимый шрам, доставшийся отважному герою в схватке с более сумасшедшими, чем он сам, людьми.

Отличительные признаки не подвергались половому или возрастному разграничению. Каждый житель питал нездоровую страсть к кричащим особенностям внешности, и, соответственно, к приключениям на пятую точку, которые они благополучно и получали. Данный пункт Панпуга можно было отнести к его особенностям, которые за годы войн успели не на шутку возрасти. Но сами северяне это упрямо отрицали, стараясь примерить на себя образ рациональных и продуманных личностей, к которым, конечно же, ни один из трёх континентов ни разу их не причислял.

— Все в порядке, воспоминания одолели. С последнего раза многое изменилось, едва ли узнаю старые улицы.

— Ян, давай пообещаем друг другу в старости не быть как он, — брезгливо поморщилась Соня. — От него мурашки по телу бегут. Не собираюсь прощаться со своей юностью вплоть до пятидесяти лет. Уж лучше я буду вечной восьмилеткой, чем скрюченной бабкой с тростью в руке и вязаным платком за пазухой.

— Ты не представляешь, насколько могут быть полезны шерстяные платки в лютые морозы, — по опыту произнёс Маркус.

— Видишь? — демонстративно указывая на мечника растопыренными пальцами, промычала Соня. — Надо бежать от него, пока есть возможность. Ты и так временами уже его копия, хотя провёл с ним всего ничего, а что же станет со мной? Отказываюсь

принимать такую печальную реальность.

— Я понимаю твои чувства. Иногда он бывает... чрезмерно собой. Что удивительно, ведь играет нам на руку. И не становлюсь я похожим на него. Не в обиду тебе, Маркус, — виновато улыбаясь, Ян ободряюще хлопнул его по плечу.

Маркус с секунду посмотрел на вытянутую руку друга, потом на самого Яна, а после на Соню. Поразмыслив немного, северянин точно так же похлопал приятеля по плечу и виновато улыбнулся. Соня сочувственно покивала головой и направилась вслед за уходящим Маркусом.

— Нет, это не так, мы не похожи. Да скажите хоть что-нибудь! — вдогонку прокричал порядком встревоженный юноша.

* * *

— Эти мельтешащие на каждом повороте фонари начинают раздражать всё больше. Остановимся здесь. Это приличное место, где вы сможете выспаться, не став жертвами ужасно тонких стен и необыкновенно любвеобильных парочек, которых здесь и быть-то не может. Здесь останавливаются брутальные парни, подобные мне, которые не боятся испугать затаившихся в ночи тараканов своим мускулистым телом, — его стоящие рядом спутники молились, чтобы эти слова не были произнесены всерьёз. — И при этом вас не обдерут до нитки за умело выложенные на кровати полотенца в виде слоненка или за непонятно каким образом свисающую с потолка обезьянку. Кроме того, что действительно важно, я больше не выдержу многочасового сидения на одном месте. Вы как хотите, но я передохну здесь. Да и выбора у вас нет. Я — единственный, кто хоть немного знает округу Зильбера.

— Не прикрывайся ни в чём не повинным городом, Маркус. Мы знаем, что в твоём-то возрасте суставчики уже дают о себе знать. Более того, я необычайно поражена, что наш старичок смог продержаться так долго. Могла бы дать тебе значок в качестве похвалы. Жаль только, что додумалась до этого так поздно. Но ты не беспокойся, в скором времени специально для тебя я что-нибудь да придумаю, — съязвила Соня, вытянув губки и сморщив носик. Парочка некоторое время пререкалась, пока девушка не насытилась порцией препирательств, после чего обратилась к наримцу. — Ян, мне кажется, этот дорогуша прав. Переночуем здесь. Да и с виду заведение вполне сносное. Всё равно завтра каждый отправится по своим делам. Главная миссия на сегодня — хорошо выспаться, чтобы завтра быть дееспособными для исполнения злодейских делишек.

Оглядев постоялый двор, а это было простое строение, сложенное из толстых стволов дуба, Ян согласно кивнул и прыгнул с Клевера. Оставив лошадей отдыхать в стойле, троица поспешила поскорее распрощаться с утомительным днём.

С виду сие архитектурное творение не строилось с целью завлекать постояльцев, которые потом бы положительно о нём отзывались или упоминали в своих произведениях, но и оно представляло собой ценность. Местное зодчество изоцрилось в короткие сроки спроектировать нетипичное для севера сооружение, построить под боком господ и отделаться малой кровью за разрушение народных идеологий и пропаганду иноземной культуры.

Внутреннее убранство ничем не привлекало, что и считалось удивительным. Внешний вид не мог зацепить взгляд, зато владельцы делали упор на приятной обстановке внутри заведения. Делали акценты за счёт палитры цветов, многоуровневых декораций и

растительности на окнах и стенах, но в данном проекте изначально не было прописано никаких украшений. Всё та же нехитрая деревянная мебель, средней величины окна, пропускающие внутрь достаточно света, и точечные источники света, расположенные в нескольких шагах друг от друга. Ничего лишнего, что могло бы привлечь внимание. Всё самое нужное и необходимое.

— Ну, как? Чисто и опрятно? — поинтересовался Маркус, распахнув двери таверны перед обеспокоенными Яном и Соней.

Не успев переступить порог, троица очутилась среди тесных рядов захмелевших гостей, которые отдыхали после тяжёлого рабочего дня и заняли все свободные места по краям просторной комнаты, освобождая немного пространства только для воодушевлённых зрителей и пока что живых конкурсантов. Заприметив искомое, мечник энергично вошёл внутрь и помахал рукой поверх опущенных голов, направляясь в гущу событий, где четверо ещё державшихся на ногах здоровых мужиков соревновались за звание наиболее устойчивого к действию алкоголя человека.

— И что на уме у этого валенка на этот раз? — с нотками обречённости вздохнула девушка, пронзая широкую спину придирчивым взглядом, и зашла внутрь следом. — Нам вечно предстоит выпутывать его пятую точку из зоны поражения? Клянусь четырьмя божевами, однажды настанет день, когда ему придётся поплатиться за свои деяния.

Нервно покашляв в кулак, Ян пошёл за Соней, наблюдая за ситуацией со стороны, готовый в случае чего ринуться в бой, спасая тушку знакомого. К счастью для двух измотанных путешественников, уже через пару минут их «головная боль» вернулась к ним с повеселевшим лицом

— Дорогие ягнята, я добыл место для ночлега. Теперь можете вздохнуть с облегчением. Всего две комнаты — девушки и парни отдельно. Твоя комната, — Маркус вложил в руку Сони заветный ключик, — третья с конца по правую руку. Наша — напротив. На этом моя миссия выполнена. Вынужден откланяться, ибо меня ждут давние приятели. Приятно провести вечер.

Отвесив низкий поклон, северянин нарочито медленно развернулся на каблуках и змейкой проскользнул между болельщиками, громко скандирующими имена выживших участников. Окончательно пропав из вида застывшей на месте компании товарищей, Маркус отправился искать старых знакомых. Что изменилось за время отсутствия мечника, продолжают ли его поиски, как близкие справляются с возложенной на них ролью. Довольствуются ли они заготовленной реальностью или отсиживаются в тени, совсем как он?

Рыцарь остановился, и будто весь мир вокруг задрожал. Жизнь в доме, что больше ощущалась заточенным лезвием гильотины на шее. Уморительные в своей неопытности попытки закрыть на всё глаза, при этом впитывая каждое предсмертное проклятие, что приглушённо долетало из подвала. Первое бегство — неудачное бегство. Розги гибким прутком, что новых и старых ран больше не отличить. Приходящие и уходящие целители. Горькие слёзы матери, громкие родительские крики, а затем тишина, тишина, тишина...

Мерзкие мысли гноились в голове мечника, лопались под давлением и шумно вываливались, марая иссякающее здравомыслие. Набухали, скрывая очертания человечности. Перекрывали доступ кислорода. Но неизменно, почти лениво возвращались на исходные места, в предвкушении ожидая часа расплаты.

Заурядный обыватель мог забыть, что вся его созидательная и, наоборот, разрушительная деятельность была воздвигнута на сотнях ошибок экспериментаторов-практиков, но истинный творец не мог позволить себе расслабиться от этого знания, скрыться и перестать созидать. Он упорно продолжал следовать извилистому пути, гонимый тем же лицемерным народом, хвалящим за удачу создания одного и порицающим за неудачу иного.

Исследовательский центр, что начал свою громкую деятельность с рено-структурного анализа, а далее прославился чистыми кристаллами для точного распознавания материй. Долгие годы новая игрушка развлекала заскучавшие от однообразия умы, пока случайно брошенная на игральную доску кость не переменяла ход событий.

Молодая кровь, как магнитом, притягивалась к запретному плоду, в надежде прикоснуться к священным вратам — Дыханию Первых. Искусственно воссоздать схожие по структуре свойства, изменяя длину, глубину и направление энергетических каналов человека. Руками смертных создать вторичную магию, явив живого Ванабавла на земле. И не все эксперименты могли быть раскрыты обществу.

Многие привыкли к дикостям Центра, но это не отменяло факт, что в их сердцах навсегда будут отпечатаны позорные моменты в истории человечества, какими бы благими намерениями они не прикрывались. Действия исследователей науки продолжали быть аморальными, далеко выходящими за рамки дозволенного. В погоне за успехом они обращались в преступников, которых ручались побороть. Использовали запрещённые вещества, вливали Энергию в Лишённых. Экспериментировали над созданием существа, обладающего всеми типами магии. Каждый учёный, вне зависимости от стажа на научном поприще, молил о случайном везении. Тёмные грезы об обеспеченном будущем, молве о небезызвестном гении тысячелетиями омрачали умы.

К счастью, успешных попыток Панпуг так и не увидел.

Единственной отрадой, что смягчала их изнывающие души, была крепость Центра, что была окольцована стройной линией грубых каменных стен. Двое путников прошли сквозь плотный купол, что покрывал весь Центр и являлся оберегом от нечистых намерениями людей. Перед ними представали здания различных форм и размеров. В опьяняющем разнообразии домиков, обрамляющих холм точно грибы после дождя, лишь одна черта являлась всеобъемлющей. Непорочно белоснежный цвет зданий растекался по вечно весенним зелёным полям, олицетворяя преданность хранителей знаний.

Скромные, сооружённые без особых излишеств жилые и общественные здания плотно прилегали друг к другу, заставляя вновь прибывших поверить в бесконечность Центра. Парящая над головами стеклянная сфера с шестигранными плитами создавала видимость огромной оранжереи. Маленькие искусственные пруды мелькали между кирпичными постройками, давая возможность передохнуть уставшим людям. В местах, где градоначальники не предусмотрели места для высадки растений или создания искусственных водоёмов, одноэтажные домики были увиты гибкими лозами. Там птицы сбивались в пары и гнездились под боком у учёных.

Животные в здешних краях не боялись человеческого присутствия. Наоборот, чувствовали спокойствие и защиту, находясь под покровительством Научного Центра. Беспрепятственно снующие по улицам малого городка зайцы, хорьки и дикие кабанчики охотно ластились к прохожим, выпрашивая угощение.

Пробежавшись глазами по минималистично устроенному домику, вид которого буквально кричал о немалом количестве времени и средств, потраченных на его постройку, Маркус протяжно присвистнул и с размаху шлёпнул ладонью по спине Яна. Выходящее на задний дворик искусственное озерцо серебряными бликами слепило глаза, вынуждая взгляд искать спасение на менее ярких вещах.

— Хочешь сказать, что здание в полном его личном распоряжении? А твой профессор не постеснялся выбить себе несколько ссуд из казны Панпуга. За какие подвиги учёным предоставляются такие роскошные берлоги практически в центре научного корпуса? Я бы на твоём месте остерегался таких личностей. Кто знает, какими делами они промышляют на стороне? А, может, и на глазах у всех.

Маркус весело взглянул на посеревшее лицо Яна. Самодовольная улыбка ребёнка, знающего о своём непослушании, но при этом непреклонного до победного, сочилась уверенностью. Несчастный наримец, злобно сверкнув глазами, как никогда жалел о присутствии мечника.

Всеми правдами и неправдами он добрался до пункта назначения, но последний шаг давался тяжелее всего. Когда большая часть пути была пройдена, и дело оставалось за малым, Ян, как мальчишка, неловко стоял перед большой скрипучей дверью в кабинет грозного учителя, нервно теребя пальцы. И вместо надлежащей поддержки, он получил дополнительный повод для страха. Или дружеское предостережение, как выразился Маркус.

— Ладно, чего робеешь, как девица на выданье? — северянин энергично потрепал волосы обессиленного «словарика по травам», смотрящего на белые каменные ворота, как на приветливую гильотину. — Ты не совершил никаких преступлений, чтобы тебя взащей выгнали из этого чудаковатого учреждения. Даже если так, на твоей стороне всегда будет старший братишка. Могу придать немного храбрости и непреклонно стоять позади для пущего устрашения. В случае неудачи первым прискачу к прекрасной принцессе на помощь.

— Ага, словно рыцарь на белом коне. Спасибо, воздержусь. Тебе бы не терять со мной время, а вести кампанию по спасению других прекрасных принцесс. Нечего водиться с таким тюфяком, как я. Боюсь, что лишь сдерживаю твои нераскрытые возможности, несправедливо отбирая тебя у мира, — спасительный сарказм стал частым гостем в речи Яна. Маркус с Соней внесли свою лепту в перевоспитание наримца.

— Ты и есть мой мир, дорогой, — милым голоском пропел мечник и раскатисто расхохотался прямо в сморщившееся лицо приятеля. — Согласен, наш откровенный разговор может подождать. Нужно найти твоего профессора и удостовериться, что он, вообще, в штабе. Не хотелось бы понапрасну потратить полдня, стоя перед пустым зданием.

Глубоко вздохнув и постучав по широкой резной двери три раза, Ян отошёл на несколько шагов. Ожидая увидеть мужчину, которого он представлял бесчисленное количество раз, наримец продолжил проговаривать заранее заготовленные формальные фразы, боясь и вовсе забыть выученные строчки. Как минимум, хотелось бы вместо нелепого бормотания произвести на свет связную и членораздельную речь. Но минуты текли, и никто не торопился поприветствовать прибывших издалека гостей.

— Ничего не поделать. Придётся вернуться в головное здание и снова попросить помощи, — протяжно вздохнул Ян. — Может, кто-нибудь сможет подсказать нам, где его найти.

— Опять? — вымученно произнёс Маркус. — Мы были в пяти разных местах. У них такое развлечение — отсылать людей подальше от себя, лишь бы их, высокочтимых, никто

не беспокоил? Я понимаю, что они заняты, но и я не делаю это забавы ради.

— Мы здесь — посторонние. Должны благодарить за то, что они хоть в нашу сторону смотрят.

— Не думал, что раз мы не местные, то и относиться к нам можно неподобающе. Они нас за людей не воспринимают. Мы для них не более чем назойливые мухи над кучкой навоза, — цыкнул северянин. — Ничего в этом мире не меняется.

— Маркус, манеры. И не стоит всех стричь под одну гребёнку. Одни не помогли, другие отзовутся. Главное — не изменять собственным принципам и относиться ко всем людям так, как бы ты хотел, чтобы они относились к тебе.

— Мир далеко не такой радужный, каким он показан на страничках сказок, — мечнику было, что сказать, но посмотрев на помрачневшее лицо наримца, он остановился. — Тогда что делать, если эти заучки в халатиках и после будут нас игнорировать, изредка отправляя нас из здания в здание?

— Если они не в состоянии воспринимать человеческую речь, то в качестве альтернативы можно использовать невербальное общение, — после минуты раздумий выпалил Ян. Маркус довольно улыбнулся. — Данный способ является одним из наиболее эффективных и быстродействующих методов достижения взаимопонимания между несговорчивыми партнёрами, так что переключайтесь на эти обязанности на тебя.

— Вот это говорит мой мальчик. У меня и энергия неожиданно появилась. Готов хоть горы свернуть. Пойдём же, чего ты отстаёшь.

Идти до точки отправления пришлось недолго. Узкая дорожка, выложенная камнем, привела их обратно, откуда они начали свой путь. Снующие туда — сюда учёные, больше напоминавшие призраков, чем людей, невидяще смотрели в пол и брели к своим кабинетам, чтобы там замкнуться в формулах вычислений и завязнуть в магии синтеза знаний.

Побродив некоторое время по незнакомым местам, пообщавшись с разного рода работниками Центра, двое парней в изнеможении плюхнулись на свободную скамейку.

— Бесцельное блуждание по однотипным коридорам начинает вводить в большую депрессию, чем сидение на лошади в течение долгих часов. Чувствую себя сломанной музыкальной шкатулкой, которой посчастливилось остановиться на одной скучной заезженной ноте, не успев перейти к основной партии. Жестокое и неминуемое разочарование.

— Терпение, Маркус.

— Как бы оно не лопнуло.

— Можешь идти. Я изначально не рассчитывал получить от тебя поддержку. Мне это уже и так слишком дорого обходится.

— И чтобы всё веселье досталось тебе? Ни за что. Раз уж пришёл с тобой, то и уйду вместе с тобой.

— Как пожелает ваше высочество, — уголки губ медленно потянулись вверх.

Ян был благодарен Маркусу за то, что, не смотря на его ворчливый характер, он продолжал неуклюже подбадривать Яна, рискуя потерять звание сварливого старичка. Амплуа надоедливое любимого, насильно навязывающего своё повсеместное присутствие, начало уходить на второй план вместе с неуёмным темпераментом, раскрывая вторую личность. Не менее докучливую и беспокоящуюся.

Обсуждая планы на вечер и не успевшую за долгое время наскучить тему еды, парни оживлённо перебивали друг друга, рисуя аппетитные картинки буженины. Аромат, казалось,

вита́л над беспоко́йными голо́вами, да́ря неописуе́мый востор́г посто́янно голо́дным гурма́нам.

— Здравствуйте, — неожиданно близко прозвучал вкрадчивый голос. — Должно быть, это вы настойчиво искали меня по всем корпусам. Приношу извинения, были безотлагательные дела, требующие моего присутствия. Можете обращаться ко мне Профессор Яков. Вас, насколько я осведомлен, зовут Ян. Получил весточку от Лесьяра. Уверен, ничего серьёзного, но проверить стоит. А вы, молодой господин?

Мужчина средних лет с тронутыми сединой висками поочередно протянул руку молодым людям, задержав взгляд на северянине.

— Ваша внешность кажется мне смутно знакомой. Возможно, мы где-то пересекались?

Мечник внимательно посмотрел на стоящего перед ним человека. Волосы, наспех собранные в жидкий пучок и сдерживаемые двумя металлическими шпильками, с основания которых свисали тонкие нити стеклянного бисера. Белый халат поверх простой сероватой рубахи с расползающейся кляксой жёлтого чая на груди. Просторные шаровары в тон рубахе, по краям расшитые ровными рядами яркого растительного орнамента, добавляли к образу нотку блаженного бездельника, который хоть и занимался любимым делом, но материального удовлетворения от этого не получал. Профессор неловко улыбнулся, смущённый затянувшимся молчанием.

— Маркус О Де Фоль, Профессор Яков, — запоздало опомнился мечник и склонился в почтительном поклоне. Не давая профессору возможности что-либо ответить, он плавно продолжил. — Я редко бываю в Зильбере. Меня больше интересует практическая сторона оснащения разных боевых примочек, чем лабораторные эксперименты без возможности их применения. Наука — не мой конёк, однако, этому молодому человеку будет, что ответить за нас обоих.

Маркус взглядом указал на Яна и заложил руки за спину, встав в более привычную для себя позу.

— Вверяю своего друга в ваши руки. Уверен, в известном на четыре континента Исследовательском центре ему смогут помочь, — собрав около их троицы несколько любопытных глаз и ушей, Маркус поспешил ретироваться, не желая создавать для друга непредвиденные проблемы. — На этом я вас покидаю. Ян, как закончишь, можешь вернуться на постоянный двор. Либо я, либо Соня будем ждать там тебя.

Отсалютовав на прощание, Маркус ещё раз окинул Профессора изучающим взглядом и направился прочь.

— Ну что же, — неловко улыбнувшись, Профессор неспешно пошёл к выходу из головного здания в сторону своей тихой обители, — поведайте мне вашу историю. Как вы решились на такое рискованное предприятие — в одиночку отправиться на другой континент? Где и при каких обстоятельствах столкнулись с господином О Де Фолем?

Голубые глаза Яна судорожно бегали по Центру, не поспевая за градом вопросов.

— Окажите милость, поведайте мне о таких мелочах. Вам не тяжело, и мне в радость. Немощному старику нелегко приходится в таком месте, где толком ничего интересного не происходит. Остаётся тешить себя чужими историями, героем которых я не стану. И потом, как вкусную конфетку в пёстрой обёртке, я стану медленно её разворачивать перед другими изголодавшимся, чтобы хоть как-то отвлечься от непрерывной работы.

Температура в здании резко контрастировала с уличной. Внутри было тепло, сонно и спокойно. Снаружи воздух отрезвлял, наполняя лёгкие новой порцией свежего кислорода.

Узкие дорожки, подсвечиваемые розовым светом заходящего солнца, выводили ряды уставших лаборантов из своего лабиринта, как если бы в начале небольшой процессии шла утка-наседка, ведущая покорных жёлтых утят за собой.

— Наука, безусловно, забавная игрушка, особенно на первых порах, — произнёс Профессор, раскрывая перед Яном знакомую светлую дверь, у которой ранее неловко стоял наримец вместе с Маркусом, — но опасная. Когда мы были юнцами, нас распирало от энергии, желания творить, быть в числе просвещённых. С возрастом пыл поубавился, приоритеты изменились. Чем больше мы постигали, тем больше мы отдалялись от себя в юности. Терялись в водовороте «надо» и «запрещено», «хочется» и «нельзя».

Слова Профессора тугой тетивой натягивались в стенках его ноющего сердца, отдавали прогорклостью красного вина в опустелых подвалах, крупными хлопьями смога оседали на улицах мёртвого города. Что-то тёмное, неподвластное пониманию, давящее на сознание, присутствовало в притворно лёгкой манере, невесомо, сумрачной тенью прикрывая прорехи между платами безграничной человеческой вседозволенности.

Башазаг бесшумно следовал позади, слушая жалобы одинокого мужчины.

— Не бойся меня. Это я так привлекаю внимание людей неравнодушных. Возможно, в чьих — то сердцах ещё жив огонёк внутренней магии — веры в себя и свои возможности. Притеснённым туго живётся в мирное время.

Яков какое-то время всматривался в алый закат, влекомый далёкими мыслями, не обременённый ни временем, ни пространством. Заперев себя в вымышленном мире и не имея желания сопротивляться эгоистичным прихотям, он утопал в зыбучем песке гнусных пороков. Когда он обернулся, его и без того худое лицо казалось осунувшимся. Тёмные круги залегли под некогда весёлыми светлыми глазами. В закрытом помещении запах алкоголя стал более ощутим.

— Не принимай слова старика всерьёз. Навожу ненужную смуту в мирное время. Зато ты бы видел себя со стороны, — лёгкая улыбка тронула губы, но в глазах читалась усталость. — Так внимательно меня слушал, что мне даже самому показалось, что всё сказанное мной — правда. Я лишь пустил пыль в глаза, изобразив из себя личность загадочную и мистическую.

Указав ладонью на длинный диван изумрудного цвета с десятками маленьких клетчатых подушек, занимавших большую часть его поверхности, Профессор быстро сгрёб их в охапку и кинул на ближайший подоконник, радушно предоставляя место редкому гостю. Устроившись в соседнем кресле, мужчина положил ногу на ногу и подпёр подбородок рукой.

— Вкратце я знаком с вашей ситуацией. Конечно, с позволения вашей семьи и Лесьяра Рут. Но не они носители недуга, а вы. Они могут описать то, что видят, но не то, что чувствуете вы. Я не ваша мама, папа, тётя или брат. Вы не должны испытывать передо мной ни чувства ответственности, ни чувства стыда или раскаяния, так что можете спокойно поведать мне о вашей особенности. Готовы начать?

Прежняя атмосфера грусти и призрачной утраты улетучилась вместе с отрешённостью в движениях, которые выдавали в Профессоре человека живого, сломленного, но в тайне надеющегося. Вернувшись к исполнению своей обычной роли, Яков стал безлик, как и сотни его предшественников, как и сотни его последователей.

* * *

Харчевня на первом этаже гостевого дома никогда не была тихим местом, и

сегодняшний день не стал исключением из правил.

На кухне бурлила привычная гостям похлёбка из чечевицы, резные подносы из-под десертов пустовали, завлекая мелкую живность мучными крошками. Служебный персонал медленно плавал между раздосадованными зеваками, которым не дали игрушку на потеху. Ян устало плёлся на второй этаж, невесело глядя себе под ноги. После полуночи мало кто оставался на первом этаже. Даже самым отчаянным гулякам требовался отдых, чтобы с утра выполнять свои привычные обязанности — бороться за общее дело или против него.

Наримец дважды постучался в забронированную ими комнату и немного подождал, пока не услышал одобрителный возглас. Сгорбившись над прикроватной тумбочкой, Маркус искал на узкой полке кухонные ножи. На протяжении недолгого путешествия они успели показать себя как верные друзья, не только пригодные для готовки на скорую руку, но проявившие себя и в более опасных ситуациях.

Затачивая ножи друг о друга методичными неспешными движениями, северянин наполнял комнату неприятным скрежещущим звуком. Хотя ему было невтерпёж узнать у Яна, какие прогнозы ждали его, и о чём можно было говорить на протяжении семи часов, сидя в небольшом домике, он вежливо сдерживался.

Тем не менее, Маркус всё же завистливо признавал, что там было, на что смотреть, начиная с самой личности Якова, отхватившего весьма завидный клочок земли. Мечник и в подмётки не годился Профессору в сфере науки и техники, но в душе теплилась надежда, что ростки дружбы успели дать корни, и Ян не сможет безболезненно покинуть Маркуса. Эта мысль была эгоистична и самонадеянна, однако, рыцарь был готов сделать всё, чтобы Башазаг и дальше оставался подле него, даже если бы это означало полностью привязать наримца к себе.

Ян устало побрёл к кровати, бросил верхнюю одежду с краю и плюхнулся лицом вниз на пружинистый матрас. Испустив протяжный стон недовольства, он побил руками и ногами по воздуху, напоминая маленького озлобленного на мир ребёнка. Успокоившись, Ян апатично перевёл взгляд на Маркуса.

— Тебе случайно не надо в Пантон? Или знакомым, которые незаконно поставляют живой груз в восточные края?

Рука дёрнулась, один нож соскользнул с другого, краем лезвия пройдясь по подушечке указательного пальца. Тонко прочерченная розоватая линия протянулась на две фаланги. Мечник положил кухонные ножи обратно в шкафчик.

— За какого мерзавца ты меня принимаешь? Всегда было интересно это узнать.

— Значит, ты этого не делал?

— Этого я не говорил.

— Так у тебя есть такие знакомые или нет?

— Что ты там, вообще, забыл? Это тебе не Панпуг и, тем более, не Пансо. У вас народ более дружелюбный, чего нельзя сказать о наших соседях с востока, хоть нас и разделяет хрустальная корочка льда. На самом деле. Отношения между нами примерно такие же, — мечник испустил протяжный вздох, полный неприязни и хандры. — Они не любят чужаков и будут враждебно относиться к нам с самого начала. Был там как-то раз, меня потом по косточкам собирали. Медленно и неохотно. До сих пор перед глазами их презрительные лица, словно вместо человека, они таракана увидели.

— Возможно, у меня с ними с самого начала будет больше шансов, чем с тобой.

— За все свои старания я получил только холодок в словах и действиях. Разбиваешь мне

сердечко. Уйду от тебя, горькими слезами плакать будешь, — прикрывая лицо ладонями, Маркус сгорбился и театрально отвернулся, изображая глубоко обиженного человека.

Ни один вечер не обходился без подобного рода выходов, так что Ян нашёл способ вытащить друга из унылого состояния. Вставать с кровати крайне не хотелось, но чем дольше северянин находился в пограничном состоянии между понурым волком-переростком и пищущим от недостатка любви щеночком, тем больше требовалось времени на его исцеление и возвращение во взрослое состояние.

— Ты искусный манипулятор, Маркус. Мне заранее жалко твою жену и детей, — наримец переместился на кровати ближе к мечнику и начал тыкать его вытянутыми пальцами ног.

— Тебе должно быть жалко себя, Ян, — зловеще пробурчал Маркус, стараясь скрыть рвущиеся наружу смешинки. Крепость начала сдаваться и пала в тот момент, когда мечник, резко развернувшись, внезапно схватил нарушителя спокойствия за лодыжку. — Хорошо, я смогу подбросить тебя до границ Пантона, а дальше посмотрим на твоё поведение.

Перестав атаковать капитулировавшего противника, Ян, глядя в потолок, пытался привести в порядок спуганные мысли. Как объяснить другим, и главное — самому себе, что раньше ты был ничем, а сейчас ты всё тот же никто, но уже с некой заковыркой.

— День ото дня только веселее, — раздражённо прошептал Ян.

— Прости? — Маркус начал щекотать ступни друга, как вдруг раздались едва слышные постукивания в дверь.

— Товарищи, вы спите? — неуверенно произнесла девушка, боясь потревожить задремавших напарников.

Оставив ноги Яна в покое, Маркус неспешно пошёл открывать дверь полночной гостье. Соня стояла в ночной тунике, плотно укутавшись в цветастый плед. Неловко переминаясь с ноги на ногу, она ждала приглашения войти в комнату. Маркус тихо усмехнулся, заметив нехарактерное для девушки смущение. Поправив растрепавшие волосы, мечник вальяжно прислонился к дверному косяку и сложил руки на груди.

— И что же вам понадобилось от двух здоровых парней в столь поздний час? Если вы и дальше собираетесь избегать моего взгляда и упорно смотреть в пол, то я могу неправильно интерпретировать ваши действия.

Недавнее смущение вмиг растаяло, явив Соню в привычном амплуа. В глазах заискрилось возмущение.

— Мне бы не хотелось вас огорчать, господин Маркус, но я пришла вовсе не к вашей персоне. В этой комнате, напомню всем нам, проживаете не вы один. Для вашего же блага, не стоит строить из себя пуп земли. Это вас ничуть не красит, — огрызнулась она. — И ещё. Не хотите ли впустить девушку в покои, или вам больше по вкусу стоять в коридоре, будучи в растянутой рубашке и штанах, уже давно выдавших свои лучшие деньки?

— Меня несколько не смущает данная ситуация. Можем даже спуститься вниз и устроить показное шоу для постояльцев гостиницы. И как бы мне не была печальна эта мысль, сдаётся мне, что из нас двоих фурор произведёте именно вы, — сделал ответный выпад Маркус, пытаясь пристыдить девушку её появлением в столь неподобающем виде посреди ночи в комнате двух парней. Могло бы сработать, будь это не Соня.

— Я в этом и не сомневалась, — уверенно начала она. — Мне, в отличие от вас, есть чем гордиться и что показать.

— Почему ваше общение никогда не может закончиться нейтралитетом, — чуть ли не

хныча пролепетал Ян, накрыв голову подушкой. — Голова и так раскалывается, а от вас ещё больше шума. Мне нужен от вас выходной.

Соня молниеносно выглянула из-за рослого тела, посочувствовала умирающему, и тут же скрылась за дверью напротив.

— У меня есть таблетки. Сейчас принесу, — собрался выйти мечник.

— У тебя есть аптечка? — даже не пытаясь скрыть своих глубочайших сомнения, изумился Ян.

— У меня есть алкоголь, — с гордостью изрёк Маркус. Ян громко шлёпнул себя по лбу.

— Посторонись, помощь в пути, — воскликнула появившаяся на пороге девушка, недовольно шикнув в сторону мечника. — Недавно приобрела себе обезболивающее средство. Посоветовал мой знакомый, с которым сегодня встретила. Надеюсь, оно тебе поможет.

Протянув юноше прозрачную капсулу и стакан с водой, девушка осторожно присела рядом. Еле сдерживая любопытство, вспыхивавшее искорками в глазах, она медленно придвигалась к нему, словно ожидая воочию увидеть зарождающееся чудо.

— Как ощущения? — ловя мельчайшие изменения в его лице, Соня затаила дыхание.

— Либо он настойчиво хочет свести тебя в могилу этим средством, либо он тайно побывал в моём родительском доме, украл приготовленную мамой печень в сметане, предварительно оставив это кулинарное чудо на знойном солнцепёке в течение недели, и сделал из этого «обезболивающее», что уж точно навсегда решит все твои проблемы. — Солнечные зайчики всех цветов и размеров плясали в пустеющей голове Яна. — Знай, разницы между ними нет.

Маркус крепко сжал кулаки.

— Мутит, сердце гремит. Ощущения, напоминающие покалывание кожи при соприкосновении с лавой. Я-то на гору никогда не взбирался, а сейчас, словно стою над самым жерлом. Что, Великий Ванабавл, тебе посоветовали? — как спасение Ян хватал ртом холодный воздух. — Это точно твой приятель, а не злейший враг?

— Зато не чувствуешь мигрени, — не сдавалась девушка, неловко похлопав страдальца по плечу, отчего тот бессильно свалился на бок. — С одного эпицентра боли на другой, не слышал о таком? Скоро как огурчик будешь.

— Соня, — двухметровое каменное изваяние ожило, нагнетая и без того тяжёлую атмосферу, — какую муть ты ему дала? Клянусь, если он сейчас не будет прыгать, как козочка по скалам, это сделать я заставлю тебя.

— Дай ему пару минут, и, если ему не полегчает, я лично обращусь в лучшие больницы Зильбера. Приставлю нож к горлу, но притащу любого врача.

— У нас уже нет времени.

Наримец лихорадочно комкал простыню на кровати, находясь в полубредовом состоянии, шепча под нос неразборчивые фразы. Бисеринки пота выступили на коже, мерцая в тёплом свете ламп. Веки никак не хотели разлипаться, смыкаясь всё сильнее. Тело отяжелело, мышцы, как будто стянуло жёстким жгутом. Кожа, прежде имевшая цвет слоновой кости, приобрела перламутрово-розоватый оттенок. Барабанный ритм сердца был слышен за пределами собственного тела, пугая товарищей.

— Подожди, дай ему шанс. Он сильнее, чем кажется, — произнесла Соня уверенным тоном. — Поверь, мы недооцениваем его организм, но пройдёт время, и он сам даст нам фору.

Русская по небольшой комнатке в поисках не вовремя пропавшей верхней одежды, Маркус старался не отходить далеко от извивающегося в муках тела Яна. Глубокая складка залегла меж его бровей. Соня с удивлением наблюдала за поразительной переменой в мечнике, которого, казалось, редко интересовали чужие проблемы, и тем более беспокоили.

— Что, привязался к нему? Иначе бы не увязался за случайным незнакомцем, не так ли? Не в твоём это характере. У загнанных волков в жизни нет свободного времени, чтобы бесцельно бродить по округе.

Маркус холодно уставился на девушку, державшую в руках его пыльную мантию. Подойдя к ней вплотную, он вырвал одеяние из её рук и вернулся в Яну. Он догадывался, что Соня затеяла этот разговор не просто так, от скуки решив потрепать ему нервы. Она что-то накопила на него. Вопрос в том, насколько глубоко она копала.

— К чему ты ведёшь? Если есть, что сказать — говори прямо. Не создавай загадки там, где можно обойтись без них, иначе станешь совсем, как Ян. Живите проще, не усложняйте и без того сложные вещи, — Маркус бережно подложил под голову наримца холодную подушку и убрал его свесившиеся с края ноги обратно на кровать.

— Тебе самому-то в чёрно-белом однообразном мирке хорошо живётся? Из нас троих тебе приходится труднее всех, хоть и причиной этого являешься ты сам.

— Я не вижу в этом никаких проблем. Когда изначально стиснут в рамках двух решений, добро или зло, белое и чёрное, учишься не обращать внимания на отвлекающие вещи. Твой разум чист и непоколебим. Все грани чётко отображены на поверхности. Жизнь подчинена односложным правилам, и нет ввода третьего варианта, — монотонно проштудировал Маркус. — Нет смысла жалеть о свершённом. Остаётся лишь доверять внутреннему зову и следовать ему.

Соня, возможно, поверила бы ему и продолжила разговор в другом русле, если бы на личном опыте не усомнилась в лёгкости такой жизни.

— Тебя, что, родители в детстве не похвалили за первое место в бегах? Или не смогли найти во время игры в прятки и оставили одного на полдня в дремучем лесу? Откуда такое ограниченное мышление?

Девушка невесело засмеялась, с жалостью посмотрев на собеседника. Его небольшие отклонения немногочисленные приятели воспринимали как отличительные черты самой личности, делаая Маркуса человеком странноватым, но не более того. Иногда излишне тревожным, забавным до колик в животе, рассеянным или раздражённым. Всё это делало его человеком живым. Но чем больше девушка наблюдала переходы между холодом и пламенем молодого человека, тем сильнее выделялись эмоциональные перепады и импульсивность поведения. Как если бы сбежавший заключённый наспех притворился своим человеком, смешавшись с разношёрстной толпой безразличного общества.

— В голову лезть не собираюсь, но за разрушением твоего карточного домика понаблюдаю с первых рядов. Великое падение оборонительных стен — знаменательный момент, требующий особых оваций.

В комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь глубокими полувздохами Яна. Маркус не сводил с него взгляда, ожидая любого развития. Розовые пятна начали тускнеть, оставляя после себя лишь поблескивающую поверхность влажной кожи. Проглаженная прежде простыня, схваченная в тиски одеревеневших пальцев, смятым комком лежала в уголке кровати, составляя компанию отвергнутой подушке. Мученическое выражение лица пропало. Брови пришли в привычное положение, не грозя навечно застыть в состоянии

предсмертных конвульсий. Губы, похожие на тонкую бескровную полоску, расслабились и слегка приоткрылись, обнажив ряд ровных зубов. Мирное посапывание, хоть и с опозданием, но донеслось до ушей обеспокоенных свидетелей — зачинщика действия и насильно втянутого в него очевидца.

По горькому опыту Маркуса, состояния нарицанца было за пределами опасности, и давно забытое чувство страха не за собственную жизнь покинуло его. Спокойно выдохнув и разжав намертво сжатые кулаки, мечник развернулся к Соне.

— Тебе раньше не говорили, что ты просто сумасшедшая, раз говоришь такие вещи вслух, и кто-нибудь, например, я, может принять твои слова за неприкрытую угрозу?

Девушка сверкнула чёрными глазами. Ей нравилась его реакция. То, как он медленно выползал из накинута им же кожи, обманывая окружающих. Нет, девушке это не просто нравилось. Она этим упивалась.

— Вы непривычно галантны сегодня, Маркус. Должно быть, мои чары, наконец, достучались до вашего холодного сердца. Могу ли я принять это за личную победу? — Соня звонко засмеялась, широко размахивая руками. — Ну же, по твоему злобному личику несложно догадаться, что ты собирался сказать далеко не это.

Девушка плавно подошла к мечнику, соприкасаясь носочками мягких домашних тапочек с потёртой парой его туфель. Потешаясь над тем, как легко оказалось нарушить границы личного пространства северянина, девушка склонила голову набок. Завладев вниманием Маркуса, Соня лукаво посмотрела вверх, ожидая увидеть презрение или отвращение в карамельных глазах, но наткнулась на кое — что более занимательное. Прогремевшая по всему Панпугу репутация самовластной гончей, готовой загрызть собственного хозяина, явила свой лик.

Ядовито-доброжелательная улыбка озарила лицо двуликого мечника, что в любой момент мог вонзить в хрупкое горло любой достаточно острый предмет, проделав аккуратное сквозное отверстие. Не испытав сложности в выполнении, не ощутив и грамма угрызений совести. Поза расслабилась, жестикуляция более не была скована необходимостью соблюдать приличия. Лицо, ранее напряжённое, стало простым и обманчиво светлым. Наклонившись к девушке и сведя и без того ничтожное расстояние до неприлично близкого, Маркус с исключительной нежностью взял тёмную прядку волос девушки и стал накручивать себе на палец. Опаляя щеки девушки жарким дыханием, парень чуть слышно зашептал ласковым голосом:

— Воню от твоей прогнившей душонки веет за версту, пресмыкающееся ты отродье. У местных разбойников и то больше чести, чем у тебя. Твою тощую задницу на данный момент спасает лишь то, что Ян этого пока не замечает. И до тех пор, пока от твоей змеиной шкурки будет хоть какая-то польза, — ледяные глаза обрамляли пламя гнева, — ты будешь находиться под нашей опекой. Но стоит тебе совершить один неверный шагочек, нет, хоть подышать в неправильном направлении, и я с удовольствием проверю, насколько хорошо привинчена твоя дражайшая головушка к тельцу.

— Какие высокопарные речи, — Соня нетвёрдой походкой отошла от Маркуса и согнулась в конвульсиях сотрясавшего её тело смеха. — С вами явно интереснее иметь дело, чем я предполагала. Моё упущение, будем исправляться. И всё же, какой бы уморительной я не находила эту ситуацию, уверена, Яну она будет не по нраву. Из всех нас реальную опасность представляешь только ты сам.

Раздался короткий хриплый хохот. Маркус веселился, Маркус забавлялся. Голова его

слегка накренилась. Слов он отрицать не стал.

— Думаешь, если пронюхал про меня что-то, то всё, дело с концом? Дорогуша, не будь невинной незабудкой на солнечной полянке. Я бы не вызвалась идти с вами в поход, если бы не припасла пары тузов в рукаве. Девушке ведь опасно путешествовать в одиночку, — повторила слова спящего сейчас человека Соня, присев около него и подложив себе под подбородок лежащую рядом подушку.

— Чего ты добиваешься своим присутствием около нас? Что, настолько отчаялась, что уже и идти не к кому, ищешь, где бы рыбёха покрупнее попалась? Жаль разочаровывать, но здесь ты куш не сорвёшь.

— Вау, что-то необычное, смена стратегии? Больше не планируешь наблюдать за мной исподтишка? — чёрные бровки приподнялись в изумлении. Девушка наклонилась вперёд, во все глаза уставившись на мечника. — Мы-то знаем, что ты просто не хочешь привлекать излишнее к себе внимание на родных землях, оттого я сейчас и не кормлю подводных тварей на глубинах вод. И даже не каких-то там абстрактных вод, а вполне себе реальных, с названием и локацией. Думаю, напоминать тебе, Маркус, без надобности. Ты был там не единожды.

Маркус лениво усмехнулся, облокотившись о противоположную спинку кровати. Соня довольно улыбнулась.

— Да вот только в чём беда. Как бы далеко ты ни убежал от крови своей, тебе всё равно не скрыться, о Великий господин О Де Фоль, — черноглазка отвесила ему шуточный поклон. — И из великой жалости, а также в качестве глубокой признательности за ваше гостеприимство, на десерт приготовлю вам два вкуснейших подарочка. По одному в каждые руки. От меня не убудет, да и паразитарный образ жизни я не веду.

Встав с кровати, Соня запахнула полы туники и неспешно побрела в сторону выхода.

— Благодарю за продуктивный разговор. Надеюсь, для общего блага мы пришли к соглашению.

Напоследок взглянув на Маркуса, Соня неловко помахала ладошкой и закрыла за собой дверь.

— Тебе надо опасаться не меня, а тех, кто за твоей спиной, придурок, — разрезал тишину безлюдного коридора обиженный полусёпот.

Глава 8

— Такое ощущение, словно меня сковородкой по голове приложили, — Ян попытался ослабить тупую ноющую боль в голове, дёргая себя за волосы. Подняв полумёртвый взгляд на Соню, которая сочувственно ему поддакивала, ладошкой прикрывая предательски подрагивавшие уголки губ, юноша заподозрил что-то неладное. — Вы же этого не делали, правда?

Посмотрев на трогательно взъерошенные волосы парня, серые круги под глазами, ужасно помятую рубашу и неправильно застёгнутую жилетку, девушка ничего не могла с собой поделать, кроме как рассмеяться во весь голос. Парень, всегда старавшийся поддерживать опрятный вид, хоть Соня свято верила, что на фоне Маркуса каждый был таковым, напоминал вывалившегося из тёпленького гнезда воробушка, который спросонья не понимал, что происходит.

Невинный антураж дополняла хлопочущая рядом «курица-наседка», что пыталась пригладить непослушные вихры наримца. Естественно, благие действия Маркуса были тут же отвергнуты, на что тот обиженно дулся. Летящие в сторону Яна грозовые молнии больше не вызывали в наримце чувства вины. «Мальчик растёт», — про себя отметила Соня, радуясь новым порциям комических сценок.

— На счёт себя я уверена, на счёт же Маркуса... — прищурился глаза и задумчиво почесав подбородок, девушка играючи выводила мечника из себя, — кто его знает. Может, он и успел что-то сотворить. — Ненадолго задумавшись, она ехидно добавила: — Ну, или что-то скрыть.

Маркус недобро оскалился, Ян устало прикрыл глаза. Если Соню веселило общение нелепой парочки, то Ян мечтал о том, чтобы мечник полностью игнорировал девушку, которую словесные перебранки только раззадоривали. И по весьма скромным подсчётам Яна, Соня лидировала с ошеломляющим отрывом. Об этом он, само собой, никому не рассказывал. Утешать воющего от любой мелкой несправедливости Маркуса было нелёгким занятием, а иногда и вовсе невыносимым. Ян начал подозревать, что мечник и вовсе зачастую проворачивал это специально. Проверить теорию, к сожалению, пока не представлялось возможным.

— Только не начинайте с утра пораньше, — завидев грозное выражение лица Маркуса, Ян поднял правую руку вверх. — Единственный человек, который может сейчас жаловаться и сердиться, — это я.

Крепче сжав поводья в кулаке, Маркус резко выдохнул и направил всё своё внимание на прямую дорогу. Солнце приближалось к зениту, приятно согревая макушки путников, а лёгкий ветерок освежал их лица. Время от времени попадавшиеся на их пути небольшие деревеньки с разноцветными домами разбавляли зелень полей и лесов. Путь до Пантона обещал быть неблизким.

— Ручной пёсик, — прокашляла в кулак одна неугомонная персона, что явно желала-таки навлечь на себя беду. Беду в лице далеко не уравновешенного мечника.

Путь обещал быть. Но, как видно, не для всех членов команды.

— Ты же знаешь, как отстирывать кровь с одежды в непреднамеренных ситуациях? — с наивным любопытством поинтересовался Маркус, медленно направляя лошадь поближе к

девушке, пока эта непреднамеренная ситуация не подавилась чистым луговым воздухом. — Возможно, сегодня мне всё же понадобятся твои знания.

Выдав из себя подобие улыбки, Соня моментально послала наримцу телепатические волны бедствия.

Ян заметил, что и девушка, как и сам мечник, желала заручиться поддержкой третьей стороны. Но в этот раз, к счастью наримца, возможность отыграться на них двоих одновременно всё же выдалась. Соня за это, конечно, его по голове не погладит, но когда это останавливало порядком уставшего приверженца мира между этими двумя? Всегда, Яна это останавливало всегда... Что и стало толчком к неизбежному возмездию с его стороны, как он успокаивал сам себя. Бессмысленным препираниям Сони и Маркуса рано или поздно должен прийти конец, и уж лучше это произойдёт раньше, прежде чем терпение Яна окончательно лопнет.

В связи с чем невозмутимая третья сторона лишь безучастно пожала плечами.

— И это вся твоя реакция? — негодовала Соня.

— А что ты думала? Между своими целыми нервами и твоим слегка потрёпанным внешним видом только сегодня, ради разнообразия, я выберу первое, — философски изрёк Ян. — В другие дни я обещаю подойти к вопросу более тщательно.

Маркус позади тихо хохотнул. Удача была на его стороне.

— А я только начала думать, что ты поумнел. Не тех соратников себе выбираешь, Ян. Помяни моё слово, — потуже натягивая поводья, Соня готовилась, чтобы в нужный момент дать дёру.

— Меня нет, я не существую, — безучастно распевал Ян. — Я — травинка, я — пылинка, я — бабочка.

— Выбиваешься из ритма, предатель.

— Удачной дороги, — Ян помахал вслед удаляющимся лихим галопом товарищам. Если не знать, что они готовы были поотрывать друг другу головы, можно было подумать, что это возлюбленная парочка, играющая в скачки наперегонки на берегу моря. Только вот они были не на море, а в Ванабавлом забытом месте. И не играли, а спасали свою честь или жизнь. В зависимости от того, от чьего лица могли быть произнесены эти слова. — Встретимся на следующем привале.

— Маркус, веником тебя дери! — издали раздавался озверевший окрик девушки.

Ян понимающе хмыкнул. Хоть Маркус и проигрывал Соне в словесных дуэлях, в физических он не щадил никого. В особенности каких — то черноглазых черноволосых особ по имени Соня.

* * *

— Вареники с картошкой и укропом, — с лёгким нажимом скрежетала Соня сквозь плотно стиснутые зубы. Глаз нервно подёргивался. В такт ему правая нога.

— Пельмени с бараниной и маринованными помидорами, — Маркус звонко хрустнул шей. Следом за ней пошли плечи и позвоночник.

Двое оппонентов злобно переглядывались через небольшой круглый стол. Их не совсем удачливому попутчику, который, к своему сожалению, был вынужден делить с ними трапезу, приходилось тихо глотать слова. Как и пожелание съесть горячий наваристый овощной суп, чтобы густой пар исходил от жёлто-оранжевой поверхности. И раз эти двое не могли определиться, значит, скоро должен был настать черёд Яна. Яна, вынужденного вечно

разгрести заваренную ими кашу. Поэтому, выжидая, он безучастно пялился в потолок и размышлял о предназначении своего бытия.

— Вареники, — упорствовала черноглазка.

— Пельмени, — не сдавался северянин.

Хотя черёд Яна мог и не настать. Непринуждённо отодвигаясь подальше от стола, чтобы не вызвать никаких подозрений, наримец напевал себе под нос простенькую мелодию. Он только успел положить ладони на ручки стульчика и приподнять тело на несколько сантиметров над сиденьем, как по столу прошёл двойной разгневанный удар кулаков.

Ян не умел ни врать, ни мухлевать.

— Да-да? Вы уже определились с выбором? — обратно пододвигаясь к выдержавшему нешуточное нападение столу (счастье, что досталось не самому наримцу), Ян оживлённо посмотрел на заложников харчевни. Благо, не на постоянной основе, надеялся он. — Так что, вареники или пельмени?

Между Соней и Маркусом вновь сверкнула молния. Ян вымученно подпёр подбородок рукой, лениво осматривая небольшое заведение. Высокие потолки и сероватая каменная плитка, покрытая то тут, то там тёмными трещинами. Навесные лампы и деревянная фурнитура, купленные по дешёвке в ближайшем магазине мебели. Широкий выбор алкогольных напитков на прилегающей к входной двери стенке, что было весьма странно для полузабытого посёлка.

Хозяин с хозяйкой то и дело косились то на поздних посетителей, то на огненные часы. Последнее, десятое, деление уже на одну четверть растеклось по остаткам свечи, восковыми пятнами оседая на металлической подставке.

Поймав на себе взгляд хозяина, Ян, извиняясь, улыбнулся. Тот уже давно хотел подойти, чтобы принять заказ, но угрожающая аура Сони и Маркуса подавили это желание в самом зародыше. Наримец понимающе кивнул. Ему самому временами тяжело было общаться с этой пугающейся парочкой. Поэтому он предпринял попытку распутать возникший клубок проблем.

Встав из-за стола под незатихающую ругань своих спутников, Ян тихо подошёл к прилавку.

— Здравствуйте, у вас есть вареники с картошкой? — парочка резко замолчала. Соня победно ухмыльнулась, северянин раздраженно смял полотенце для рук.

— Извините, только недавно закончились.

Девушка озлобленно развернулась к окну. Маркус вызывающе облокотился о стол, прислонив руки к ушам и слушая существующие лишь для него оации.

— Тогда, возможно, у вас есть пельмени?

Хозяин нервно сглотнул, ожидая реакцию двухметрового чудовища.

— Нет. Их, к сожалению, тоже нет.

Тут двое изголодавшихся по горячей еде людей налитыми кровью глазами уставились на хозяина харчевни, непроизвольно хватаясь за столовые ножи. Перед глазами несчастного мужчины, как в калейдоскопе промелькнули самые нелепые моменты из его не слишком долгой жизни. Этот, видимо, должен был стать последним.

— Может быть, у вас есть тёплые супы?

— Да, конечно, есть, — чуть не прослезился хозяин. — Есть гороховый суп, суп из крапивы и солянка.

— Можно шесть порций солянки? — увидев недобрый взгляд мечника, Ян

исправился. — Семь будет лучше.

— К-конечно. Сейчас принесу.

Мельком взглянув на всё ещё негодующую пару, что минуту назад готова была рвать и метать, а сейчас лишь недовольно постукивала по деревянной поверхности стола и изредка косилась на хозяев, мужчина отрывисто выдохнул и скорее побежал на кухню. Испытывать терпение этих гостей ему не хотелось.

— Прекратите терроризировать невинных людей, — Ян уселся обратно за стол.

Двое хищников переглянулись и солидарно кивнули головами.

— Но они не невинные люди, — ринулся защищать честь и достоинство Маркус. Соня во всю ему поддакивала. — Они покусились на святое — еду.

— А те, кто покушаются на святое, — продолжила мысль девушка, — подлежат немедленной экзекуции.

Не придавая словам особого значения, Соня высказала привычные ей вещи. Продолжая следить за их непринуждённой беседой, Ян в который раз убеждался в звериной натуре людей, стоит коснуться еды. Это была далеко не первая ситуация, когда источник всех проблем, пропитание, становился предметом всеобщего раздора. Неприличными словечками это заканчивалось, в лучшем случае. В худшем, что происходило не реже, — драками. Если и дальше пойдёт такими темпами, то недалёк момент, когда из-за еды прольётся чья-то кровь. У Яна начинала гудеть голова только от одной мысли об этом. Еда творила страшные вещи с этой командой.

— Боюсь, долгое пребывание в обществе Маркуса вредит нам обоим, — вполголоса озвучил свои мысли юноша.

— Дорогуша, ты это слишком поздно заметил, но я в тебя всегда верила, — Соня широко улыбнулась, радостно хлопая его по правому плечу. Маркус, в свою очередь, ревниво притянул его поближе к себе, на что та залилась громоподобным смехом.

— И всё же, отсутствие еды — и сразу экзекуция? Уж больно много ты нахваталась от Маркуса. Вам двоим только бы смертные казни устраивать. Соня, даже если однажды ты станешь палачом, знай, я не удивлюсь...

Не сдержав глубокого баритонного гогота, Маркус выпустил из медвежьей хватки бледного паренька и согнулся пополам. Последние капли терпения черноглазки иссякали вместе с размашистыми ударами северянина по столу.

— Я обязательно приму к сведению твой добрый совет, — из-за спины наримца появился хозяин с широким подносом, на котором красовались три порции солянки. Ян немедленно поднялся, чтобы помочь тому расставить их на столе. — У меня даже на примете имеется один знакомый, кто с удовольствием поможет мне с практической частью.

Уголки губ Маркуса многозначительно приподнялись. Такой исход ему был по душе.

— Вы пока начинайте есть. Я помогу с оставшимися порциями, — Ян пошёл вслед за хозяином, оставляя девушку и напарника наедине.

— Кое-кто уж слишком расслабился, — белые зубки очаровательной ухмылкой праздновали промах девушки. Зачерпывая горячий суп, северянин довольно отправил ложку в рот. — Глядишь, в скором времени сама себя ненароком выдашь. Мне даже не придётся пачкать руки.

Последовав примеру мечника, Соня не стала дожидаться, пока еда остынет, и смело испробовала наваристого супца. Золотистая жидкость бодрила, придавая ей энергии. К девушке вернулось прежнее задорное настроение.

— Дорогой, хочу лишь любезно напомнить, — перемешав широкой ложкой содержимое тарелки (суп начал медленно остывать), — что есть у меня одна крайне дурная привычка — тянуть за собой на дно других. Чтоб там одиноко не было.

— Посмотрим, кто заговорит быстрее — ты или мой меч.

Черноглазка ехидно оскалилась. Янтарные глаза сверкнули озорством, граничащим с восторженным, сладострастным безумием.

Горячее блюдо было подано.

— Никак не наспоритесь? — клацанье белых тарелок друг о друга вмешалось в короткий разговор. — Когда же вы уже, наконец, устанете цапаться как кошка с собакой?

— О, нет, — девушка принялась за еду под буравящим взглядом наримца, продолжая краем глаза наблюдать за преисполненным удовольствия мечником. Лёгкая закуска тоже была ему по вкусу, — конец определённо близко.

— Хотелось бы.

Пока широкие тарелки быстро пустели, в вечернем небе уже начали проклёвываться мутные звёзды.

— На улице уже стемнело, хоть глаз выколи. Что будем делать? Не хотелось бы ночевать в лесу, когда есть возможность поспать на нормальной кровати.

Как по команде, все трое тяжело вздохнули. Проблема ночлега обстояла весьма печально. То денег было недостаточно, то по пути не попадалось ни одной деревни, то все места были забронированы на дни вперёд. Как бы то ни было, удача была не на их стороне.

Стоило морально одичавшим путникам смириться с мыслью о том, что и эту ночь им предстоит провести в ветхих спальных мешках, как зоркий глаз Маркуса зацепился за маленький клочок бумаги на входной двери, что будто сам хотел быть найденным. Молодой человек довольно улыбнулся, от чего по спине хозяина, тайком посматривавшего на этого забредшего к нему медведя, пробежал неприятный холодок. Не успев толком шагнуть к вывешенному объявлению и убрать его с глаз долой, мужчина был остановлен вполне красноречивым предостережением со стороны того самого медведя, что явно не одобрил неосторожное поведение хозяина. Брошенный с места острый ножик, что Маркус быстро выудил из кармана плаща, аккуратно впился в середину листовки, вызвав у несчастного хозяина харчевни тонкий мышинный писк.

Неспешно встав, Маркус в несколько широких шагов пересёк небольшую комнату и оказался напротив входной двери. Сначала одним сильным рывком он вытащил глубоко засевший в двери ножик, а после с садистским наслаждением сорвал со старого гвоздя заветную бумажку. Глядя на всё больше бледнеющее лицо хозяина не только харчевни, но, как оказалось, и комнат для ночлега, Маркус лучезарно улыбнулся.

— Я смотрю, у вас тут домик сдаётся? — мужчина со слезами на глазах вертел головой из стороны в сторону, вопрошая Ванабавла, за что ему посланы препятствия, которые он не сможет преодолеть. — Вы не беспокойтесь, мы не особо проблемные постояльцы.

Мужчина судорожно сглотнул.

* * *

— А домик — то неплох, — хохотал во все лёгкие мечник. — И хозяин так быстро отдал нам ключи, даже не обговорив, на сколько мы остаёмся, и сколько нужно будет платить.

— Уместнее было бы сказать не нам, а тебе. И не отдал, а кинул в раскрытую пасть

опасного хищника, лишь бы тот не оттяпал что-то большее, чем просто ключи. Но да, это было быстро.

Маркус зыркнул в сторону живого мертвеца, Соня деловито откинула назад прямые чёрные волосы, а Ян прошёл вперёд по длинному коридору, лишь бы не видеть разворачивающуюся за спиной драму. Перспектива быть вновь втянутым в их нескончаемые перепалки пала жертвой желанного девятичасового сна на настоящей кровати с матрасом, одеялом, подушками и простынями. Предел мечтаний на сегодняшний день начинался и заканчивался мыслями о белых странах пуха и перьев, что вовлекали в приятное забытье.

— Хозяин и едой немного поделился, — проскрежетал северянин.

Как бы сильно Маркус ни хотел верить в обратное, но образ человека, не идущего на компромиссы, если только они полностью не соответствовали его предложениям, никак не желал сходить с него, впитавшись глубоко во все поры кожи. При более тесном общении впечатление о мечнике иронично напоминало только о его деспотизме.

— Это ты про то, как его жена буквально умоляла забрать еду и уйти из столовой, лишь бы твоя важная персона не вернулась к ним и не распугала всех гостей? Да, помню. Забавное было зрелище.

— Приготовься, — мрачно улыбнулся мечник. — Сегодня в этом доме на одного человека будет дышать меньше.

Соня театрально широко распахнула глаза и приоткрыла рот.

— Нет, ты это слышал, Ян? Как ты с ним уживаешься? — возмущалась она. — И вообще, почему угрозы жизни получаю только я?

— Радуйся, что всего лишь угрозы, а не сомнительные знаки внимания, — сухо отметил Ян.

Черноглазка сочувственно похлопала его по плечу.

— Не бойся, я тебя защищу.

Двое незамедлительно пожали друг другу руки, найдя в себе силы объединить усилия и встретиться со злом лицом к лицу. Зло недовольно покосилось на них.

— Еду-то куда девать? — спросило оно. — Не хотелось бы, чтобы она не дожила до завтрашнего дня.

— Оставь на столе, — ответила Соня. — Ножи этой симпатичной курочки понадобятся мне, чтобы протолкнуть её аппетитные широкие косточки глубоко в прожорливую глотку одного негодяя. Надеюсь, этого ему хватит до конца жизни.

— Как же я устал, — протяжно зевнул Ян. — Пора в кроватку.

— Чур, моя комната на первом этаже, — в перерыве между угрозами и беготней по дому Соня уличила момент краткой рассеянности Маркуса и прямо перед носом Яна вбежала в выбранную им для себя комнату и захлопнула за собой дверь за секунду до того, как Маркус с разбега приложился раскрытыми ладонями об её холодную поверхность. Руки охватило огнём.

— Соня, рано или поздно, но ты выйдешь из этой каморки. И уж тогда мы с тобой вдоволь успеем любезно пообщаться, — пригрозив молчаливой дверке, северянин глухо ударил по ней кулаком. — Слышишь, любезно пообщаемся.

Развернувшись, Маркус наткнулся на крайне недовольного наримца. Немигающий взгляд, насупленные брови, глубокие складки на лбу. И, прежде всего, скрещенные на груди руки, что, как заметил северянин по опыту, всегда свидетельствовало о крайне рассерженном состоянии Яна. Кто-то сам себе вырыл могилку.

— Тоже хочешь выбрать себе комнату? Можешь занять ту, что на втором этаже, мне не жалко, — неловко почесав затылок, мечник улыбнулся во все зубы. — Я могу поспать на диване в гостиной.

— Чтобы ты набросился на Соню, стоит ей хоть на миллиметр приоткрыть дверь? Ну уж нет, иди со мной.

— Но я даже не думал об этом, честно!

Взяв под руку провинившегося, Ян поволок его за собой. Маркус, как несправедливо обвинённый ребёнок, начал было отнекиваться и вырываться, но стоило увидеть пробирающийся до костей мрачный взгляд голубых глаз, как он послушно поплёлся следом. Впустив в комнату Маркуса, Ян тихо запер за собой дверь.

— Ты с самого начала не питал к Соне особой любви, но в последнее время всё стало только хуже. Что происходит?

Северянин присел на ближайшую к двери кровать. Закинув ногу на ногу, он, будто загипнотизированный, смотрел на небольшое квадратное окно. И на его кованые решетки.

— Если скажу, что не доверяю ей и попрошу не задавать дальнейших вопросов, сделаешь это? — длинные волосы закрывали его глаза.

Ян протяжно вздохнул, пройдя в комнату и опершись на подоконник. За окном вдалеке виднелись огни посёлка. Юноша всматривался в непривычные пейзажи. Высокие сосны, сплошная цепочка гор и знакомая фигура в шинели, что крадучись вылезала из окна первого этажа.

Маркус же терзался мыслями, что поступал подло. Кто он такой, чтобы советовать, как Яну жить и с кем. Какие поступки принимать, на чью сторону вставать. Мечнику было проще быть шутом, разыгрывать мелодраматичные сцены, ябедничать и кривляться. Они могли разговаривать часами на тысячу и одну тему, делить на двоих трудности голода, холода и усталости, но страх и неуверенность в их связи, что не могла быть заменена никем и ничем, не выходила из головы северянина. Для Маркуса Ян был единственным. Но это не означало, что Маркус являлся единственным для Яна.

Как бы мечник не преувеличивал на людях свою близость с Яном, в уме ему едва бы хватило наглости об этом подумать.

— Прости, но этого сделать я не могу.

Рыцарю не хватало уверенности раскрыться перед наримцем, он опасался, что Ян мог его бросить и выбрать кого-то другого, будь то Соня, Профессор Яков или любой, абсолютно незнакомый ему человек.

— А пока ты будешь думать, рассказывать ли мне причину ваших игр, — Ян быстро пересёк комнату и снова стоял возле двери, — я подышу немного свежим воздухом. Не одному тебе надо всё обдумать. Возможно, уединение поможет нам обоим.

Отперев дверь и скользнув взглядом по сгорбившейся фигуре Маркуса, Ян неосознанно нахмурился. Оставляя мечника одного совсем не хотелось, но узнать, куда понесло девушку в ночное время, было в приоритете. Тихо закрыв за собой дверь, Ян быстрым шагом спустился на первый этаж, пытаясь хоть немного нагнать Соню. Выбравшись из дома, наримец столкнулся лишь с неожиданно холодным воздухом.

«Что же этим двоим никак нейдётся жить спокойно? Что внутри дома, что снаружи, они всегда найдут способ усложнить жизни окружающих...»

Основная дорога, что напрямую вела к главной площади, девушке, видимо, не приглянулась. Решившись всё же вслепую последовать за ней, Ян прикинул в уме, куда Соня

сможет выйти после того, как минует осиновою рощу. Долго не раздумывая, Ян зашёл вглубь леса на несколько метров, продолжая двигаться в сторону центра вдоль дороги.

Как он ни старался не привлекать к себе лишнего внимания, темнота, холод и незнание местности делали эту задачу невыполнимой. Спустя изматывающих пять минут, круша под ногами сухие листья, мелкие ветви и попросту пиная назойливые, попадающие через каждую секунду камни, юноша сдался. Идти вперёд предстояло ещё пару километров, а потерять угасающий настрой отыскать черноглазку никак не хотелось. Отринув гордость неудавшегося сыщика, парень вышел на грунтовую дорогу и продолжил свой путь в свете редких фонарей. «Светлосвет» пользовался популярностью повсеместно.

Дойдя до дорожной развилки, Ян посмотрел по сторонам и, не обнаружив никаких признаков Сони, наугад завернул направо, следуя никогда не подводящему чутью. Всё ярче освещённые улицы и звучащая в отдалении музыка свидетельствовали о том, что чутьё в очередной раз его не обмануло. Через пару кварталов он наткнулся на единственный на весь посёлок кабак. Дыхание перехватило.

— Да нет же, это просто глупое совпадение. Она бы туда не полезла. Только не после того случая... В глубоком отрицании глядя на яркую вывеску «Жизнь коротка — не пропусти стакан пивка», Ян помотал головой. Девушка не могла вновь напиться до беспамятства, начать ходить по столу, демонстративно сбивая ногами недопитые пинты пива, и в завершении этого концерта начать оскорблять мужчин, что грозились ей за это отомстить. Ночка у Яна и Маркуса тогда выдалась весёлая...

«Ну, я уже успел надышаться свежим воздухом. Пора возвращаться домой...»

Кинув в сторону кабака нервозный взгляд и едва уловимо улыбнувшись, Ян не успел и на сантиметр сдвинуться с места, как под обе руки его схватили две симпатичные девушки, одетые в лёгкие тёмные платья с глубокими декольте. Яна охватило плохое предчувствие, но было слишком поздно.

— Почему такой прекрасный молодой человек всё ещё не внутри, — Ян становился всё бледнее, а прикосновения девушек всё откровеннее. Ситуация показалась ему смутно знакомой. — Не стесняйся, мы составим тебе компанию.

Как выброшенная на берег рыба, Ян то открывал, то закрывал рот, пока две изголодавшиеся по мужскому обществу красавицы силком не затащили его в шумное заведение. Типичный для большинства питейных заведений полумрак, полутрезвые посетители в окружении пугающе очаровательных особ и подозрительно приветливые лица работников заведения. У дальней стены играла местная группа, выполняя последние пожелания уже пустых кошельков, не успевших быть выдворенными внушительными охранниками. В занавешенных полупрозрачной тканью комнатах сидели более удачливые и состоятельные посетители и баловались контрабандными паровыми коктейлями из Паннама. Как удалось незаметно провезти такой эксклюзив, для Яна оставалось загадкой.

— Какое место приглянулось, красавчик?

С силой притянув к себе паренька, девушка со светло-русыми волосами и томным взглядом сильнее прижалась к нему всем телом, от чего по телу Яна непроизвольно побежали табуны мурашек. Еле вырвавшись из цепких коготков, наримец окинул взглядом обширный зал в надежде побыстрее найти свободное местечко для своих спутниц, чтобы потом незаметно скрыться в многоликой толпе. Однако этот прекрасный план был тут же позабыт, стоило Яну разглядеть знакомую копну густых иссиня-чёрных волос, которые невозможно было спутать ни с какими другими. То ли совместное путешествие, то ли

непосредственный контакт с обладательницей привередливого характера, стали причиной того, что наримец теперь мог узнать нужную ему макушку среди десятка таких же. Будь она рядом или на расстоянии десяти шагов.

— К музыкантам. Хочу слышать их как можно лучше.

Девушки по-лисьи переглянулись меж собой, довольно облизывая пухлые губки.

— Так даже лучше! — хлопнули они друг друга в ладошки. — Идём за нами.

Скрытые под тонкой кружевной сеткой ручки подхватили Яна, и сплочённая троица направилась через зал в сторону музыкантов, старательно обходя пьяные компании. Добравшись до свободного столика, Ян, соблюдая негласные правила воспитанных ухажёров, хоть и не по-своему желанию, пропустил вперёд девушку, что вызывала у него меньше раздражения. Он рассчитывал усадить обеих девушек на один диванчик, чтобы потом в одиночестве разместиться на соседнем. Но юноша недооценил женскую прозорливость.

Подталкивая его ладошкой, светловолосая настойчиво напирала на лёгкую жертву сзади, пока та от неожиданности чуть не свалилась на стол. Уперевшись двумя руками в отполированную деревянную поверхность, Ян всё дальше отступал от нависающей над ним девушки, что игривыми глазками прожигала в нём дыру. Как бы невзначай положив хрупкую ладошку на мужскую мозолистую руку, она протиснула элегантную ножку в полупрозрачном чёрном чулке между ног наримца, отрезая тому пути отступления, и нарочито медленно склонилась к пылающему уху.

— Присаживайся, не стесняйся. Уже слишком поздно вести себя как недотрога.

Сердце колотилось, как взмахи крыльев стрекоз.

— Премного благодарен, — Ян смиренно сел возле первой обольстительницы. Вторая аккуратно села после него.

— Меня зовут Кира, — светлоглазая лукаво подмигнула, приобнимая окаменевшего юношу. Девушка с двумя родинками под левым глазом, скорее, нарисованными, решила не уступать сопернице, положив голову на плечо парня и блуждая двумя пальчиками, изображающими маленького человечка, по его груди, животу и бёдрам. — Её — Клара. Тебя как, золотце?

Ян поклялся больше никогда не жаловаться на странности Сони. Он легче переносил частые подколы и шутки черноглазки, чем эти приторно-сладкие голоса ярких бабочек, что мёдом лились из их уст. Провокационные действия шли отдельным пунктом.

— Маркус, — с запинкой произнёс Ян.

Забрать слова обратно было бы странно, но в случае неприятностей это могло сыграть ему на руку. Одно лишь упоминание, что сам обладатель имени, Маркус, будет должен кому-то деньги, (если эти девицы всё же провернут свои махинации) и, вследствие, разъярённый внешний вид мечника должен стать веской причиной отвадить компанию вышибал. А заодно спасти несчастливую троицу от приключений на пятую точку, в которые они так любили вляпываться.

Пока две спутницы не умолкая забрасывали юношу вопросами, он невпопад отвечал, пытаясь незаметно следить за девушкой, что сидела спиной к нему через один столик. Соня тем временем прекрасно проводила время, смеясь и флиртуя с незнакомым парнем, что выпячивал напоказ весьма посредственные мускулы, словно павлин перья в брачный сезон. Эти подобия мышц не были ужасны, но явно были бы определены в колонку «до» того, как человек встал на путь атлетичности. «После» же вне конкурса досталось бы Маркусу, хоть

тот и не делал это с целью покрасоваться перед людьми. На удивление.

Весёлое щебетание в сочетании с гроыхающей музыкой, бьющей тяжёлыми кувалдами по ушам, мешало сосредоточиться хоть на чём-либо. В горле от долгого пустого разговора неприятно першило, а влажная духота вынуждала медленно, но верно расстёгивать все больше и больше пуговиц на хлопковой рубаше.

— Не предложишь девушкам выпить? — томно шепнула Кира, царапая длинными коготками грудь Яна, ледяными пальчиками пробираясь под самое сердце. — А то здесь становится довольно жарко.

Тайком взглянув вперёд, где черноглазая бестия намеревалась смыться с распускающим руки ухажёром, что плавно опускал руку с талии всё ниже, Ян заметно напрягся. Пошатывающаяся походка Сони была плохим знаком.

— Конечно, скоро вернусь, — улыбнулся он, изображая галантного кавалера.

Встав и перепрыгнув через спинку дивана, чудом не задев при этом перепугавшихся девушек, Ян быстро последовал за злосчастной парой. Его раздражала девушка, которая в одиночку отправилась напиваться в кабак, не предупредив своих спутников и зная, как пагубно влияет на неё даже слабый алкоголь. Но больше его выводил из себя кавалер, что грубо решил воспользоваться моментом её слабости.

Выйдя из кабака и следуя за ними на расстоянии нескольких метров, наримец увидел, как они завернули за угол здания, дальняя стена которого соприкасалась с густым тёмным лесом. Ускорив шаг, он услышал тяжёлый глухой стук о землю и раздражённое бормотание. Вылетев из-за угла, юноша оцепенел на месте.

Соня возвышалась над валяющимся у её ног мужчиной, что в позе звёздочки лицезрел ночное небо. И делал он это не по своей прихоти, ибо был без сознания. Пинком развернув легко повинующееся тело, словно боясь притронуться к заразной болячке, она носком ботинка задрала выпачканный в песке пиджак до поясницы. Небольшой запечатанный конверт краешком выглядывал из-под растянутых штанов.

— Вот почему нельзя поручать посылки самоуверенным мужикам. Всегда наступают на одни и те же грабли. Тупые, неотёсанные мужланы.

Корчась от рвотных позывов, Соня достала из кармана походных брюк пару перчаток и с особой тщательностью, не обходя ни один палец, натянула их на руки. Отклонившись от мужчины как можно дальше, девушка кончиками пальцев вытащила нужную вещь и тут же отошла от пьяного на несколько шагов, заворачивая перчатки внутрь и кидая образовавшийся грязный комок ткани в широкий карман лёгкой шинели. Достав из-за обшлага небольшой кусок ткани, Соня обернула им скомканный документ и отправила за пазуху.

Тягостно выдохнув, Соня уверенно шагнула в сторону тёмного леса и тут же остановилась, уперев руки в бока и запрокинув голову. Послышались нечленораздельные звуки рыка и заунывного стога.

— Так и собираешься здесь молча стоять, даже ради приличия не пискнув? — Ян чуть дёрнулся. Обращались явно к нему. — Чему обязана появлением персоны, что не только не спасла девушку от беды, но даже это хамло не в состоянии унести?

Черноглазка лениво повернула голову в сторону фонаря, который любезно осветил силуэт зеваки. Не то чтобы у Сони хоть когда-то возникали с ними проблемы, разговор был всегда до неприличия коротким. Если, конечно, крики о спасении незнакомого человека этим зевакой, а потом и своей туши, можно было назвать разговором. Увидев же девушку

вместо очередного пьянчуги, что время от времени отлучались в кусты по нужде, Соня глупо устала на Яна. Никто из них не знал, как начать разговор.

За них это сделал новый персонаж, только что появившийся на сцене.

— Маркус, — подойдя вплотную и обняв Яна со спины, Кира осыпала юношескую спину лёгкими бабочками поцелуев, — не знала, что ты любитель поиграть в прятки. Меня это даже, должна признаться, немного заводит.

— Маркус?

Соня приглушённо фыркнула, покосившись на парочку. Брови предательски поплыли вверх вместе с плохо скрываемой насмешкой. Настоящее имя Яну явно шло больше. Если, конечно, наримец своими приключениями на пятую точку не планировал подкинуть настоящему владельцу имени «веселое времечко». В этом случае она бы охотно помогла наримцу, подкинув ещё несколько монет от себя. Благие дела всегда нужно поощрять.

Дальнейший полёт фантазии черноглазки был остановлен тёмной бабочкой, недовольно выглядывавшей из-за спины Яна. Бросив взгляд на незнакомую девушку, что расхаживала в изношенных брюках, швы которых готовы были разойтись в любую минуту, в пыльной и грязной шинели, и на её лицо, что хоть и было очаровательным, но не вызывало жгучей зависти, Кира самодовольно смахнула лёгким жестом длинные пышные волосы.

— Девушка, не хочу вас расстраивать, но в нашем уютном поселке есть свои устои. Советую найти другого спутника, да, солнышко?

Нарочито медленно прижавшись к Яну, Кира таким образом пометила отвоёванную ею территорию. Соня, не в силах более сохранять с ней долгий и серьёзный зрительный контакт, оставила попытки сохранять напускное хладнокровие и, упершись руками в колени, сложилась в три погибели. Теперь, вместо того чтобы следовать принципу тишины и невмешательства, она истерически хохотала в подворотне какого-то, одному Ванабавлу известного, кабака и смотрела, как на милого ягнёнка, что даже не успел пощипать зелёной травки, покушается голодная львица. Должно быть, раз местные охотницы выбрали в качестве трапезы столь неупитанного детёныша, сезон охоты выдался не особо удачным.

— Вау, да ты, Маркус, теперь нарасхват! Того и гляди, с ручками-ножками унесут. И не только, — Соня не только насмеялась над комичностью ситуацией, она ею откровенно наслаждалась, что медленно и верно приводило Яна в чувство.

Исподлобья зыркнув на сотрясающуюся от приступов смеха девушку, Кира хотела было увести застывшего как истукан, юношу, как вдруг быстрый взгляд случайно остановился на лежащем, на груди которого равномерно расплывалось тёмное пятно.

— Человек, — не веря своим глазам, пискнула Кира. — Она убила человека!

— Ты бы ещё громче крикнула, гений, но я приятно удивлена. Голова всё же была дана тебе не только для того, чтобы своими длинными ресничками махать. Хотя, конечно, зачем пользоваться головой, если что пониже приносит гораздо больше пользы.

Чёрные глаза спустились вниз по шее и дальше, где приглашающее декольте открывало неплохие виды, после чего вновь посмотрела в глаза девушке. Не заметив следов оскорбления или гнева на ничуть не изменившем своего выражения лице девушки, Соня окончательно усомнилась в её способности думать.

— Повторяю, Ванабавл-таки не обделил тебя, бедняжку, хоть большую часть и направил на то, что находится пониже мозгов.

Кира лишь сильнее завопила, крепче сжимая руку Яна. Наримец неодобрительно посмотрел на Соню. Та лишь бессильно пожалала плечами.

— Или, возможно, она не может удержать в голове одновременно несколько мыслей, — продолжила рассуждать Соня. — Между незнакомым мужиком на полу и оскорбляющей её достоинство девушкой — она выбрала первое. Для баб только мужики важны. Прискорбно.

Пока Кира жужжала что-то на ухо уставшему от всего этого цирка Яну и медленно оттягивала его назад, Соня лишь больше убеждалась в собственных словах. Опять — без мужика никуда. Слабость характера, слабость тела. Отвратительно.

— Или это то, что выбрал бы обыкновенный человек в данной ситуации? Угроза жизни стоит выше чьего-то оскорбления. Как много вопросов, как мало ответов, — быстро переключилась черноглазка, принимая во внимание новую, экзотическую для неё идею. В любом случае, это не особо интересовало Соню, так как к обычным людям она себя не причисляла, а, значит, их проблемы на себя спроецировать не могла.

— Многоуважаемая, прекратите попусту пугать людей, — процедил Ян, пытавшийся деликатно отцепить от себя Киру, которая хоть и находилась в полуобморочном состоянии, всё же не выпускала парня из мёртвой хватки.

— Ладно-ладно, никого я не убивала, — подняв обе руки в знак капитуляции, черноглазка вышла чуть вперёд, боясь вовсе спугнуть трусливую тигрицу. — Просто он перепил, а я привела его сюда прочистить желудок.

— Т-тогда почему под ним разливается кровь? — с трудом проговорила Кира, проглотив по пути половину букв и слов.

Соня еле слышно цыкнула. Для человека с трясущимися поджилками уж слишком много та болтала.

— Кто ж знал, — начала травить байку Соня, при этом глаз у неё методично подёргивался, — что он, не успев отойти и на шаг, упадёт вниз головой прямиком на своё творение. А там вино, много домашнего вина.

Весь вид Киры кричал, что на эту ложь она не купилась.

— Хочешь проверить? — приветливо улыбнулась Соня. — Я его специально отодвину, чтобы ты могла разглядеть помимо вина ещё и недавно недоеденный им пирожок с изюмом и рисом. В других аспектах вашей национальной кухни я не сильна. Может, ты что узнаешь, заодно меня просветишь.

Светловолосая отрицательно покачала головой, предпочитая не приближаться ни к потенциальной убийце, ни к возможному трупу.

— Многоуважаемый, — Соня обращалась уже к Яну, — не поможете перетащить его в сторону? А то спать на непереваренных продуктах собственной жизнедеятельности негоже. Да и ночью будет холодно спать.

Ян согласно кивнул.

— Подружка, — помахала рукой Соня, привлекая внимание Киры, та непреднамеренно вздрогнула, — надеюсь, ты не против?

— Ни в коем случае.

Подтолкнув парня вперёд, где его ждала не вызывающая никакого доверия неизвестная особа, Кира моментально скрылась из виду. Черноглазка сочувственно на него уставилась, вытянув розовые губки в трубочку.

— Не одиноко ли тебе, солнышко? У вас всё так хорошо начиналось, кто же ожидал такой печальный конец, — посмеявшись в одиночку, Соня, наконец, посмотрела на юношу. Тому явно было не до шуток.

— Что бы ты ни хотела сказать прямо сейчас, я весь внимание. Можешь начать прямо с

того момента, когда решила напасть именно на этого парня. И, желательно, с какой целью, ведь доверять я тебе больше не в силах.

Устало взъерошив волосы, Ян посмотрел на чистое чёрное небо.

— Как бы сильно ты мне не напоминала мою младшую сестру, такое, — показав рукой на безжизненное тело, — сотворить она не в силах.

— Ну, — тянула время девушка, — если вовремя сделать подсечку или применить силу рычага...

— Как и не нужен ей документ, что хранится сейчас у тебя во внутреннем кармане шинели.

Видимо, время игривых споров, и правда, подошло к концу.

Глава 9

Обратный путь прошёл в полной тишине. Из-за отсутствия мыслей или же их беспорядочно роящейся тьмы, никто точно не мог сказать.

— Вот и вернулись мои блудные детишки, — стоя на крылечке в свободных брюках и рубаше, что мелко подрагивали на лёгком ветру, Маркус испускал клубы сизого дыма. Лениво оперевшись о деревянные перила, северянин без промедления затушил папиросу грубыми пальцами и выкинул окурок на землю, с деловитой небрежностью размазав его носком ботинка.

Ян насторожённо приостановился.

— Не знал, что ты куришь.

— А я и не курю. Это, скорее, исключение, — окинув обоих быстрым взглядом с головы до пят, мечник ядовито улыбнулся. По спине наримца неосознанно поползли мурашки. — Уж больно много стресса прибавилось в моей жизни за последнее время.

— Вот и мирись с этим в одиночку, болван. Только меня не впутывай, — прошептала себе под нос порядком разозлённая девушка. Что от одного, что от второго — одни проблемы.

— Ты что-то сказала? — развернулся к ней Маркус, раскрывая двери дома.

— Здравия желаю и долгих лет процветания, — оскалилась та.

Маркус саркастически ухмыльнулся.

— Ну же, заходите внутрь, что как неродные. Или произошло чего?

Девушка исподлобья прожигала взглядом его спину. Этот двухметровый шкаф что-то знал. Знал то, что могло помешать выполнению её задания.

Прошествовав на кухню, минуя коридор и гостиный зал, северянин опечаленно склонил голову над поднесённой в качестве угощения курицей. Сгоревшая до чёрной корочки птица имела весьма неаппетитный вид. Явно проделки неугомонного мечника. Соня аккуратно облокотилась о стол и как ни в чём не бывало села на высокий стул, через плечо посмотрев на спасительную дверь. Так как она была последней вошедшей, то дверь предусмотрительно оставила открытой. Если девушка струсит сейчас, ситуация обернётся не в её пользу, что будет только на руку мечнику.

Ну уж нет, своего мечник так просто не добьётся. Если уж её опустят на дно, то только вместе с ним.

— От неё начал идти подозрительный запах, так что, перестраховавшись, я отправил её на исправительный огонь. Только, жалость, она слегка не выдержала температуры.

Атмосфера, что в начале вечера обещала быть приятной, накалилась за считанные секунды.

— Теперь же погляди на это безобразие, Ян. Тут уже ничем не поможешь, — присвистнул Маркус, едва сдерживая рвущийся наружу восторг. — Снаружи, если снять шкурку, вроде как стало получше, но внутренности, увы, остались те же. Тут есть только два исхода. Либо замочить внутренности, либо выкинуть полностью.

Выдержав короткую паузу, молодой человек перевёл воодушевлённый взгляд на девушку.

— А что бы выбрала ты, юный адепт Ордена Домабаш?

Черноглазка нахмурила лоб, тихо выругавшись про себя.

— Орден Домабаш? Что это? — поинтересовался Ян.

— Повстанческая организация, — весело продолжил мечник. — Так называемый карательный отряд. Для меня так поехавшие головой фанатики. Их целью является организация мелких революционных вспышек по всем континентам. Проще говоря, выискивают личностей, готовых предать страну, промывают мозги этим слабакам и вербуют их. Не смотри на меня такими грозными глазками, Соня. Тебе это должно быть известно гораздо лучше моего.

— Так вот как, значит, мы выглядим в глазах общества. Признаю, мы не всегда приходим в гости с охапкой цветов и вкусно пахнущим пирогом. Приходится и в дерьме искупнуться, но мы хотя бы этого не отрицаем и идём с этой ношей вперёд. Но ты, — девушка жалостливо посмотрела на парня, — ты, дорогой, не лучше нас. В отличие от тебя, у нас есть цель. Ты же без разбора предаёшься кровавым пляскам, стоит перейти известную лишь тебе черту добра и зла. Мальчик, у тебя определёнno проблемы в головушке. И, вообще, как ты можешь рассуждать о вещах, о которых ты ничего не знаешь.

Для юной девушки эти совместно проведённые месяцы были очередным треклятым заданием, милостиво подогнанным заботливым дядюшкой. Он никогда не питал особой любви к нежданно свалившейся ему на голову единственной племяннице, что и стало причиной их не сложившихся отношений. Используя свою власть, дядюшка раз за разом ухитрялся отправлять Соню на край света, лишь бы дольше не видеть её и не слышать новостей об её удачных походах. Зависть разъедала его заживо, вызывала невыносимый зуд и выжигала в груди густую ненависть.

Но кто же знал, что на этот раз дяде всё же придется получить по заслугам. Свалившийся на голову подарок судьбы в вонючем колодце как нельзя вовремя попался девушке на глаза. Это единственное, за что она могла бы поблагодарить Маркуса, но не будет. После преподнесения Ордену интересной вещицы мнение Сони не смогут более игнорировать. А в сочетании с носителем магии Ройза черноглазка обязана была пойти на повышение.

— Всё так хорошо начиналось, даже грустно как-то. Не хотела я вас покидать на столь печальной ноте. Хоть наше действие и затянулось, вынуждена признать, мне даже понравилось. За исключением каштанчика, конечно. Для тебя в аду варится отдельный котелок. Может, заскочу, проведу тебя, как освободится время.

Маркус закатил глаза, улыбаясь от уха до уха.

— Надеюсь, вы успели много всего сделать и не сожалеете о прожитом времени. Не хочу, чтобы потом за мной пришли ваши не упокоенные души. Вы бы знали, какая это морока. Мне же потом тёмного мага призывать и слёзно просить с вами что-нибудь сотворить. А их услуги, между прочим, влетают в крупную сумму.

Маркус искренне посмеялся, принимая слова девушки не более чем за уморительную шутку. И тут же перестал, высвобождая глубоко затаившуюся личность на свободу.

— Я предупреждал тебя, что настанет тот час, когда не сносить тебе головы.

— Лучше молись за скорейший упокой своей тушки, псина без привязи, — напускное нытье сменилось яростным броском. — Моя симпатия к тебе скоро пробьёт дно твоего же будущего гроба. Будешь и дальше выделываться, рискуешь и вовсе не свидеться с семьёй. До отца, возможно, дела тебе нет, но подумай о своей матушке. Она была единственной, кто пытался сохранить шаткое положение семьи. И чем в итоге это закончилось? Чем ты ей за

это отплатил?

Улыбка Сони более не казалось милой. В ней всё больше проскальзывали нотки злости, превосходства и, прежде всего, незнакомой обиды. Не веря своим глазам, Ян смотрел на товарищей, которые на этот раз серьёзно готовы были перегрызть друг другу глотки. Когда всё успело усугубиться настолько, что они более не походили на прежних себя. Были кем-то другими, но не собой.

— Не думаю, что вести о твоей кончине вызовут в ней бурю положительных эмоций. Сможет ли она, вообще, оставаться в здравом рассудке, после того как и так мысленно распрощалась со своим младшеньким, а тут появится некролог с тобой в главной роли? Насколько мне известно, она изо всех сил старается обустроить новое гнездышко в Ассаде с твоим старшим братом и его семьёй. Ты же не хочешь разрушить ростки того, на что у них ушло несколько лет? Или раз уж отрёкся от семьи, то начхать, что с ними, и пусть пропадут они пропадом?

— И много же ты накопила, разыскивая то, за что, увы, поплатишься жизнью, — Маркус схватил со стола первый попавшийся нож и резко бросил его в сторону девушки. Хоть попытка не оказалась успешной, мечник до одури был счастлив такому стечению обстоятельств. Он мог творить всё, что ему вздумается, не беспокоясь о последствиях. — Думаешь, я поведусь на очередной твой дешёвый трюк? Уверен, у тебя припасено ещё немало новостей для меня. Стоит ли доверять всему тому, что ты лепечешь.

Соня оскорблённо ахнула, брови сложились домиком.

— Дорогуша, не строй из себя невинного. Не я одна скрывалась под овечьей шкурой. Кого здесь нагло водят за нос — так только Яна. Не думаю, что у тебя есть право упрекнуть меня во лжи. Ты самолично разрешил мне оставаться с вами под одной крышей, хоть и прекрасно знал, что я не сама добродетель.

Увидев на столе успевшие остыть имбирные печенья хозяина столовой, Соня взяла самый аппетитный кусок и с набитым ртом продолжила бормотать.

— Мы оба нечисты на руку, но сейчас мне стало легче. Отныне моя совесть чиста, так разойдёмся же подобру-поздорову.

Медленно встав из-за стола, Соня достала два изящных стилета, скрытых в голенищах высоких тёмно-коричневых сапог. Рукояти оружия отдавали холодным свечением и изображали ящерицу, ползущую по Древу жизни. Присмотревшись, можно было заметить, что пресмыкающееся наполовину избавилось от старой полупрозрачной кожи, оставляя ту волочиться позади.

Символ надежды для угнетенных.

— И раз уж назрела такая гулянка, то почему бы нам всем не очистить свои имена. Как считаете, о, младший господин благородного рода первых рыцарей Панпуга, Маркус О Де Фоль? — явный вызов читался в глазах донельзя довольной девушки. — Юный наследник, разве вы не должны быть тише воды, ниже травы, дабы и дальше изображать искалеченного в бою человека, навечно прикованного к кровати? Иначе вам, ой, как несладко придётся дома. Должок-то придётся возвращать. Хотя, кому возвращать. Мёртвым деньги не нужны.

Насквозь пропитанные ядом слова с лёгкостью могли прожечь деревянный пол, столь желчны они были. Маркус молча трясся от неистовой злости. Сегодня прольётся чья-то кровь.

— Поговаривают, в твою смену три Мастера внезапно решили наложить на себя руки, либо мистическим образом канули в лету небытия. Ян, как думаешь, что же их навлекло на

такие мысли? — пропела девушка, поглядывая в сторону остолбеневшего наримца. — Видимо, ты решил спрятаться за папочкиным военным камзолом, раз он не первый год прикрывает твою задницу. Слышала, он уже несколько раз вступался за тебя перед собранием военного штаба.

Хладнокровие не было сильным качеством Маркуса. В порыве злости северянин сбил со стола чёрную курицу, которая как тяжелый снаряд полетела в кухонные шкафчики.

Семья О Де Фоль лично следила за тем, чтобы на корню пресекать любые слухи. Люди шептались, но никто не рисковал и слова вымолвить против достопочтенного рода. Но как показывала печальная практика, от особо пытливых личностей не ускользала никакая лазейка. Теперь эти давно минувшие события позорным пятном легли на весь род северных рыцарей.

Маркус впервые за долгое время потерял бдительность, позволив себе расслабиться в присутствии посторонних людей, за что и поплатился позорным раскрытием тайны юношеских лет. С этого момента больше нельзя было слепо полагаться на известную ранее информацию. Настало время вновь поднять защитные барьеры.

— Хотя я и осталась без семьи, но в данной ситуации это даже к лучшему. Глядя на тебя, могу сказать, что моя жизнь — сущие цветочки. Уж лучше вовсе не иметь близких, чем жить со знанием того, что меня породил подонок. Должно быть, сложно носить ненавистную фамилию и в отражении зеркала видеть черты человека, которого и отцом-то назвать стыдно. — Могли ли слова ранить, словно меч? Маркус не знал наверняка, но то, что он переживал сейчас, было довольно близко. — Если жизнь станет невыносима, всегда можешь рассчитывать на мою помощь. Я проявлю к тебе особое снисхождение.

Ян смотрел на спутницу, словно сквозь пелену тумана. Девушка, которая готовила еду на троих, в тайне записывая предпочтения парней в записной книжке. Девушка, которая просыпалась первой и будила их, поливая холодной водой. Девушка, часто скакавшая верхом на коне наперегонки с парнями и никогда не проигрывавшая. Существовала ли она, на самом деле, или это всё было уловкой? А сам Маркус, кто стоял напротив неё. Был ли он настоящим?

Громко рассмеявшись, Ян изо всех сил пытался остановить надвигающуюся истерику. В какую же смехотворную ситуацию он попал. Два взрослых человека готовы перерезать друг другу плотики, в то время как третий запоздало узнал о лжи обоих. И как бы банально это ни звучало, но пришло время выбирать. Выбирать меньшее из двух зол.

Ян тихо вздохнул и начал разминать затекшие шею и плечи. В последний раз бросив на Соню слегка сочувственный взгляд, он принял оборонительную стойку. Наримец должен был напомнить себе, что это не та робкая Соня, кто напоминала ему беззащитную младшую сестру. Не та девушка, которую он с Маркусом повстречал в Знакае. Не та наивная особа, которая, казалось, и перочинного ножика в жизни не держала. Эта девушка готова причинить вред людям, защищавшим и опекавшим её всё это время.

Маркус, почувствовав решительный настрой наримца, взял себя в руки. Когда двое парней были готовы, они с противоположных сторон от стола рывком набросились на девушку, стараясь зажать её в тиски. Перескочив через опасно шатающийся стол, девушка увернулась от двойной атаки, руками впечатываясь в столешницу. Реакция парней не заставила себя ждать, они тут перекрыли собой проход справа и слева. За спиной стояла столешница, впереди — стол. Ян хотел вырубить Соню одним ударом, но стоило юноше замахнуть рукой вперёд, как Соня пронырнула под его правую руку, тем самым столкнув

парней друг с другом. Если бы не мгновенная реакция Маркуса, то на Яне уже бы красовалась резаная рана на весь торс. В последний момент мечник смог изменить траекторию ножа, вдребезги разбив кухонную утварь, висевшую на деревянных крючках. Соня не стала терять времени и кинулась на юношей со стилетом в правой руке, на всякий случай держа второй в левой руке за спиной. Грубо перетянув Яна на себя, О Де Фолз уклонился от удара девушки и пнул её обратно в сторону стола.

— Не лезь! — рявкнул Маркус, загоразивая собой Яна.

Девушка была довольно проворной и легко бы перемахнула через стол на одной руке, направляясь в сторону двери, если бы не одно маленькое «но». Стол был шатким, и его тонкие ножки не смогли вынести повторного прыжка через него. Как результат, он скрипнул под весом Сони, и она вместе с испорченной едой рухнула на пол.

Маркус, не ожидавший такого поворота, по инерции потянулся вперёд за девушкой, туда, где она и должна была пролетать. Воспользовавшись моментом, та со всей силы ударила его локтем в подбородок, после чего приземлилась на пол, и осколки тарелок неприятно врезались ей в кожу. Поморщившись, Соня быстро перекатилась на живот и выставила руки вперёд, пятясь в сторону коридора.

Пока двое запыхавшихся людей пытались всячески друг друга задеть в весьма ограниченном пространстве, Ян старался не вмешиваться в ход поединка. Было очевидно, что, не имея никакой физической подготовки, он только усложнит задачу Маркуса, которому приходилось, с одной стороны, защищать его, а с другой — обороняться самому и нападать на врага. Поэтому он начал делать то, что у него получалось лучше всего — думать. Быстро оглядевшись по сторонам, он заметил деревянную кукушку с металлической цепочкой. Идея пришла в голову сама собой.

— Зал, загони её в зал! — крикнул Ян откуда-то сзади, стараясь не заходить за мысленно прочерченную черту зоны поражения.

— Зачем в зал? Там же пустота, абсолютно ничего, что могло бы пригодиться в её поимке.

— Дорогуши, я всё ещё здесь. Говорить о людях в третьем лице в их же обществе — признак дурного тона.

Однако по движениям Сони было видно, что она так же не была готова к внезапной стычке, как и парни. Чем скорее она уйдёт, тем целее останется. Сражаться с двухметровым буйным убийцей ей ещё не доводилось. Соня медленно начала отступать в противоположном от зала направлении — в сторону холла, и в этот момент раздались три громких стука во входную дверь. Парень с девушкой замерли в оцепенении. Расстояние от пары до входа составляло не более пяти шагов. За дверью были слышны чьи-то громкие перешёптывания, а затем послышался звук поворачивающихся в замочной скважине ключей.

— Дверь открыта, а эти придурки этого ещё не поняли, — тихо заметила Соня.

— Ты не заперла входную дверь? — в ответ разъярённо прошептал Маркус. — Ты хочешь, чтобы нас всех здесь убили?

Черноглазка метнула в него сверлящий взгляд.

— В первую очередь, я пыталась спастись от тебя, придурок. Если бы не окружающая тебя аура смерти, не пришлось бы рисковать всеми нами. Так что, технически это твоя вина.

Все трое замерли в оцепенении, ожидая, когда дверь волшебным образом отворится и выдаст обитателей дома. Их пугало не столько присутствие неизвестных гостей в поздний час, сколько возможность того, что этими люди могли оказаться ещё два с половиной

месяца назад встреченные Охотники.

По очевидным причинам компании путешественников приходилось быстро передвигаться из поселения в поселение, не привлекая к себе внимания местных жителей. Лишние проблемы никому не были нужны, особенно в виде Охотников. Охотники же в народе прослыли блюстителями порядка, которые любили взыскивать долги и очищали деревеньки от «заразных людей» — магов, неблагонадёжных людей, сирот и просто отбросов, кто своими видом, присутствием, образом жизни могли побудить бесчинство, нищету, что ни в каком случае не должно вороваться в здоровое общество.

Но не это пугало троицу. Самым страшным было то, как именно шайки наёмников проворачивали это дело. В стороне не оставался ни один человек, который даже не был связан с должниками. Сопровождаемый стаей чёрных ворон, вечно кружащих над падалью, устрашающий отряд до зубов вооружённых людей, подобно самой смерти, кружил по мелким поселениям, отсекая своим несчастным жертвам головы настолько быстро и гладко, что те не успевали и глазом моргнуть. Это было их главным знаком отличия.

И блестящая троица как раз задолжала этим Охотникам. Отдельное спасибо Соне и её развязному языку, когда она пьяна. И когда не пьяна тоже.

— Напомни, зачем мы, вообще, полезли в то Ванабавлом забытое место? — едко поинтересовалась Соня, пряча в потайном кармане мужского пиджака свои драгоценные стилеты.

— Что, уже не помнишь, как больше всех балагурила за стойкой в кабаке, пытаюсь подбить выпивающих на драку? Всё бы ничего, если бы это не оказались сами Охотники, — изумлённо уставился на неё Маркус, на время устанавливая шаткое перемирие. — Пьянь.

— Заткнись, к нам идут гости. Может, ещё успеем притвориться обыкновенными путешественниками.

Стоило ей закончить предложение, как дверь, наконец, неспешно отворилась. Сначала к внутренней ручке потянулась мертвенно бледная рука, синие вены на которой можно было с легкостью отследить взглядом. Следом за ней с пугающей медлительностью появились длинные сальные волосы, свисающие на длинное худое лицо.

Троица застыла в тревожном ожидании.

— Ян, Маркус? Соня, вы дома? — неуверенно прозвучал юношеский голос. Из-за двери выглянула ещё пара голов.

Стоило мертвецу убрать свои волосы со лба, как его взгляду открылось зрелище, казалось бы, совершенно не предназначенное для его возраста. Дело в том, что картинка в голове подростка, переживающего половое созревание, сложилась совершенно не та, что была в реальности. И его можно было понять.

Тяжело дышащие парень и девушка стояли в непосредственной близости друг от друга. Зрачки расширены, лица раскраснелись. Взъерошенные волосы торчали во все стороны. Мышцы на руках напряжены, вены вздуты. Измятая и местами рваная одежда оголяла натренированные мышцы. На коже уже местами успели проступить синяки, давая огромный полёт фантазии. На заднем плане как вкопанный стоял Ян с непонятно откуда взявшимся мотком верёвки, который в последний момент он неловко спрятал за спиной. Раскиданные вокруг вещи завершали неправильно собранный образ в глазах неопытного парня.

— Э-м-м, я — сын хозяйки столовой. Она попросила передать, что так как вы не местные, то, должно быть, не знаете, но за час до рассвета у нас проходит праздник мёртвых. Хотел предупредить, но, видимо, пришёл немного не вовремя, — неловко хихикнул юноша,

стыдливо опустил глаза в пол. — Но это, конечно, может подождать! Ну, вы продолжайте, я не хотел никого отвлекать. Хорошей вам ночи.

— Нет-нет, вы всё неправильно поняли. Это недоразумение, — на одном дыхании протараторил Маркус. — Это тренировка. У нас была небольшая тренировка, ведь так, Соня?

Северянин выжидательно посмотрел на девушку и слегка хлопнул её по плечу. На пол тотчас посыпались осколки белой керамики, окрашенной в красноватый цвет. Зашипев от боли и чуть не выругавшись при детях, Соня натянула на лицо самую широкую улыбку, какую её израненное тело только могло выдать, и хрипловато прокашлялась.

— Конечно, мы же не можем просто скитаться. Вдруг на нас кто-то нападёт со стороны. Мы должны отразить атаку, а также предвидеть следующие действия противника. Очень полезное умение на поле боя. Так что, ребятки, не пренебрегайте физической подготовкой, иначе будете как Ян — неловко переминаясь с ноги на ногу в углу комнаты и ждать, когда же, наконец, понадобится несчастная верёвка.

Наримец слегка обиделся, но виду не подал.

— Ян, взываю к всевышнему, сделай с собой что-нибудь, — глядя исподлобья, пробормотала девушка, обращаясь к несостоявшемуся «ученику» и повернувшись обратно к группе мальчишек. — Парни, это наглядный пример того, что не следует делать в реальных условиях.

— Госпожа Соня, вы что-то знаете о боях? — ошеломлённо начал парнишка, быстро умолкнув, стоило ему увидеть заживо раздирающий плоть взгляд девушки. Неловко кашлянув в кулак, он продолжил. — Я хотел сказать, много знаете. Не хотите ли выступить с базовыми стойками или простыми выпадами перед нашими односельчанами? Многим в нашей деревне пригодились бы минимальные познания в самообороне. В особенности девушкам.

Соединив ладошки в молящем жесте, подростки умоляюще посмотрели на девушку. Между бровей Сони залегла глубокая складка. По её насторожённом виду можно было определить, что она боролась сама с собой. Девушка никогда не занималась благотворительностью, но неприятные воспоминания из детства, как на зло, всплывали в памяти. Ведь именно тогда не нашлось ни одного человека, кто смог бы дать отпор неизвестным, вломившимся в дом. Настойчивые похлопывания по плечу вывели Соню из краткого оцепенения, которое не скрылось от светло-карих глаз.

— Ты как?

Неожиданное даже для самого мечника подобие беспокойства всё же выкарабкалось наружу. Да, он мог ненавидеть Соню. Он ненавидел её, но даже среди этой ненависти оставалось крохотное местечко для чувства... меркантильности, как убеждал себя мечник. Кто знает, может, живая она принесёт ему больше пользы, чем мёртвая. Если она накопила информацию на него, то наверняка может и на любого другого. И, к сожалению, как показывала практика, убийство не всегда может решить проблемы, а зачастую только их прибавляет. А таких практик у него было как минимум три.

— Лично я считаю, что ты отлично подойдёшь на эту роль. Как показал этот небольшой поединок, ты неплохо натренирована. До меня тебе, конечно, никогда не доползти, но твои внезапные атаки, — Маркус потёр всё ещё саднящий подбородок, — смогли привести в лёгкое недоумение даже меня, что само по себе является в высшей степени чудом.

В ответ на столь нескромное заявление челюсть девушки молчаливо отвисла. Важность собственной персоны молодого человека была на недостижимом для обыкновенных

смертных уровне. Черноглазке было лишь любопытно, когда Маркус столкнется с человеком, чьи опыт и достижения превзойдут его собственные. И как на это отреагирует «королева драмы».

— Так что, поможешь им? У нас много времени в запасе. Уверен, у нас ещё появится возможность потягаться силами.

С откровенным подозрением разглядывая мечника, Соня молчаливо поблагодарила парня за очевидную возможность побега, идею которого тот любезно ей подкинул. По-своему заботливый парень, как бы упорно он это не отрицал, свободно протянул широкую ладонь. Хоть девушка и не понимала, что изменило намерения Маркуса в последний миг, но руку она всё же пожала.

— Должна будешь, — притянул её к себе мечник, и от души похлопал по спине. Девушка сдавленно зашипела, в уме произнося в адрес северянина все знакомые ей ругательства.

Во всяком случае, теперь она понимала, что именно изменило его намерения.

— Мелкий вымогатель, — острые ногти вцепились в грубую кожу руки, — но я в долгу не остаюсь. Для тебя в моей комнате припасено одно предостережение. Следовать ему или игнорировать — дело твоё.

Развернувшись лицом к неловко переминающимся парням, Соня несколько оживилась.

— Так и быть, уговорили, — радостная улыбка осветила лицо девушки. — Дайте мне только вещички прихватить, и я вся ваша.

Быстро проскочив мимо Яна и скрывшись за дверью, Соня появилась у входа через считанные минуты, стискивая в руках плотно набитый рюкзак.

— А зачем вам вещи? Если хотите, мы можем одолжить свои.

— Как говорят, самое дорогое держи при себе. И не беспокойтесь, парни, я сама это потащу, — с хохотом ответил она, увидев широко округлившиеся глаза парней, обеспокоенных внушительным размером рюкзака. — Да и не могу я вам доверять. Такие хиленькие, того гляди рюкзак вас самих утянет к земле.

Юноши стыдливо засмеялись.

— Тогда пойдём?

— Идём, — недолго раздумывая, Соня сделала шаг в сторону двери. Остановившись на пороге, черноглазка повернулась к своим головной боли номер один и номер два и с плохо скрываемой грустью в голосе произнесла: — Скоро встретимся. Просто так вы от меня не избавитесь.

— До встречи. Надеюсь, в следующий раз мы встретимся при более приятных обстоятельствах, — Ян мягко улыбнулся, тайно радуясь изменению ситуации. Соня возмущённо фыркнула, соорудив недовольное личико.

— За собой лучше следите, дорогуши. К тебе это относится в особенности, Ян, — ткнула в него указательным пальцем девушка. — Ну что, парни, в путь?

— В добрый путь, — хором ответили те.

Так двое парней вновь остались одни, преследуемые язвительным образом черноглазой девушки.

Глава 10

— Я понимаю твои опасения насчёт семьи, но такими темпами мы не то что защитить их не сможем, а, вообще, не доберёмся, — перекрикивая снежную бурю, Ян пытался достучаться до непробиваемого Маркуса. — Не жалеешь себя, так взгляни на состояние лошадей. Все на последнем издыхании. Если продолжим в том же духе, рискуем оставшуюся часть пути добираться на своих двоих.

— Осталось совсем немного, — осипшим голосом пробормотал мечник. На большее он был не способен.

— Ты пел ту же песню два дня назад, — закипал Ян. — Я больше не намерен считаться с твоим эгоистичным мнением. Где это видано, чтобы в такой лютый мороз люди без продыху скакали на протяжении нескольких дней?

Наримец продолжал распаляться, припоминая мечнику прошедшую неделю мучений. Несмотря на то, что по календарю давно числилось лето, о тёплой погоде парни могли только мечтать.

Центральную часть Панпуга покрывали многочисленные горы, что преграждали путь холодным потокам воздуха, сохраняя тепло в низинах. Там люди и строили поселения, в дальнейшем развивая инфраструктуру. Но то место, где по приблизительным подсчётам Яна парни сейчас находились, никак нельзя было отнести к благоприятным для застройки местам. Сплошные белоснежные поля, где граница неба и земли давно стёрлась. Куда ни посмотри — ослепительно белые равнины.

Поначалу, непривыкшему к такой красоте Яну это нравилось. Но чем дальше они оставались заложниками вечной зимы, тем сильнее в нём возрастало желание быстрее покинуть этот непрекращающийся лабиринт без стен и окон. По дороге встречались глухие леса, через которые Ян предлагал добраться до Ассаада, но Маркус категорически отрицал подобные идеи. Время было не на их стороне.

Пронизывающий кости холод не отступал. Тёплая одежда, любезно преподнесенная Маркусом, спасала лишь первое время, и длительное пребывание на морозе без возможности основательно согреться начало брать своё. Мышцы стали терять привычную чувствительность, покалывание в пальцах приходило и уходило с завидной периодичностью.

В очередной раз проклиная всё на свете, Ян молча уставился в сутулую спину мечника. Отметив про себя ненормально сторбленную позу, в которой нормальному человеку было бы неудобно находиться в седле, Ян подобрался к Маркусу поближе. Грузное тело полностью наклонилось вперёд, но его обладатель по привычке продолжал сжимать в руках конскую гриву. Слегка сжав ладонь приятеля и не дождавшись никакой реакции, Ян озлобленно посмотрел на потерявшего сознание всадника. Маркус храбрился из последних сил, но моральная и физическая усталость взяли своё.

— Веником тебя дери! Никогда, слышишь, больше никогда не буду верить твоим словам! И что мне теперь прикажешь делать? — злобно проворчал в пустоту Ян. — Отныне ты — мой должник. Душу из тебя вытрясу, но долг ты мне вернёшь! Возместишь и моральный ущерб, и мои переживания за твою несносную персону.

Высказав все свои претензии в адрес плохо справляющегося со своей ролью защитника, Ян выудил дорожную карту из внутреннего кармана плаща Маркуса и направился в сторону

липовой рощи. Судьба им благоволила. На краю этой рощи должен был располагаться домик лесника, где он собирался остановиться на некоторое время. Ровно до выздоровления Маркуса. Натянув поводья лошадей, наримец сделал толчок шенкелями и наклонился вперёд. Спасение было близко.

Карта не обманула. Войдя в лесок, Башазаг обратил внимание на небольшие зарубки на деревьях. Три зарубки по краям леса, чуть в глубине — две и на подходе к дому — одна. Белый туман скрывал двухэтажный узкий деревянный дом с односкатной крышей. Дымоход из стальной трубы, полуобвалившийся под тяжестью снега козырек над входной дверью, решётчатые окна и кресло-качалка на крыльце.

Спрыгнув с лошади, наримец медленно, боясь быть придавленным, спустил северянина с седла. Ввалив тяжёлое тело на спину, Ян медленно поплёлся к двери и толкнул её ногой. На первом этаже места хватило только для небольшой аккуратной кухоньки с круглым столом, несколькими раскладными стульями и облезлым диваном. Большую часть пространства занимала огромная белокаменная печка. В дальнем углу за деревянной перегородкой скрывалась крутая лестница. Скинув Маркуса на диван, Ян пошёл проверять второй этаж.

Небольшой коридор, заставленный низкими шкапами и коробками, вёл к единственной комнате, пространство которой тускло освещало маленькое окно. Односпальная кровать располагалась вдоль окна, вбирая в себя крохи дневного света. На противоположной стене цветными мелками были выведены мелкие цветочки и лесные зверушки.

Взбив тонкую подушку и расстелив одеяло, Ян спустился вниз за отдыхающим Маркусом. Пыхтя и уронив его пару раз по дороге, наримец всё же донес обмякшее тело до кровати и снял с мечника промёрзшую верхнюю одежду. Укутав его так, чтобы тело нагревалось постепенно, Ян спустился вниз затопить печку и разогреть оставшуюся еду.

На дне котомки нашлись неприхотливые к погодным условиям гречиха, полба и другие крупы, которые, однако, невозможно было взрастить в заснеженной пустоши. Наспех сварганив жиденькую кашу, наримец с ложки покормил медленно приходящего в себя мечника. О недавнем обмороке и переохлаждении говорили только непривычно розоватый оттенок золотистой кожи, небольшая температура и несколько отрешённое состояние. Здоровое тело, закалённое годами изматывающих тренировок и купаний в проруби, теперь возвращало долг своему хозяину.

Отключившись на несколько часов, Маркус беспокойно ворочался во сне, упрямо стаскивая с себя тяжёлое одеяло. Предприняв несколько безрезультатных попыток усмирить друга, чтобы самому тоже нормально отдохнуть на самодельной кровати, сооружённой из подвернувшегося под руку тряпья, Ян, наконец, легонько потряс его за плечо. Выныривая из персональной ловушки сознания, Маркус сморгнул пелену с глаз. Незнакомая обстановка не досаждала, но заставляла неосознанно напрячься.

— Где мы? — как бы невзначай поинтересовался мечник, по возможности изображая отстраненный вид. Задание «не обращать на себя пристальное внимание Яна» успешно провалилось, так хотя бы сохранить лицо являлось делом принципа.

— Какие люди! И первым делом, что ты спрашиваешь после театра одного актёра, — это «где мы»? Ты хоть представляешь, как я беспокоился? — вспыхнул наримец, совершенно забыв свои же слова: «Пациенту нужен отдых».

— Так где мы?

— Липовый остров. Мы практически не отошли от выстроенного маршрута. Можешь не

беспокоиться. И да, пожалуйста, Маркус. Не стоило благодарностей. Ведь товарищи для того и нужны, чтобы помогать друг другу, наставлять на путь истинный и в нужные моменты отговаривать от заведомо плохих идей?

Сарказм лился как из рога изобилия. Помимо ожидаемой злости, к которой северянин привык, добавились противоречивые чувства горечи и обиды. Если бы они так долго не находились вместе, ежедневно деля кров и пропитание, то такая маленькая деталь с лёгкостью могла бы ускользнуть от него.

— Ты знаешь, что сильно выручил меня?

— Знаю, и, тем не менее, я бы хотел услышать это от тебя.

Повернув голову в сторону наримца, Маркус жалобно посмотрел на собеседника, взывая к милосердию. Осознав, что на сей раз этот трюк не пройдёт, мечник набрал в лёгкие воздуха и неровно выдохнул:

— Спасибо, Ян. Я искренне благодарен за твою помощь. Просто это до смешного неловко говорить. Мне мало кто помогал. Скорее, наоборот, многие всячески избегали меня, поэтому, когда дело доходит до таких простых слов, как благодарность или прощение, я теряюсь, — неожиданное, даже для самого Маркуса, откровение нашло своего адресата. — Видимо, ничего уже не поделаешь. Придётся довольствоваться тем, что имеется. Даже если это такой неуклюжий в общении человек, как я.

— Маркус, — обратился к нему по имени Ян, — для этого есть я. Чтобы превратить этого неуклюжего человека в воспитанного и высокоморального. Хотя на счёт последнего я всё же переборщил. Тебе это, действительно, не под силу. Здесь вынужден с тобой согласиться.

— Вот сейчас было обидно, — громко расхохотался Маркус, прежде чем начать задыхаться от надсадного кашля. — Твои слова делают больно. Раз уж нам предстоит нелёгкий путь, давай договоримся. Я помогаю тебе с физической подготовкой, а ты заботаешься о моём моральном просвещении. Как ты на это смотришь?

С приятным удивлением посмотрев на полного неуёмного энтузиазма Маркуса, Ян коротко улыбнулся и согласно кивнул. За окном давно стемнело, а внутри разливалось тепло домашнего очага.

* * *

Раннее утро следующего дня встретило парней неизменным однотонным небом, разве что это был грифельно-серый, а не белый цвет. Даже и то солнце решило покинуть их. Данная картинка изрядно раздражала путешественников, но предварительные расчёты о скором достижении пункта назначения не могли не радовать. Маркусу, поистине атлетически сложенному человеку, хватило сомнительной кормёжки и нескольких часов сна в тёплой кровати, чтобы в достаточной мере восполнить утерянную энергию для возобновления поисковой экспедиции.

Однако, хоть мечник не произносил этого слух, отголоски беспокойной ночи залегли тёмными кругами вокруг глаз и надоедливой усталостью, как бы он ни пытался это скрыть. Это не обязательно было произносить вслух. Ян понимал и без слов. Пытаясь придумать достаточно правдоподобную причину для продления отдыха, наримец вспомнил давно воспроизводимые в памяти справочники. Будучи человеком, падким на чудеса природы, он лично хотел убедиться в правдивости книг по редким плодам и отложил выезд ещё на пару часов. И под аккомпанемент пения редких птиц и хруст снега под ногами отправился на

поиски сокровища.

«Яблоки — призраки». Так в народе прозвали редкое явление — свойство живой материи проскальзывать сквозь физическую оболочку в виде плода яблони и оставлять после себя прекрасный сосуд для восстанавливающих эликсиров, а затем в короткие сроки точно распространяться по всему телу, отдавая предпочтение наиболее повреждённым участкам.

Такие живые сосуды не пользовались особой популярностью, потому что по своей природе не могли долго сохранять волшебные свойства, будучи оторванными от дерева — хранителя. Также дело осложнялось тем, что зоны произрастания чудо-фрукта находились в пределах обособленных участков леса на территориях с коротким тёплым и долгим холодным периодами, а под это описание подходили исключительно запустелые долины Панпуга. В иных, комфортных для растительности условиях, хрупким деревьям-хранителям конкуренцию составляли более мощные деревья, которые мгновенно вытесняли хранителей и медленно высасывали из них питательные соки.

Воспользовавшись возможностью воочию увидеть и испытать чудодейственные свойства этих редких даров природы, Ян радостно топал в центр Липового острова. Найти дерево с призрачными плодами оказалось делом нетрудным. Как ни странно, оно всегда оказывалось в середине рощи, боясь остаться с краю и быть выброшенным сородичами. Взглянув на яблоки ближе, Ян понял, почему их называют призрачными. Как и было сказано в книге, внутренняя часть плода отсутствовала, он напоминал фрукт только своей формой. Наружный слой состоял из льдистой толстой корочки, сквозь которую можно было увидеть окружающий мир.

Отверстия для зелья не наблюдалось, ибо плод должен был впитывать магическую жидкость сквозь прозрачную кожуру. Достав из мантии два пузырька восстанавливающих эликсиров, купленных в Древногоре, Ян с выражением сомнения на лице начал медленно поливать яблоко-призрак и наблюдать за процессом впитывания. Поначалу юноша не заметил никаких изменений и решил проверить снег на наличие капель янтарной жидкости, но стоило ему отвлечься от плода, как яблоко начало заметно тяжелесть в руках, приобретая тот же янтарный цвет. И вот через пару минут в руках у юного исследователя красовалось настоящее золотое яблоко из сказок.

— Удивительно, — ошеломлённо прошептал Ян, не веря своим глазам. Рассматривая вполне обычно выглядящее яблоко с разных сторон, наримец восторженно улыбнулся и слегка потряс им перед лицом. Хоть плод и выглядел настоящим, ощущение сосуда, наполненного жидкостью, не пропало. — Покажу Маркусу. Нет, лучше приведу сюда и покажу, иначе точно подумает, что я сошёл с ума. Хочу увидеть его лицо. Для него даже эффект от обыкновенных растений уже невообразимая магия, а что он скажет о реальном чуде?

Выйдя по протоптанной им самим тропинке к домику лесника, Ян наткнулся на незамеченные ранее следы двух пар ботинок. Ускорив шаг, он быстро дошёл до места ночлега. В пяти метрах от дома к деревьям были привязаны две верховые лошади, тогда как их с Маркусом лошади отдыхали около крыльца дома. Веских причин для паники не было, но гробовая тишина во всём доме без единого признака жизни леденила душу. Тёмные мысли закрались в голову, инстинкты отчаянно били тревогу.

— Маркус, — позвал он неуверенным голосом. Ян прекрасно осознавал, что в таких ситуациях нужно быть максимально осторожным, не выдавать своего присутствия неприятелю, но растущее беспокойство перевешивало чувство самосохранения. Ян

осознавал, что не лучшее физическое состояние Маркуса было отчасти и его виной тоже. И сейчас, когда мечник как никогда нуждался в заботе, он оставил его одного.

«Чёртово напускное хвастовство Маркуса, — в который раз отчитывал себя Ян. — Знал, что уйти было не лучшей идеей. К чёрту все чудеса мира, если человека, для которого они предназначались, не будет в живых!»

Сверху послышался истошный, ни к кому не обращённый крик, и Ян помчался по лестнице, перескакивая сразу через три ступеньки.

Тело оцепенело. Мысли пугались. Ноги стали ватными. Простояв долгую мучительную минуту, Ян, будучи безоружным, словно в тумане побрёл вперёд. Маленький перочинных нож для срезания трав и диких цветов не мог называться оборонительным оружием. Из-за приоткрытой двери в комнатку, где он утром оставил мечника с огромной стеклянной банкой травяного чая, которым несло за версту, доносился приторный металлический запах. Ян, неуверенно схватившись за ручку двери и прислушиваясь к звукам внутри спальни, заставил себя шагнуть внутрь.

Посреди комнаты стояла крупная фигура, закутанная в грубое покрывало. Справа, в складках покрывала, виднелся кончик острого меча, извилистую гравировку которого Ян узнал бы из тысячи. Волна облегчения прокатилась по телу, расслабляя напряжённые нервы. Ян шагнул было в сторону мечника, как острая дрожь пробежала по телу, предупреждая о возможной опасности.

— Маркус, — опасно произнёс наримец.

Высокая фигура лениво обернулась вполоборота, растворяясь в полумраке комнаты. Вспышка молнии на мгновение озарила комнату пронизывающим светом, обнажая картину — жуткую для Яна, и закономерную — для Маркуса. Холодная сталь меча в руках северянина была залита кровью. Воздух в комнате все ещё хранил бессмысленные хрипы обидчиков, ставшие для них последними. Стеклянный взгляд карамельных глаз, прежде смотрящий на Яна с заботой и нежностью, хранил в себе тепла не больше, чем на вершине вечных ледников.

Мир Яна содрогнулся, сузился до размеров малой комнаты, не в силах больше ничего воспринимать.

— Ты должен был подойти позже, — еле слышно произнёс мечник, словно потеряв связь с реальным миром и пребывая в недостижимом для Яна месте.

Ян не раз замечал за Маркусом странное поведение, но северянин быстро приходил в себя, продолжая раздражать его глупыми шутками и повышенным вниманием. С уходом Сони в нём как будто что-то щёлкнуло, приведя в движение заржавевший механизм. Кратковременные выпадения из реальности стали привычным делом, хоть Маркус это яро отрицал. Ян не давил, тихо наблюдал со стороны, оказывая необходимую поддержку. Время шло, надежда угасала, недосказанность давила невидимым грузом. Связь истончалась.

Переждав бурю, Ян отважился на повторную попытку достучаться до Маркуса, но с каждым разом идти навстречу становилось труднее. Неустанно задаваться вопросами: «Доверяет ли мне человек достаточно, чтобы поделиться мучающими его заботами, разделить их на двоих; раскроет ли постыдные моменты, о которых хотел бы не вспоминать; снимет ли маску, позволив взглянуть на себя настоящего?» — становилось невыносимо.

— Стой, — резкий голос резанул по сердцу. — Не подходи.

Видимо, ответ будет — «Нет».

Маркус небрежно выпустил из рук окровавленный меч, расправляя полы покрывала на

всю длину своих рук. Таким образом он старался максимально скрыть неприглядный вид за своей спиной, позабыв, что этот неприглядный вид цепкими руками хватался за жизнь, как за ускользающую соломинку. Хватался за то же покрывало, пачкая пыльные одежды багряным цветом зарева.

— Не смотри. Грязно.

В немой борьбе с самим собой Ян скользнул по лицам навечно умолкших. Это было впервые на памяти юноши, когда он видел мёртвые тела так чётко. Так близко. Но страшнее трупов был факт, что их убийца находился в этой же комнате. Это был человек, которого он знал, но с которым не был знаком.

— Маркус, — Ян не мог отвести взгляда от побелевших кончиков пальцев незнакомцев, которым не суждено было больше увидеть бледные рассветы Панпуга, как бы сильно они этого ни хотели, — приди я позже, исход был бы другим?

— Для них — нет. Для тебя — да.

Сердце тяжело ударило в грудь.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты бы не увидел мерзости, кишашей в этом насквозь прогнившем мире.

Сегодня впервые их миры столкнулись. Ведь смерть всегда будет дышать в спину Мечника.

— Не хочу втягивать тебя в мир, в котором существую я. Ты слишком добр и наивен для этого.

— Не слишком ли много ты на себя берёшь? — осмелев, Ян поднял глаза, полные едва сдерживаемого гнева. — Кто дал тебе право определять, по какому пути я должен следовать? Откуда ты знаешь, что верно для меня, а что нет? Этот необоснованный бред живёт в лишь твоём искажённом сознании, Маркус.

Северянин долгое время стоял неподвижно, не зная, что ответить на оправданное замечание Яна, хоть неосторожно брошенные слова и были сказаны сгоряча. Умом мечник понимал, что наримец прав, но желание отгородить ставшего не чужим для него человека от угроз ослепляло разум.

— Мы обязательно обсудим это, когда представится время и место получше. Тем более, ты же не будешь проводить допрос любимого приятеля, когда он находится в таком состоянии, правда? — тень смутной улыбки пробежала по уставшему лицу мечника.

Сейчас был не лучший момент для разговора по душам, когда свершённые ошибки трупами валялись под ногами.

— Маркус, ты когда-нибудь доверял мне? Хоть немного. Был уверен, что можешь положиться на меня? Ты вечно что-то утаиваешь, не договариваешь. От кого, по-твоему, я должен был узнать о положении в твоей семье? О том, что ты в бегах уже несколько лет и, вообще, не хотел возвращаться домой. Почему я должен был узнать это при таких абсурдных обстоятельствах? Вы оба обманывали меня.

События недельной давности всплыли в голове. Ян старался не поднимать данную тему, так как по поведению Маркуса было видно, что он не был в настроении с кем-либо её обсуждать. Но сейчас, когда долгому терпению пришёл конец, и слова сами собой вылетали из уст, юноша почувствовал облегчение.

— Разве мы не друзья? Ты сам это говорил, — взывал к его разуму Ян, как вдруг болезненная вспышка озарила сознание. Невесело усмехнувшись, Ян взялся за голову, слегка пошатнувшись. — Верно, ты этого не говорил. К чему тогда я, вообще, распинаясь перед

человеком, который неизвестно, будет ли дальше продолжать со мной путь. Тебе самому есть, что сказать?

Мечник не откликнулся, неподвижно стоя на одном месте на недоступном для Яна расстоянии. Не предпринимал никаких попыток разрядить быстро накаляющуюся обстановку. Маркус был готов проститься с Яном, но не подозревал, что причиной расставания станет не безразличие Маркуса, а его трепетная забота о наримце.

Если О Де Фоль желал уберечь Яна от таких опасных столкновений, то должен убрать саму причину — себя.

— Отлично. Я буду с тобой ровно до того момента, пока тебе окончательно не станет лучше. В кои-то веки с меня всё и началось. Мной и закончится. Если к тому времени тебе всё так же нечего будет мне сказать, мы вынуждены будем пойти разными путями, — на смену гневу пришло холодное спокойствие. Если худшее должно было свершиться, то оно уже произошло. — Я не умею читать мысли, Маркус, но и у меня есть глаза. Мне не нужно быть ясновидцем, чтобы увидеть, что с тобой не всё в порядке. Вне зависимости, услышал я это от Сони или нет.

— Спасибо за помощь, — прошептал Маркус с глубокой печалью. — Дальше в Ассаад я направлюсь самостоятельно.

— Это ты сделал выбор, не вини меня в будущем, — бросил Ян, прежде чем окончательно скрыться из вида мечника.

* * *

Хоть Ян и бросил гневные слова Маркусу напоследок в Липовом острове, судьба распорядилась иначе. Путешествие в одиночку закончилось, так и не начавшись.

Не стесняясь в выражениях, Ян более точно начал выказывать своё недовольство, выкрикивая неприличные слова, накопленные за последние пару дней. Кто бы ни был заказчиком, Ян уже всем сердцем его ненавидел. Пока его вещички нежились на остывающей кровати одной деревеньки, названия которой он уже не помнил, Ян наслаждался красотами Панпуга с высоты тридцати метров над уровнем озера, будучи привязанным к свисающему над этим самым озером дереву.

Великолепно.

Вломившись ночью к человеку, нашедшему, наконец, пристанище и кровать после недельного путешествия в одиночку, без нормального отдыха, сна и еды, эти крети... крайне невежливые люди вырубали несчастного наримца, находившегося в сонном состоянии, после чего, связав и подвесив на дереве, бросили одного. Не оставив при этом на нём ни царапинки.

— Это что, новый вид издевательств или люди в Панпуге настолько сумасшедшие, что одной смертельной охоты им не хватает, так что и издевательств обыкновенных не ждите? Будь прокляты все северяне... Будьте вы прокляты!

Спустя недолгое перечисление нелестных высказываний в сторону похитителей, что иссякли после трёх слов, Ян с особой любовью вспомнил одного «обожаемого» северянина, что умудрился разозлить его больше, чем похитители, лишившие его хорошего сна. А это было преступлением.

Ещё в далеком Знакае Маркус прилип к нему как банный лист, а, не желая расставаться ни при каких обстоятельствах, и после, казалось бы, возникших всплеск понимания, покинул, пренебрегая чувствами Яна. И не только это раздражало наримца, нет. Последней

капель стало то, что этот самый представитель Панпуга не смог в достаточной мере довериться ему, хотя сам не раз не раздумывая подставлялся вместо Яна. Разве это было разумно? Логично? Защищать и оберегать только ради того, чтобы отпустить?

Ян чувствовал себя странно обманутым.

— Маркус, ты!..

Ян злостно взревел, вскипая пуще прежнего. Вынужденное путешествие в Панпуг, что, наивно, когда-то будоражило Яна, явно проверяло его на стойкость. Сначала он на свою голову «приютил» Маркуса с Соней, добравшись до Зильбера получил наставления отправиться уже в Пантон, по той же причине его «особенности», расстался с Соней, а потом и с Маркусом. Причём в обоих случаях Ян страдал больше, чем те люди, которые покинули его. А тут ещё вишенка на торте — похищение.

Панпуг не прощал слабости своим, чужим — подавно.

— Я... что?..

Голова опустела. Ян ошарашено посмотрел в сторону нетвёрдого голоса. Маркус, полулежащий на дереве, левой рукой вцепился в наримца, а правой — медленно разрезал плетёную верёвку.

— А ты здесь что делаешь? — спросил Ян.

— Да так, тоже решил полюбоваться этим прекрасным видом, как вдруг тебя увидел. Подумал, дай — ка поздороваюсь! — Ян раздражённо закатил глаза, фыркнув так, чтобы «любитель» пейзажей это услышал. Мечник тихо улыбнулся, соскучившись по такому Яну. Недовольному, озлобленному и живому. — Держись крепче.

Натяжение верёвки на животе ослабло, и Башазаг на миг представил, как падает вниз, но мёртвая хватка крепких рук рывком потянула его вверх, ногами ставя на твёрдую землю. Почувствовав в них дрожь, Ян рухнул наземь, руками цепляясь за сухую траву. Сердце отбивало бешеный ритм в ушах.

— Нелегко тебе, наверное, было... найти такой шикарный вид. Мне бы и в голову не пришло принимать такую неудобную позу, чтобы полюбоваться пейзажем. Полагаю, на сегодня с любованием природой покончено? — О Де Фоль неловко почесал затылок, коротко посмеявшись.

Ян исподлобья зыркнул на мечника, готовый в любую секунду кинуться на него и вырвать все его длинные патлы.

— Ты просто невыносим!

Обратный путь не особо обрадовал наримца. За несколько километров до деревни над ними прошёлся ливень и очень не вовремя разрушил все дороги. Обувь так и норовила застрять в топкой жиже, от чего всё сложнее становилось взбираться к деревне. Одежда промокла, отчего путь сопровождался частыми чихами хилого наездника. А позади тихо плёлся мечник, лишним вздохом стараясь не раздражать взбешенного наримца, не отошедшего от неприятной ситуации.

Ян злился. Ян сильно злился. Но как бы Ян ни был зол на северянина, в глубине души он был счастлив внезапному появлению Маркуса. Если бы не он, Ян висел бы над забытым озерцом. Юноша крайне сомневался, что какой-нибудь охотник героически спас бы невесть зачем привязанного там парня. Скорее уж наоборот, посмеялся бы и пошёл дальше.

От этого настроение Башазага становилось только сквернее, а постоянное шмыганье

носом и вовсе выводило его из себя. В затянутом облаками небе сверкнула первая молния, после чего раскатился рокошущий гром. Крупная капля упала на кончик красного носа. Ян готов был расплакаться или начать безумно кричать.

До острого слуха Маркуса долетали мелкие ругательства, что осадком вины оседали глубоко в его сознании. Маркус вновь встретился с Яном, предварительно подготовившись к разговору, что так долго оттягивал.

Глубоко вздохнув, он набрался смелости и ускорил темп, впервые за долгое время гордо расправляя сутулые плечи и сбрасывая невидимый груз вины. Раз уж Ян ещё не вышвырнул его взащей, значит, не всё потеряно. Поравнявшись с Яном, Маркус неловко прокашлялся, пытаясь собраться с мыслями. Слова никак не находились, язык словно распух и онемел в одночасье. Напускная смелость испарилась, стоило Яну остановиться, выжидаяще посмотрев на рыцаря.

Тишина затянулась. Наконец-то, решившись посмотреть на наримца, северянин застыл в оцепенении. Всё происходило так быстро, что Маркус на секунду забыл, что должен был к этому времени уже трижды извиниться. На него смотрела пара ярко горящих льдинистосиних глаз. Можно было отчётливо видеть, как зрачок расширялся, обволакивая весь глаз в тёмные оттенки. Некогда ровный чёрный кружок утратил прежние чёткие границы, и графитовые язычки втянули в себя синеватые лучики. Тёплые оттенки загорающегося солнца пришли на смену глубокому чёрному цвету.

Угольки глаз разгорались, подобно раскалённой добела лаве, готовые вот-вот вырваться за пределы тесных камер. Глаза наримца таили в себе больше загадок, чем здешние заклинатели могли себе представить. Адамантовый взор пригвоздил мечника.

— Так что, найдутся ли у почтенного мистера Маркуса О Де Фоля слова в свою защиту? — свирепо прорычал в сторону друга Ян, переходя в наступление.

— Так ты, на самом деле, маг? — запоздало отреагировал рыцарь, облегчённо выдыхая. Не ему одному придётся давать объяснения.

— И это твои первые слова после расставания?

В ответ Маркус лишь сверкнул в ухмылке белыми зубами. Ночь обещала быть долгой.

* * *

— Признаю, сглупил.

— Сглупил? Полное сокрытие личности, недоверие и решение бросить меня при первой же возможности ты называешь глупостью?

Ночь за окном холодным ветром гнала с улиц последних гуляк. Ян скинул с себя впитавшую вечерний дождь мантию, снял промокшую обувь. Маркус подкинул дров в остывший камин, поставил завариваться травяной чай.

— Хорошо, я совершил ошибку. Непозволительную. Скрыл от тебя, кем являюсь. Это не из-за того, что боялся твоей реакции на мои баснословные богатства. Их даже нам вдвоём за всю жизнь не растратить. Ты же не ограбишь меня после этих слов, правда? — Ян безразлично смотрел на собеседника. План «развеселить наримца» провалился. Видимо, придётся говорить начистоту. — Понимаешь, людям свойственно скрывать то, чего они сторонятся, или что ненавидят. Я не строю из себя великомученика, но я никогда не гордился своим именем.

Прожигая в сердце свою фамилию, рыцарь наблюдал за тем, как деревянные бруски медленно охватывал огонь.

— Раз твоя семья идеальная, это не означает, что и остальные должны быть таковыми.

— Она никогда не была идеальной, — перебил его Ян. Наримец готов был выслушать северянина, но не тогда, когда тот высказывал ошибочные суждения. Если не исправить это сейчас, то потом может быть поздно. — Ничто не идеально. Вопрос в том, как ты к этому относишься, как ты с этим справляешься.

Мечник криво ухмыльнулся.

— Счастливыми глазами не узишь реальности, на которую позорно даже взглянуть. Я рад, что у тебя в жизни всё сложилось, но не надо везде приплетать своё правое мнение, если, кроме белых простыней и физической работенки ничего не видел. В состоянии ли ты понять, что чувствую я или сотни таких же детей, чьи родители дали присягу служить во имя Светлости? Нет.

Яну было обидно.

Да, возможно, его жизнь не была испытанием, но и раем её не назовешь. И он по-своему выживал на предоставленной ему территории — на юго-западе Пансо, в Нариме, где слухи разлетались быстрее звука. В городишке, где высокими амбициями никого не удивить, но мало кто делал хоть шаг в нужном направлении. Место, где чувствуешь потолок возможностей и тихо довольствуешься малым.

Яну было, что возразить, но, придя к подобным умозаключениям, он смиренно хранил молчание. Наримец понимал, что и Маркус отчасти был прав. Он никогда не побывает в шкуре северянина. Не узнает, через что проходят рыцари севера. Не ощутит веса данных Светлостью «привилегий».

Яну было обидно, но он всё ещё желал понять своего друга. Даже если тот считал иначе.

— Великий господин Радигощ О Де Фоль. Только посмотрите на него, какой статный мужчина. Гроза и гордость прибрежных рыцарей северного континента! — начал в нарочито восторженном тоне Маркус. — Военная выправка, выверенные взмахи меча. Точные удары, рассекающие каплю воды точно пополам. Видел бы ты его шествие по центральной площади Комешэха. Подумал бы, что он точно спустившийся с небес бог войны, снизошедший до обыкновенных смертных. Святой Кхайе, как же это смешно.

Уставившись невидящим взглядом на догорающие угольки, Маркус погрузился в свои мысли, вспоминая совсем не радужное детство.

— Дом, который должен быть местом, где все члены семьи могут почувствовать себя раскованно и быть самими собой, и где непременно окажут неоценимую поддержку, было хуже всех видов пыток, которые я только испытал.

Звон железных цепей набатным стоном завывал в ушах Маркуса. Ногу обжигали невидимые стальные пальцы пленников. Северянин скривил лицо, не желая более вспоминать тот жуткий дом.

— Отец часто приводил домой «невыполненную работу». Домашнее задание, как любили выражаться хваленые советнички. И тогда в нашем доме по ночам можно было услышать сдавленный скулёж, доносившийся с подземных этажей и непременно сопровождавшийся хлёсткими ударами прутьев. Клянусь, кровь буквально застывала в жилах, и единственной мыслью в голове было: «Боже, как бы не оказаться на месте этих отступников». Зная отца, я понимал, что это всегда могло стать реальностью.

Мощное тело содрогалась от букета эмоций. Гнев, непонимание, страх, одержимость, неопределённость.

— День за днём повторялось одно и то же. Верные псы отца задерживали человека,

выжимали из него все соки, пока бедолага сам не сознавался в том, чего не совершал. Дальше рыцари при полном параде отправлялись в Комешэх докладывать правителю Панпуга о доблестных свершениях, — обернувшись к Яну, Маркус смотрел сквозь него безумным невидящим взглядом. — И знаешь, что самое забавное? Меня просили понять их и простить. Говорили, что это всё издержки работы. Издержки работы, спятившие старики.

Плечи опустились, словно невидимая ноша с небывалой тяжестью давила на Маркуса, прижимая его к земле и не давая сил подняться. Кулаки его сжались так, что костяшки пальцев побелели, до предела натягивая кожу с мелкими порезами.

— Как-то ночью я хотел отрезать себе уши, лишь бы вновь не услышать эти мольбы, крики и протяжный истерический хохот, — стеклянные глаза северянина безумно поблёскивали в ночной темноте. — Что, думаешь, я тоже сумасшедший? Я тоже так думал. Продолжаю думать. После такого перестаёшь верить, что хоть кто-то способен сохранять здравомыслие. Точно не в нашей семье.

Маркус, как и Соня, на себе познал, каково это с ранних лет расти в одиночестве и страхе за свою жизнь. С опаской размышлял, наступит ли момент спокойствия, когда перестанут всюду мерещиться живые трупы.

И каждый раз, как в последний, в тёмных уголках дома маленький мальчик надеялся, что его заберут и спасут. Что с ним поделаются каплей сочувствия, теплоты и понимания. Надеялся, что найдётся однажды человек, кто вызволит его из этих незримых оков и подарит ему свободу.

Но годы шли. Список сомнительных деяний возрастал, забирая с собой иллюзию возврата к чистому началу. Маркус собственными силами пытался держаться за связующие нити души, готовые в любой момент разорваться под натиском сильных ветров перемен. Иногда выходило, иногда не очень.

— Мать, старший брат, — с трудом выныривая из собственного сознания, мечник медленно возвращался к реальности. — Я не мог подвергнуть их опасности, понимаешь? Что бы отец сделал с ними, если бы я отказался от его пути? В итоге, я подчинился и пошёл по стопам отца, став рыцарем. Я сделал это не с целью убивать людей, но хотел спасти их от таких монстров, как мой отец.

Сплетя пальцы в замок, Маркус жадно вглядывался в сизый дымок от камина, наклоняясь к нему ближе и ближе.

— Радигощ стал моим началом и станет моим концом. Он — моя проблема, задача и решение. Я хотел понять, как он мыслит, какие вещи крутятся в его голове, чем он руководствуется. Сначала я выбирал Мастеров из его окружения, чтобы понять, как они поведут себя в той или иной ситуации, узнать, осталось ли в них что-то человеческое. Я сменил трёх Мастеров, прежде чем понял, что этими людьми... нет, этими нелюдями, правит лишь одно — желание власти. Кем бы они ни были, чего бы они ни добились, им этого было мало. Они всё больше утопали в гнусном круговороте крови, лжи и обладания. Я больше не мог это выносить, а кровь так въелась в жёсткую кожу рук, что уже никак не хотела смываться.

Маркус уставился на раскрытые ладони, мелко подрагивавшие на весу.

— И представляешь, — слегка успокоившись, он перевел насмешливый взгляд на Яна, — скитаясь по континентам, я наткнулся на невзрачного мальчишку, напоминавшего меня в юности. Такого решительного, лёгкого на подъём и готового совершать героические поступки, хоть это и смотрелось со стороны весьма глупо. Ты буквально вдохнул в меня

жизнь. Напомнил, как бы наивно или по-детски это не звучало, что жизнь — это плод твоих стараний. Это страстные желания, мечты, о которых ты боишься лишней раз сказать не тому человеку. Это нескончаемые падения всё глубже и глубже, пока, наконец, не взлетаешь ввысь. Это также и бесценный опыт, проработка навыков и миллион вещей, которые делают нашу жизнь уникальной и неповторимой.

Ян, с подозрением прищурившись, посмотрел на мечника, проверяя правдивость его слов. Теплота карамельных глаз была ему ответом. Наримец смущённо улыбнулся, пряча вырывающиеся смешки в кулак.

— И я благодарен тебе за это. Я благодарю жизнь за то, что она позволила мне познакомиться с таким волшебным человеком, как ты. Полагаю, волшебным в прямом и переносном смысле, — неловко встав на правое колено и смахнув несуществующую пыль с одежд, мечник прочистил горло. — Это клеймо на всей моей жизни — родиться в семье рыцарей, из-за этого я всегда презирал и ненавидел себя. До недавнего момента. Сейчас я даже рад этому, ибо надеюсь, что в этом качестве смогу сделать что-то стоящее, ценное и поистине значимое.

Голубые глаза напротив сияли твёрдостью характера и лёгкостью души, к которой этот рыцарь так долго стремился.

— Не уверен, достоин ли я сейчас находиться рядом с тобой, но позволь мне и дальше сопровождать тебя в твоих начинаниях. Всех, — глубоко вздохнув и поднеся правую руку к сердцу, Маркус уверенно посмотрел на мага. — Ян Башазаг, удостоите ли вы меня чести стать моим Мастером на рыцарском поприще? Последним по счёту и первым по искренности.

Часть III Глава 11

— Точно, забыл сказать. Надо узаконить наши новые отношения. Я не могу защищать тебя на своё усмотрение, если у меня не будет на то законного права. Да и моя семья будет беспокоиться, что я увязался за сомнительной личностью, что держит меня при себе ради выгоды. Уже были случаи, когда меня оставляли ни с чем, прилично разорив. С тех пор утекло много воды и хладных трупов в реке Теянмуль.

Ян натянуто улыбнулся, неудачно попытавшись сымитировать беззаботный смех. Каламбур мечника мог бы сработать на нём, не будь это правдой. Временами Ян забывал, с каким человеком он решил разделить своё будущее.

Или же предпочитал не вспоминать.

— В любом случае, сделанное мной предложение не считается вступившим в силу, пока одна из сторон, как правило, предлагающая, не свяжет себя и избранного узами...

— Маркус, — поспешно перебил его Ян, наконец, придя в себя и нервно осматриваясь по сторонам, — я привык к твоей манере речи, но не окружающие. Хватит травмировать психику людей.

— Какое мне дело до того, что о нас думают? Я вроде как к тебе обращаюсь, а не к ним. Дела мне нет до их предрассудков или грязных мыслей. Они напридумывают, пусть сами и страдают, — раздражённо цокнул Маркус, отпугивая от себя рядом идущих людей. — Пока просящая сторона не сможет заверить законность предложения нотариально. Нам понадобится кто-то из старших. Твои предки не в курсе, так что поручителем выступят мои родственники.

— У тебя не возникнет проблем с раскрытием личности? По слухам, ты несколько лет находишься под опекой отца в Комешэхе.

— Не беспокойся. Пока мы были в Зильбере, я распустил слух, что целители излечили все мои физические и духовные раны, — заунывно выдохнул северянин. — Хоть с этим рука об руку идут и проблемы. Как Соня и сказала, один раз отказаться от пути рыцаря и поставить под удар Мастера — немислимый позор для семьи. Я же успешно провернул это три раза. В своих кругах меня даже ласково прозвали «прокажённным».

Когда парни приблизились к оживлённому причалу, давно начало вечереть. Уже ставшие привычными белые холмы давно сменились грязью и жухлой травой. Водная гладь приняла облик оранжево-жёлтого неба, успокаивая уставших путешественников. Птичий клин пронёсся над головами людей, унося тревожные крики птиц на юго-восток.

— Маркус, расскажи мне о своей семье, — забравшись в узкую лодку, двое парней поплыли в сторону зелёного острова. — Мне надо будет как-то им представиться. Есть ли темы разговоров, которые следует избегать или, наоборот, затронуть.

— Действительно хороший вопрос. Ну, увидим — разберёмся.

Сначала рыцарь был задумчив, потом он ободряюще кивнул своему спутнику и, расчехлив меч, начал его полировать.

— Мне не нравится такое начало.

— Я сам не знаю. Мы с тобой в одной лодке. В прямом и переносном смысле. Я в последнее время хорош, неправда ли? — поиграв бровями, мечник пару раз ткнул Яна локтем в плечо для пущей убедительности. — Если серьёзно, я не видел их... около четырёх

лет. И не надо на меня так смотреть. Я писал им. По возможности. Когда было настроение.

Ян в ужасе раскрыл рот. Семья для Башазаг всегда была на первом месте, вне зависимости от того, где они пребывали и как долго отсутствовали.

— Хорошо, во всяком случае, они знают, что я не умер ещё в самом начале бродячей жизни. Семь месяцев назад отправил весточку из очаровательного местечка на северо-востоке Паннама. За вечер пропил половину вылазки в Бакком, а девушки там... Смуглая кожа, походка от бедра, манящие взгляды. Одну звали Маргаритой. Пышные волосы, сладкие губы, и какая соблазнительная...

— Семья, Маркус, — щёлкнул пальцами Ян. — Теряем нить разговора.

— Как всегда обрываешь на самом интересном, — состроил недовольную гримасу северянин. — Я даже не уверен, ждут ли они моего возвращения, или моя отрубленная голова на острие копья после успешного исчезновения будет уместнее.

— Меня ожидает прекрасная первая встреча, — заключил наримец. Мечник, извиняясь, улыбнулся.

— После смерти предыдущего Мастера, я так и не явился на поминки. Та сторона жутко негодовала. Обещал разразиться жуткий скандал, но, видимо, наша сторона неплохо постаралась. Их племянник-оболтус был последним мерзавцем, так что, даже его смерть принесла им немало проблем. Страсть к азартным играм и редкостное невезение привели к таким огромным долгам, которые даже в следующей жизни они не смогли бы выплатить целиком.

Ян тихо радовался, что ему это не грозило. По простой причине отсутствия денег.

— Будь на то их воля, они бы с удовольствием достали его с того света и заставили лично решать проблемы, — хохотнул Маркус. — Договорившись с ними о частичном возмещении его игровых долгов, обе стороны пришли к согласию. Хотя вначале они пыжились, грозились рассказать правду о том, что я приложил руку к его нелицеприятной безвременной кончине. Но мои родители успели им напомнить, что стоит общественности узнать о похождениях их отпрыска, как вся власть их семейства и доверие к нему тут же разнесётся северным ветром Панпуга, а от него не веет излишним теплом.

Непривычно печальное выражение скользнуло по лицу северянина.

— И вот уже четвёртый год я скитаюсь по свету и живу в своё удовольствие. Меня пару раз пытались найти прихвостни отца, но, к их несчастью, обратно они не возвращались, так что следует приготовиться к встрече. Я вот меч точку и тебе советую. Надеюсь, наши тренировки не прошли даром. Как минимум, сам себя уже не поранишь. Как максимум, должен будешь вырубить одного или двух человек. Для справки, ты в это количество людей неходишь, Ян, — серьёзно заявил Маркус, пригрозив приятелю пальцем и вновь вернувшись к полировке и заточке меча. — Ты мне нужен живым и здоровым. В идеале, в дееспособном состоянии.

— Я всегда могу вернуться на берег и притвориться, что не знаю тебя, — с лёгкой обидой пробурчал наримец, вовсе не собираясь этого делать.

— Нет, для этого слишком поздно. Раз уж взял в руки поводок, то держи его до конца.

И он звонко клацнул зубами, со смехом глядя на помрачневшее лицо Яна.

— Почему у меня такое ощущение, что, несмотря на то, что сделку предложили мне, бесплатно и безвозмездно, именно я понесу урон при её отмене?

— Тебе показалось.

— Во что я ввязался?..

Стоило парням разговориться, как вдалеке показался жёлтый свет фонарей.

Ассаад представлял собой небольшой вытянутый остров, расположенный меж двух отдельных континентов. В основном здесь жили выходцы из Панпуга. Сами же его обитатели считали эту землю самостоятельным городом-государством. Единственным в своём роде.

Будучи отделёнными от большой земли, они сами установили себе высшую власть, законы и распорядок. И были довольны своей спокойной и тихой жизнью. Ассаад не вмешивался в дела Панпуга, а Панпуг — в их. Население потихоньку росло и крепло, как и его вера в себя.

И именно здесь поселилось семейство О Де Фоль, втайне покинувшее большую землю. Ассаад приютил их и дал кров, возможность начать жизнь заново, не храня за спиной тяготеющее прошлое Панпуга. Авторитеты континента не представляли для ассаадцев никакого интереса. О Де Фоль честным трудом выбились здесь в люди, подсказывая и координируя взаимодействие островитян с внешним миром: как поступать с торговцами, что производить, за какую стоимость продавать и приобретать товары. Семья рыцарей быстро заслужила доверие жителей Ассаада и влилась в общественно — политическую жизнь острова.

— Видимо, без каких-либо на то оснований меня здесь никто задерживать не собирается, — удивился Маркус, впервые за долгое время, не имея проблем с переходом границ. — Мне уже начинает здесь нравиться. А сейчас самое время повидаться с моей чудной семейкой. Если хочешь, можешь немного пройтись по округе, пока я попытаюсь их найти. Тебе явно будет интересно узнать, до чего могли додуматься местные фермеры-самоучки. Может, у них тут какие редкие виды растений есть.

— Я пойду с тобой. Хоть Соня и сказала, что жизни твоей семьи ничего не угрожает, она не стала опровергать, что за ними кто-то следит.

Маркус нервно почесал затылок, глядя себе под ноги.

— Это может прозвучать странно при данных обстоятельствах, но я доверяю ей достаточно, чтобы стремглав не нестись к матери вместо того, чтобы спокойно с тобой это обсуждать.

— Конечно, это вовсе не ты нёсся со всех ног в Ассаад. И это точно не я убеждал тебя, что Соня так бы не поступила.

— Теоретически она могла, — укоризненный взгляд прожигал бессовестное загорелое лицо. — Хорошо, после разговора с тобой я осознал, что в поведении Сони читалось едва различимое беспокойство, скрытое под толстой коркой напускного безразличия.

Ян торжественно похлопал себя по голове, хваля за бесчисленные, но увенчавшиеся успехом попытки вбить в голову одного знакомого рыцаря мысль о том, что не каждый на свете ставит себе священной целью причинять вред другим.

— Что-то надвигается, но она сама не в курсе, поэтому и предупредила. Хоть эта поганка успела изрядно испить моей кровушки, в ней нет двойного дна помимо того, что мы откопали. Тем более, ассаадцы встретили меня весьма радушно. Так бы не улыбались тому, по кому в скором времени должны справлять поминки. Уверен, моя семья живёт себе припеваючи, радуясь каждому проведённому здесь дню.

— Сейчас мы это узнаем, — уверенно произнёс Ян, глядя на открывающуюся перед ним панораму шумного города. — Так что, идём навстречу новым приключениям?

Маркус скептически хмыкнул.

* * *

Хоть ассадцы некогда и принадлежали народу Панпуга, многие себя таковыми не ощущали. Им чужды были войны, жизнь, шагающая в ногу со смертью, и нездоровое стремление к власти, что шло вразрез с традициями рыцарских семей, что и послужило одной из причин отсоединения Ассаада от северного государства.

Другой причиной послужили шаткие права малого числа от населения Панпуга, что несли в своём теле позорные признаки далёких предков. Атавизмы, которые в других государствах были отличительной чертой великих людей, в северных краях считались клеймом — магия.

Маги, кто были одарены первыми четырьмя прародителями, скверной кровью своей нарушали давно принятые обеты непорочности и невмешательства в сакральные дела Кхайе. Притеснённые со всех сторон, они либо подавались в Исследовательский Центр нуминозных явлений, чтобы стереть в себе абнормальные характеристики, либо в страхе сбегали за границу, чтобы начать жизнь с чистого листа.

Пока не появился Ассаад.

Так этот остров и начал отдаляться от материкового континента, заявляя о своих правах. Главы города реже стали появляться на заседаниях Панпуга, перестали уплачивать земельные налоги и оповещать о городских решениях, принятых на советах. Город-государство не хотел идти на поводу у людей, чьи желания и цели не совпадали с целями Ассаада. Ведь в основе всего лежало и будет лежать желание жить, а не выживать.

После того, как пути Ассаада и Панпуга окончательно разошлись, часть семей рыцарей южного побережья тайком перебралась на чужие земли. Семья О Де Фоль, с которой долгие полтора года не спускали подозрительно взгляда, продолжала упорно трудиться до седьмого пота, доказывая асаадцам свою абсолютную искренность.

И вот сейчас один из наследников этого рода вместе со своим новым Мастером стоял напротив непримечательного трёхэтажного здания из серого кирпича, куда их любезно проводили местные, услышав фамилию О Де Фоль. За широкими окнами первого этажа сидела немолодая женщина, под глазами которой заметно пролегли глубокие морщины. Переутомление и стресс, что, казалось, никогда не сломят энергичную и бойкую натуру, брали вверх над женщиной, проскальзывая в её слабой осанке, в постоянном касании знакомого медальона на груди.

Пытаясь спасти остатки своей семьи Марфа О Де Фоль прошла долгий и сложный путь чтобы разрушить существующее предубеждение против участия женщин в военной, оружейной, продовольственной и других сферах деловой активности. Никто не спешил с распростеёртыми объятиями принять госпожу севера, чей муж на блюдечке приносил Светлости изменников, которым не приходилась по вкусу диктатура Верхних.

Первое время в Ассааде Марфе пришлось нелегко. Далёкие времена, когда она юной девушкой попала в Панпуг, и ей приходилось доказывать северным людям свою преданность, вновь вернулись. Несмотря на это хрупкая на вид Марфа дважды добилась расположения северян. Первый раз, чтобы спасти родных в Паннаме, продав себя в качестве прилежной жены северному рыцарю. Второй — чтобы спасти собственную семью, двух сыновей, от самого Панпуга.

Будучи женой одного из высокопоставленных рыцарей северного континента, Марфа должна была олицетворять образ жены, глубоко почитающей благородного мужа, и

вырастить детей, достойных наследия отца. Не смея выказывать неповиновения, одинокая женщина, скованная обстоятельствами, смиренно следовала по пути сотен жён, разделяя их тяжёлую судьбу. Скрывая сыновей от глаз Верхних, она заточила их в семейном поместье, обрубая все их связи с внешним миром.

Годы шли, дети росли, и удерживать их в крошечном поместье, за стенами которого открывался необъятный мир, становилось всё сложнее. Младший наследник практически отрёкся от семьи, не оставив после себя никаких следов. Единственное, что напоминало о нём в его некогда обжитой комнате — запах хозяина. Лёгкий аромат подзолистой почвы и раскалённой стали.

Поначалу семейство пыталось тайно разыскать пропавшего сына, решившего поиграть в догонялки. Но чем больше проходило времени, тем дальше Маркус отходил от Комешэха, и тем сильнее родители сомневались в необдуманности и ребячливости его поступка. Надежда на возвращение сына окончательно пропала с его выходом за пределы Панпуга: преследование личности в этом случае считалось нарушением договора континентов о мирном времени.

Так текли однообразные дни в однажды замолчавшем на многие-многие годы доме.

— Зайдём? — сквозь пелену услышал Маркус Яна. — Может, мы встретим твою маму?

— Нет, здесь мы точно никого не найдём, — Маркус рванул подальше от серого здания, до боли сжимая в руке рукоятку меча. На скулах заиграли желваки.

Он бы хотел вовсе не возвращаться.

Побродив по городу в поисках нужного здания, заблудившиеся путники столкнулись со стражами. Молодые ребята любезно направили неразлучную парочку к аккуратному белому домику. Из окон первого этажа приветливо выглядывали растущие в горшках анемоны. Небольшой балкончик на втором этаже выходил на улицу, занимая большую часть стены. Входная дверь была украшена небольшой мозаикой, отбрасывающей цветных зайчиков внутрь дома. Зелёный ковер аккуратно подстриженной лужайки перед домом радовал прохожих.

Приняв оборонительную стойку и стиснув ручку двери так, что побелели костяшки пальцев, словно готовясь к прыжку, Маркус увидел давно забытые отличительные знаки семьи О Де Фоль, как если бы он оказался в Комешэхе.

Детские поделки на деревянных подставках, засушенные цветы, разноцветные камешки в вазах и непонятно для чего предназначенные чудеса других континентов на стеллажах и стенах. Но не столько внутренний облик дома напоминал о старой жизни под крылом родителей, сколько детские крики и заунывный плач родителей, огорошивший гостей с первых секунд.

Хоть двое малышей уже давно умели ходить и неплохо успели освоить навыки говорения, казалось, что, когда они были новорождёнными и спали большую часть суток, с ними двумя не освоившимся родителям приходилось куда проще. Они никуда не бегали, ни во что не врезались и не пытались добраться своими шаловливыми пальчиками до всех горизонтальных поверхностей в попытке всё с них снести. Но это было давно, и юные родители почти успели позабыть те счастливые деньки. Сейчас же в доме, несмотря на тщательную уборку с утра, царствовал хаос.

— Святые угодники, — послышалось со стороны внутреннего дворика, — не могу поверить, что два этих ангелочка могли сотворить такое с домом в преддверии праздника. Уж скорее двое взрослых отлынивали от своих прямых обязательств.

Бабушка Марфа добродушно улыбнулась, входя в знакомые стены и насмешливо оглядывая разрушения.

— Но всё это не важно, где же мои любимые внучата? Для вас у меня всегда найдутся маленькие подарочки.

Стоило прозвучать заветным словам, как на какое-то время в доме воцарилась блаженная тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов. Но кроткому счастью не суждено было длиться вечно. Прошла минута, и на втором этаже послышался тяжёлый топот двух пар маленьких ножек. Из-за перил лестницы показались две макушки пшеничных волос. Маленькими ручками дети ухватились за перила и что есть мочи быстрее перебирали ногами, опасливо глядя на узкие скользкие ступеньки. Светясь от счастья, два ангелочка набросились на привыкшую к таким действиям бабушку и вприпрыжку стали водить вокруг неё хоровод, не замечая никого вокруг. Погрузившись в игривое настроение с головой, дети стали крутиться быстрее, пока неокрепшие ноги не запутались, и малыши не отлетели назад, врезавшись в очень высокого парня с длинными волосами.

— Бабушка, а это кто? — пролепетали дети, глядя широко распахнутыми глазами на широкоплечего дяденьку и видя в нём потенциальные качели. Не дождавшись объяснения, они схватились за ремень его брюк. — Дяденька, а вы нас покатаете?

К такому развитию событий Маркус не был готов.

Глупо таращась с высоты своего немалого роста на двух детишек, рыцарь попеременно поглядывал то на Яна, то на Марфу, беззвучно ища у них помощи. Маркус познал много в своей насыщенной жизни. Он мог днями не питаться, если назойливая дичь никак не хотела ловиться в жарких тропических лесах. Мог оказаться в плену у случайных разбойников, не имевших представления о том, с кем имеют дело. И один лишь Маркус знал, как Радигощ О Де Фоль тренировал своего только научившегося брать в руки меч сына. Мужчина холодной наружности не желал иметь уязвимые места, тем более, в лице семьи, и задействовал любые силы, что были ему только доступны, но перекроил сыновей в непробиваемые и неприступные ни для чужих, ни для родных крепости.

Из раза в раз Маркус упорно показывал невероятные способности к выживанию во всевозможных условиях, когда от хладного ума и недюжинной силы зависела его жизнь. Но стоя перед двумя человечками, неловко пытающимися взобраться на высоченное тело родного дяди, до боли сжимая кожу под его одеждой, мечник испытывал непреодолимый растущий страх.

Словно на секунду он вернулся в детство, когда в середине осени подобрал с улицы грязного щенка и втайне от родителей вместе с Волибором пытался его вырастить. Из немощного питомца, который не мог самостоятельно сделать и пары шагов, настолько обезвожен и истощён он был, щенок вырос в натренированного, не знающего страха преданного друга.

До тех пор, пока Дуглас, так прозвали мальчишки собаку, не начал рычать и скалиться на главу семьи — Радигоща О Де Фоль. В отце хозяина собака видела злого человека, который являлся угрозой для Маркуса и Волибора. Защищая своих спасителей, она нападала на жестокого человека, стоило ему поднять руку на своих детей. И такие выходки не остались безнаказанными. Но расплатиться за них пришлось не верному псу, а тем, кто его любил, но навек потерял.

Живые воспоминания лёгкими крыльями бабочек вспорхнули в памяти, извлекая из её закоулков сохранённые моменты неутешительного детства. Назойливая мысль всё чаще

мелькала в сознании Маркуса: «А правда ли семья — спасительный круг, защищающий от неправильной жизни, или семья же и ведёт к ней, к этой неправильной жизни?»

На неумолкающие звуки детских голосов вышел импозантный мужчина под два метра ростом. Ниже Маркуса, но ещё намного выше Яна. Прямой немигающий взгляд, как и у обладателя светло-карих с золотыми прожилками глаз. Запачканный красками фартук поверх измятой рубахи, три верхние пуговицы которой открывали широкую грудь, исполосованную глубокими шрамами. Большая часть густых каштановых волос была поднята наверх и собрана в причудливый пучок. На затылке они свободно свисали, доходя до плеч, и невысохшими кончиками оставляли мокрые разводы на рубашке. Коротко постриженная борода переходила в две тугие косички, а брови напоминали взъерошенные крылья ворона. Мужественный образ завершала пыльная тряпка в руках, детские игрушки и другие мелкие предметы в кармане фартука.

Многозначительно присвистнув, мужчина шутливо покачал головой и довольно улыбнулся.

— Какие люди! Я уж думал, ты давно угодил в лапы смерти. Но посмотрите на него, этот засранец цветёт и пахнет, — мужчина вплотную подобрался к Маркусу, тормоша голову младшего и приводя его лохматые волосы в ещё более безобразный вид.

Отбиваясь от настойчивых нападков, Маркус исподлобья зыкнул на нарушителя своего спокойствия и коротко указал на него говоря:

— Ян, рад представить тебе — или не совсем рад, — прошептал он тише, — моего старшего брата. Знакомься — Волибор О Де Фоль. Хоть по виду этого стареющего не по дням, а по часам создания и не скажешь, но он не является моим дедушкой или, так и быть, если всё-таки убрать пару годиков, троюродным дядей, которого я вижу раз в столетие. Уж лучше бы это был он...

— Приятно познакомиться, Ян. Ты не обращай внимания на слова моего заносчивого братца, — протянув широкую ладонь, Волибор замешкался и неловко почесал затылок. — Простите, потерял бдительность. Начал общаться с вами неформально, позабыв обо всех приличиях. В Ассааде редко общаюсь с новыми людьми, вот по привычке и обратился как к старому знакомому.

— Всё в порядке, для меня так будет удобнее, — ухватился за ладонь наримец и крепко её сжал. — Меня зовут Ян Бапазаг, будем знакомы.

— Кто бы знал, Марчи, что ты обзаведёшься таким достойным другом, — хохотнул мужчина. — С твоей-то кислой физиономией только на похороны идти.

— Сказал мне повелитель грязного бельишка.

Волибор недоумённо посмотрел на Маркуса.

— Не хочу тебя расстраивать, но тебе придётся смириться не только с моей физиономией, но и с твоим потерянным достоинством перед важным гостем. Взгляни на передник. Может, зрение и могло тебя подвести, но обоняние? Беги, братец, пока этот кусок тряпки окончательно не пошел в утиль.

Немедленно скользнув по фартуку взглядом, Волибор сразу понял, о чём говорил Маркус. В районе некогда белого кармана, под завязку набитого неизвестными предметами, красиво растекалось увеличивающееся в размере болотно-коричневое пятно. Быстро прикрыв руками продукт жизнедеятельности детишек, Волибор отсалютовал пришедшим парням и, промычав что-то неразборчивое, быстро ретировался.

— Маркус, — укоризненно произнёс Ян, — можно было предупредить его более

деликатно. Ты не виделся с ними четыре года, и первое, что ты сделал — это подшутил над братом.

— Это норма в нашей семье. Было бы более странно, если бы я отвесил ему глубокий поклон, тогда бы он точно поставил под сомнение моё психическое состояние. Возможно, и личность.

Покачав головой, наримец случайно наткнулся на лицо женщины, чьи черты нашли свой отклик во внешности Маркуса. Загорелая кожа, золотом отливающая на солнце, карие глаза цвета песков Паннама на закате и внутреннее превосходство над другими, читающееся во всём облике.

Сила и упорство угнетённых, но не сломленных.

— Маркус, обернись.

— На этот раз, надеюсь, он выбрал более пригодный для встреч наряд, — незаметно улыбнулся Маркус. Обернувшись, мечник мгновенно замер. Две пары карих глаз в упор смотрели друг на друга, пытаясь донести только им понятные эмоции. Первым сдался Маркус. С почтением кивнув в знак приветствия, он опустил глаза и низким голосом представил хозяйку дома.

— Марфа О Де Фоль — жена Радигоша О Де Фоль и мать Волибора О Де Фоль.

Резкие слова резанули слух. Марфа произвольно сжалась.

— Маркус, — робко прошептала женщина, несмело протягивая руку, словно боясь обжечься. Маркус ошетинился. Ян интуитивно шагнул вперёд, закрыв собой напряжённого мечника. Через плечо послав тому знак успокоиться, юноша сделал несколько шагов, встав перед Марфой.

— Здравствуйте, меня зовут Ян Башазаг. Я — новый Мастер, — Ян протянул руку и нервно растянул рот в подобии улыбки.

Марфа посмотрела на небольшую, но крепкую руку в ссадинах и мозолях. Еле ощутимый аромат травы и чернозёма уносил Марфу обратно на континент Пансо и совсем чуть-чуть — в забытый Паннам. Улыбнувшись своим мыслям, женщина взглянула на уверенного в своих действиях Маркуса. Таящийся внутри огонёк начал разгораться. Он, сам того не замечая, нашёл то, что искал так отчаянно.

Марфа взяла предложенную ладонь в обе руки и слегка сжала, тем самым ненамеренно передавая ему свою обречённость.

— Прошу, пригляди за этим ребёнком. Он нам очень дорог.

— Мне тоже, — спокойно улыбнулся Ян. — Не беспокойтесь, пока я жив, буду делать всё, что в моих силах.

— Тогда я спокойна, — удовлетворённо прошептала женщина и отступила от прохода в кухню-гостиную. — Вы, должно быть, сильно устали с дороги. Поужинайте с нами.

— Мы с удовольствием. Уже не помню, когда ел домашнюю еду, правда, Маркус? — Ян прошёл мимо Марфы О Де Фоль в кухню, давая возможность матери и сыну побыть наедине друг с другом.

* * *

— Вы проделали большой путь, — Волибор сметал со стола всё. Зачерпывая в ложку побольше гущи из супа, он, причмокивая, поглощал еду. Маркус брезгливо сморщился.

— А ты всё так же недалеко продвинулся в занятиях по этикету. Что-то в этом мире остается неизблемым.

— Ты завидуешь, что я ем с недоступным тебе аппетитом. Сам бы хотел не отставать от

меня. Девушки на такое ведутся, — подмигнул бывший рыцарь, беззастенчиво взяв руку любимой жены и с трепетом поцеловав её.

— Избавьте меня от этого.

Волибор больше не слушал недовольные тирады младшего брата и полностью погрузился в праздное чувство любви, в восхищении сидя около девушки, на безымянном пальце которой красовалось обручальное кольцо. Любой случайный или целенаправленный взгляд, опущенный на левую руку жены грел сердце мужчины. После долгих лет его ухаживаний, помолвки, свадьбы и рождения детей, Лада, по-прежнему, любила его, и их страсть никогда не угасала. Не сдержавшись от избытка переполнявших его чувств, Волибор схватил лицо любимой и быстро оставил поцелуй на сладких губах, после чего взялся за столовые приборы, краснея кончиками ушей, как провинившийся мальчишка.

— Дорогой, — смущённо рассмеялась Лада, скрывая пунцовое лицо за кремовой салфеткой, — веди себя сдержаннее.

— Твоя любовь делает из меня слепого глупца, дорогая.

Марфа, привыкшая к подобным выходкам старшего сына, неспешно накалывала овощи на серебряную вилку. Лелик и Полея выбрались из-за стола и подбежали к родителям, требуя своей порции поцелуев. Маркус, поняв, что хуже, чем их семейка, просто не может быть, решил прекратить свои бесполезные попытки отыграться словесно, а делать это ситуативно. Гениальная идея не заставила себя ждать. Смертью храбрых пали любимые с детства блюда Волибора — вяленая утка и строганина из лосося. Пока ненаглядные наслаждались обществом друг друга, Маркус медленно опустошал ближние к Волибору блюда, перекладывая их содержимое на тарелку Яна или в свой рот.

— Маркус, даже при сильном желании я столько не съем, — оглядев высокую горку из продуктов на своей тарелке, наримец прикрыл рот, чтобы сдержать неприятный позыв.

— Будь другом — помоги. После трапезы я дам тебе снадобье от переедания. Только съешь это, — шёпотом протараторил Маркус, давясь едой. — За твои страдания воздастся сполна.

— Это нерационально, — начал было Ян, но его тут же перебил нетерпеливый мечником.

— Ян, это дело жизни и смерти, — нездоровый огонёк горел во взгляде.

— Это последний раз, когда я потакаю твоим детским и необоснованным желаниям.

— Обожаю тебя. Хоть на край света за тобой пойду.

Единственный Башазаг в логове О Де Фоль усталое вздохнул, готовясь к последствиям семейной любви. Треклятая гора медленно исчезала, как и шанс ровно стоять на своих двоих под конец застолья. Его ещё ни разу в жизни не выкатывали из-за стола. Пока семейная парочка ворковала, Ян с Маркусом неподвижно сидели на стульях, боясь лишней раз пошевелиться.

— А где вся еда? — обескураженно произнёс Волибор, передвигая тарелки в поисках любимых яств. — Мам, ты их куда-то унесла?

Марфа невинно похлопала глазами.

— Нет, — краем глаза она посмотрела на полумёртвых от обжорства гостей и прокашлялась в кулак. — Я угостила твоего брата и Яна, после чего взяла пару кусочков себе. Кто бы мог подумать, я была такая голодная, что больше половины съела сама.

— Я так хотел попробовать строганину, — прохныкал Волибор.

— Ничего не осталось, но ты не беспокойся. Завтра я приготовлю больше, чтобы

хватило на всех членов семьи, — загадочно ухмыльнулась Марфа, предупреждая, что слаженному дуэту подпевать она больше не станет.

— Ян, — обессиленно пробормотал недовольный развитием событий мечник, как бы намекая и на завтрашнюю помощь в сражении со старшим братом.

— И не проси. Даже ради тебя на такие жертвы не пойду. Мой желудок просто не выдержит.

Пока парни препирались, двое маленьких шпионов на противоположном конце стола не сводили с них своих сверкающих глаз. В немаленьком семействе О Де Фоль любые пропажи, будь то принесённые с улицы палки или нужные документы в единственном экземпляре, не оставались незамеченными. В особенности это касалось еды. В этот раз свидетелями «криминального происшествия» стали не в шутку прославившиеся золотоискателями детишки.

Смело ткнув со всей силы в выпирающий живот Маркуса, которому уже мерещились врата в другой мир, интереснейшим образом вылепленные из вареников, Лелик улыбнулся во все свои белоснежные зубки. Полея неожиданно вынырнула из-за спинки стула, чем не на шутку испугала Яна, который за секунду потерял десять лет жизни. А всё потому, что никто не смеет красть у любимого папочки его любимую еду. Во всяком случае, не посоветовавшись с близняшками. И не выкупив их хрупкое молчание.

— А мы всё видели, — одновременно пропели они, раскачиваясь на носках. Довольные лица не предвещали ничего хорошего. — Папа очень расстроится, если узнает, что дядя Маркус специально ему ничего не оставил.

Последние слова были специально сказаны чуть громче, чем и привлекли внимание старших членов семьи. Волибор с Ладой отвлеклись от игривого кормления друг друга остатками еды и недоумённо посмотрели сначала на детей, а после на двух сконфузившихся парней. Прокашлявшись, Ян погладил детей по гладким волосам и притянул к себе. Жертва Маркуса пожалала плечами и вернулась к более привлекательным вещам, продолжая смущать жену. Рыцарь облегчённо вздохнул.

— Но вот если наши новые дяди что-нибудь дадут нам взамен, то мы сможем сохранить этот секрет, — хитро улыбнулись дети.

— Такие маленькие и уже такие смышлёные, — Ян наигранно посмеялся и с мольбой посмотрел на Маркуса. Тот отрицательно покачал головой. Он, тем более, не был готов к такому выпаду. — Кто же вас такому научил?

— Бабушка Марфа, — дружно переглянулась дети, оборачиваясь на сидящую сбоку хозяйку дома.

Та сидела по правую руку от Яна и, только недавно спокойно попивая жасминный чай, резко им поперхнулась. Неловко взяв со стола последнюю салфетку, она похлопывающими движениями прошлась по губам, стирая капельки стыда за содеянное, и аккуратно встала.

— Салфеток не осталось. Пойду, принесу, — смущённо улыбнувшись, Марфа удалилась на кухню.

Завтра у внуков обязательно пройдёт урок морали или «как и с кем можно проделывать детские шалости, а с кем не стоит». В любом случае, стои им объяснят, что выдавать своих — плохая идея, могут возникнуть последствия.

— Мелкие, чего хотите, — последний шанс на спасение сбежал, поджав хвост, поэтому ничего лучшего, чем спросить прямо, мечник не придумал.

— Как учила бабушка Марфа, самое лучшее, что может предложить человек — это искренность либо деньги. Первое у вас и просить не нужно, поэтому выберем второе.

— Мелкие вымогатели, — сделал для себя вывод мечник.

— Маркус, — простонал Ян, впихнув в рот друга первую попавшую под руку закуску, — не так разговаривают с людьми, с которыми хотят заключить сделку. Тем более, это твои племянники, а не уличные воришки.

— Я не вижу особой разницы, — рыцарь прожевал непонятное нечто и горько сморщил лицо. На сегодня вход в его пищевод был закрыт. — И, если уж сравнивать, эти явно пострашнее будут. Тем хотя бы храбрости не хватает напролом идти, эти же в глаза смотрят без утайки.

— Более того, это ваш первый день вместе, — взывал Ян к совести Маркуса. — Разве ты не хочешь хотя бы попытаться стать им хорошим дядей?

— Перспектива быть втянутым в подобную ситуацию больше одного раза не выглядит привлекательной. Я, пожалуй, откажусь.

— Маркус!

Полея недовольно поджала губы, теребя край лёгкого платья. Лелик вышел вперёд, загородив сестру собой.

— Чем дальше думаете, тем выше будет плата.

— Хорошо-хорошо, — признавая поражение, Ян поднял руки вверх. — Отдадим, сколько попросите.

— На что вам деньги-то? — поинтересовался Маркус, посмотрев на детишек внимательнее. — Неужто родители покупают недостаточно сладостей или одежды? Или вы хотите больше игрушек? Если попросите, я сам могу купить, что захотите. Не обязательно вымогать деньги таким способом.

Близнецы замялись в нерешительности. Девочка неловко опустила взгляд вниз, разглядывая тёмный пол. Ушки предательски заалели.

— Это секрет.

Маркус насмешливо фыркнул.

— Что же это такое, что даже не можете сказать своему родному и единственному дяде? Боюсь, что-то запретное? Надеюсь, не меня отравить хотите?

Лицо Лелика отразило целую палитру оттенков злобы и еще большего стыда.

— Если вам так интересно, то потом на себе же испытаете наш подарок.

— О, теперь открытая угроза? — Маркус с вызовом уставился на двух маленьких взрослых. Хищная улыбка затаилась в уголках губ. — Это уже по моей части. С нетерпением буду ждать.

— Так и сделаем, — взяв за руку сестру, мальчик в последний раз с негодованием посмотрел на Маркуса, после чего дети громко утопали в свою комнату наверху.

— Что? — мечник выгнул левую бровь, встретив сверлящий взгляд друга.

— Ничего, — пробормотал тот, тихо вставая из-за стола. Направившись следом за детьми, Ян всё же обернулся к рыцарю. — Ты же в курсе, что сейчас ты дома, верно? Тебе не обязательно выставлять свои щиты. Никто не собирается воспользоваться твоей беззащитностью.

— Я не беззащитен, — тихо прошипел Маркус.

Ян горестно вздохнул.

— Как знаешь.

В столовой воцарилась неестественная тишина. Пока Волибор, пытаясь подобрать нужные слова, открывал и закрывал рот, младший О Де Фоль встал из-за стола.

— Пойду в свою комнату. Приятного всем аппетита.

— Маркус, я... — торопливо произнёс Волибор, пытаясь остановить его, но наткнулся лишь на мрачный взгляд.

— Достаточно на сегодня. Я устал.

Бывший рыцарь обессилено разжал кулак и вымученно улыбнулся младшему.

— Конечно, спокойной ночи.

Шаги стихли за беззвучно закрывшейся дверью. Старший сын устало облокотился на стол, руками прикрывая измождённое лицо. Всё опять пошло наперекосяк. Лада, молча наблюдавшая за происходящим, легко прижалась к сгорбленной мужской спине.

— Дай ему время. Не дави на него, и он постепенно привыкнет к нам, — женщина медленно поглаживала мужа по голове, стараясь унять боль в его душе. Уход Маркуса всегда был болезненной для семейства О Де Фоль темой. Свидетельством того, что, имея всё: влияние, статус, деньги и возможности, они не смогли спасти то, что было им дороже всего — семью.

Волибор протяжно вздохнул.

— Я стараюсь, но страх, что мы вновь потеряем его, и, возможно, уже навсегда, не даёт мне спокойно жить. То, что он находится с нами под одной крышей, живой и здоровый, уже благословение. Мне и просить о большем совестно. Но иногда, — старший сын отнял от лица огрубевшие руки и с невыносимой тоской, что как будто выливалась за края бездонного колодца, посмотрел куда-то перед собой, — в голову лезут совершенно сумасшедший мысли, будто я выпил слишком много терпкого вина. Я представляю, как мы все: мама, детишки, ты и Маркус — живём в одном большом доме. Ничего грандиозного или волшебного. Просто быть рядом. Иметь возможность заботиться друг о друге, ругаться и мириться. Неужто я о многом прошу?

Стоящая за стенкой женщина тихо прикрыла маленькими кулачками подрагивающие губы, боясь издать случайный всхлип. Прозрачные слёзы орошали костяшки пальцев, после скатывались вниз по руке и терялись в складках светлого платья.

Лишь тонкие стены и темнота были немymi свидетелями кратких моментов слабости Марфы О Де Фоль.

* * *

Солнечная погода опалила гостей Асаада своим горячим ветром. После нотариального подписания документов о сотрудничестве двух сторон в присутствии представителей со стороны рыцаря, полный набор семейства О Де Фоль и один из Башазаг решили осмотреть город, что активным ходом украшал каждую улочку.

Пока Ян, поддавшись всеобщей атмосфере теплоты и беззаботности, с интересом разглядывал всё и вся, Маркус, со своей стороны, спокойно заверял его, что особых изменений в отношениях между ними не произойдёт: «Всё будет, как раньше. Единственное, мне будет легче контролировать твои действия и вытаскивать из различного рода передрыг». Решив не беспокоиться раньше времени, Ян согласно кивнул и продолжил прогулку по оранжевым улицам Ассаада.

— У вас скоро какой-то праздник? — задал вопрос Ян, отцепляя от себя приставучего Маркуса, поближе пристроившись к Марфе. — Все лихорадочно пытаются успеть украсить дома и скупить всё продовольствие в городе. Мы только недавно приехали, но уже на собственной шкуре успели ощутить предприимчивость ассаадцев. Я слышал, что вы шустрые

ребята, но, чтобы настолько...

Ян печально улыбнулся, вспомнив успешные попытки весьма убедительных торговцев, и потряс наполовину пустой кисет. Одинокая «скупая слеза» мысленно скатилась со щеки.

Праздничная суматоха наполнила оживлённый городок. Люди украшали крылечки домов морковного цвета лентами, детишки плели венки из тысячелистника и раздавали их своим родителям, братьям и сёстрам. Общественные места украшали композициями из соцветий каштана, привлекая удачу и процветание в Ассаад. Маленьким детям покупали карамелизованные яблоки, сверху посыпанные ореховой стружкой. Шуты с накладными животами из платочков в горох завлекали семьи с детьми на кукольное представление в крытом шатре.

— Три года назад на городском заседании Ассаада на основе голосования жителей было принято решение выйти из-под прямой зависимости Панпуга, объявив себя самостоятельным островным государством, — перед глазами Марфы стоял ужасающе огромный тронный зал, Светлость с золотой короной на голове и прошение в её руках на отсоединение Ассаада от Панпуга. — Первое время мы боялись, что они обжалуют наше решение и возьмут нас под большой контроль, прислав надсмотрщиков. К нашему удивлению, они спокойно согласились с нашим требованием и обещали помогать на первых порах, пока мы не встанем на ноги. И они помогли. Благодаря их поддержке мы празднуем сегодняшний день независимости и не боимся за своё будущее. Год назад Ассаад полностью встал на ноги и сейчас мы постепенно отплачиваем Панпугу за их доброту.

— Лучше бы относились так доброжелательно до того, как мы изъявили желание выйти из Панпуга, чёртовы старики в дорогих мешках из-под картошки, — выплюнул слова Волибор. — Даже сейчас я не доверяю им полностью. Иметь врага прекрасно в том смысле, что ты изначально не ждёшь от него ничего нового, кроме привычного удара. Друг же за твоей спиной может разворачивать целое шоу махинаций как лучше использовать тебя, и когда тебе же и следует пойти на покой. Вечный.

— Волибор, — Марфа строго посмотрела на сына. — Как бы ты их ни недолюбливал, они все же решились помочь нам, хотя их никто не и просил. Мы должны быть благодарны им.

— Да-да, как скажешь. Не будем отвлекаться на высокомерных снобов. Я уверен, что столь быстрого развития Ассаада нам удалось добиться не благодаря их снисхождению, а титаническому труду и упорству таких скромных жителей, как Марфа О Де Фоль. Госпожа О Де Фоль, в чем же кроется ваш успех? — с шутливой заинтересованностью спросил Волибор, лукаво играя бровями. Громко рассмеявшись, старший сын взял матушку под руку и уверенно повел её вперёд.

На такое заявление Марфа лишь насмешливо фыркнула, в душе жутко радуясь за свой малый народ. Ассааду, как младшему сыну среди других четырёх государств, только научившемуся ходить, предстояло много работы, чтобы тягаться со старшими братьями. Хоть был этот путь долог и тернист, жители Ассаада верили в светлое будущее зарождающейся культуры.

— В нашем деле нет никаких случайных достижений или удачи. Только тяжкий труд и самоотдача. Слаженная коллективная работа, направленная на общее благополучие граждан. И главное — это любовь и вера в то, что проделанная работа принесёт свои плоды. Это то, ради чего мы стремимся. Всё, что мы делаем, мы делаем ради наших семей, ради самих себя.

Марфа ещё какое-то время рассматривала улицы, заполненные людьми, что в спешке

пытались попасть домой пораньше. Наблюдала, как они переходили на лёгкий бег, но, завидев вдалеке уважаемую госпожу О Де Фоль, приостанавливались, кивали головой в знак приветствия, желали хорошо провести праздник и поспешно уходили. Сами того не замечая, ассаадцы непроизвольно улыбались, как бы даря кусочек своего счастья другим прохожим. И так этот ритуал передавался от одного человека к другому, освещая путь благодарных людей.

«Да только ради этих улыбок уже стоило продолжать идти, спотыкаться, падать и вновь вставать», — про себя подумала Марфа. Огни города начали потихоньку загораться, напоминая о скором приближении праздника.

— Пойдёмте домой, нас уже заждался чечевичный суп, — чаще всего на лице Марфы появлялась дежурная улыбка, но в этот раз это было по-настоящему.

— Я не переносу его, — в сердцах пожаловался Маркус, вспоминая острую на вкус жижу из случайных продуктов, — с самого детства.

— Именно поэтому я его и приготовила, Маркус. Прошло столько времени, а ты всё такой же привереда. Научись есть что-то помимо своего батата.

Услышав про батат, Ян, не сдержавшись, посмеялся в кулак, тщетно пытаясь скрыть это неловким кашлем. Он не хотел нарушать семейные моменты, которые навещали семейство О Де Фоль не так часто, как хотелось бы. Поэтому такие тёплые события, воспроизводимые в аллее воспоминаний лишь в тёмные времена, ценились особо.

Маркус незаметно рванул вперёд, нагнав брата и Марфу О Де Фоль. Тихо переругиваясь между собой, издали троица напоминала несовершенную лестницу, первые две ступеньки которой были практически одинаковы, зато на третьей она резко проваливалась вниз.

— Лестница дураков, — заметил Ян, рядом идущая Лада согласно кивнула.

Может, чудная семейка и вывозила на себе тяжесть судьбы рода рыцарей, о которой другие по великому незнанию только мечтали, но они продолжали быть слепыми глупцами, когда это касалось семейных проблем. Дураки, не иначе.

— Как тебе наша скромная обитель и её невыносимые жильцы? — рассмеялась девушка. — Надеюсь, они ещё не успели тебя замучить? Потому что это даже не начало.

— Я ужился с Маркусом. Мне уже ничего не страшно, — философски отметил наримец. Без тени веселья. Лада понимающе улыбнулась.

— Предупреждён — значит, вооружён. Значит, выходки моих детей не доставят тебе больше мучений, чем уже свалилось на твою голову.

Ян непонимающе уставился на Ладу, из-за спины которой на него украдкой смотрели две пары детских глаз, детишки явно что-то замыслили.

— Вверяю их в твои руки. Надеюсь, к концу дня ты сохранишь рассудок, — женщина невинно улыбнулась и ускорила шаг, чтобы присоединиться к остальной компании. Юный маг в панике хотел ухватиться за ускользящую руку, но тут схватили его самого. Деваться было некуда.

— Время возвращать долги, — девичья ладошка прервала запоздалую попытку бегства. Взяв юношу за руки с обеих сторон, близнецы сделали невозможным его дальнейшее сопротивление и потащили свою ценную добычу в ближайший переулок, в узком лабиринте которого скрылись вместе с рыдающим магом.

Стая мурашек пробежала по спине мечника. Маркус резко обернулся.

— Вам не показалось, что сейчас кто-то кричал? Истошно так.

— Тебе послышалось, Маркус. Просто послышалось, — уверенно произнесла Лада, из всех сил подавляя в себе непреодолимое желание рассмеяться во весь голос. Волибор

немного замедлил шаг, пытаясь унять нарастающий хохот, и лишь одна Марфа с присущим ей хладнокровием до конца отыгрывала свою роль. Роль невидящей и не слышащей. — Это, должно быть, стресс. Вот погуляешь по городу, вдохнёшь свежего воздуха, и непременно станет легче.

Маркус невпопад кивнул и через плечо всё озирался на странно опустевшую улицу. Сладости и воздушные шары подсказали ему, в чём дело.

— А где дети? Я уверен, что они были с нами.

Родители загадочно переглянулись.

— Могу лишь сказать, что у тебя отличный друг. Он лично вызвался погулять с детьми, чтобы дать тебе спокойно отдохнуть. Так что, считай это маленьким подарком.

Рыцарь недоверчиво покосился на Волибора.

— Ян и подарок мне? Что-то тут не сходится. Вы случайно тут мне лапшу на уши не вешаете? Да и как вам самим не страшно оставлять на Яна детей? На вашем месте я бы прямо сейчас начал вести поиски. Кто знает, на что он способен наедине с ними.

Старший сын О Де Фоль многозначительной хмыкнул и тут же вернул своему лицу каменное выражение.

— Ты беспокоишься за детей? Право, не стоит, — Маркус хотел было возразить, но Волибор резко сменил тему и взял младшенького под руку. Тот моментально вышел из себя, вовсе забыв про несчастного наримца.

— Лучше беспокойся за своего Мастера, — вполголоса озвучила невысказанную мысль мужа Лада. Кто знает, на что способны они наедине?

Глава 12

Весь день сопровождался нехарактерными для Ассаада удушливой духотой и зноем. Послеобеденное торжественное шествие началось от главных ворот и проходило мимо монумента Цавонеса, устремлённого в небо тремя парами серых крыльев, соединённых воедино широким столбом, что служил этим крыльям опорой. Здесь собравшиеся зрители внимали короткому приветствию главы города и смотрели сценические зарисовки местных артистов. Часовое мероприятие заканчивалось близ южных ворот — у мыса Небесного лебедя, последней станцией, куда ассаадовцы и их гости спускались с благоговейным волнением, наблюдая за посадкой нимфей.

Ярко-оранжевые бутоны, нижние лепестки которых соприкасались с освящённой накануне водой, служили защитным оберегом Ассааду и являлись символом удачи и милосердия. Раз в год на протяжении трёх-пяти дней люди наблюдали за цветением любимицы сказочных фей и богов. После чего садоводы бережно собирали семена кувшинки, чтобы украсить этими волшебными цветами следующий день независимости Ассаада.

Этот маленький ритуал, что не приносил денег как открытие лавки игрушек или быструю популярность как городские сценки, полюбился жителям больше всего за простоту, искренность, сопричастность и чувство единения.

Обыкновенные садоводы, врачи, учителя, стражи, швеи, пекари и других дел мастера — все они выполняли свою особую задачу. Но делали они это ради достижения одной цели — жить так, как им бы хотелось. Жить там, где им бы хотелось. Поэтому каждый год ассаадцы подходили к выбору семян, высадке и уходу за ростком с особой дотошностью и самоотдачей, боясь даже отдалённо повлиять на счастье людей, которое рождалось вместе с кувшинкой, культивировалось вместе с ней, крепло, чтобы дать жизнь новой кувшинке и возродиться вновь.

Они были кувшинками, а воды — их новыми горизонтами и возможностями.

Досмотрев высадку цветов из зимнего сада на лазурный берег, появившийся неизвестно откуда, Ян направился вниз с того холма, где находилась наибольшая часть Ассаада, вместе с семейством О Де Фоль, как и остальные многочисленные ассаадцы. Люди медленно продвигались вперёд, чтобы помолиться за счастье близких и родных.

— Я не поверю в сказки о том, что ты внезапно решил устроить мне внеплановый отдых и взял на себя обязанности няньки.

— Ты же помнишь, что у меня есть младшая сестра, верно? — с толикой сомнения поинтересовался Ян. Красноречивый взгляд Маркуса ответил за него. — Забудем.

— Вы пойдёте первыми, — прервал их разговор Волибор и стал тихо посвящать парней в суть местного обряда, — мы договорились со старейшинами. Как замолвите словечко перед Богами, нужно будет опуститься на колени, хлопнуть в ладоши пять раз и громко произнести слова благодарности: «Да будут прощены мои грехи и светлую тропу увижу впереди».

Ян скептически посмотрел на поползший вверх уголок губ Волибора, после чего обернулся на людей, стоявших позади них с закрытыми глазами и открытыми кверху ладонями. Никто из них не стремился пойти впереди них исполнять тот самый «обряд».

— Ты же не придумал это на ходу, чтобы отомстить Маркусу за еду? — с сомнением протянул Ян, наблюдая за реакцией старшего из братьев.

Что с младшим, что со старшим, расслабляться с ними было нельзя ни на секунду.

— Хотите прослыть перед ассаадцами полными невежами в такой важный для них день? Не позорьте род О Де Фоль, — возмутился тот.

— Я — Башзаг. Не думаю, что моя семья будет сильно огорчена, если я немного подведу их ожидания на свой счеёт. Не говоря уже о том, что они, вообще, об этом не узнают.

— Ян, Ян, Ян, — расстроено покачав головой, скорбным голосом едва слышно прошептал бывший рыцарь, — а я наивно полагал, что мы успели побрататься за последние дни. Верил, что могу называть тебя младшим братишкой.

Картинно пуская слезу и погружаясь в объятия жены, тихо посмеивающейся над развернувшейся «драмой», Волибор выпятил губы вперёд и недовольно топнул ножкой. Наблюдая за страданиями мужа, Лада снисходительно погладила его по голове и умоляюще посмотрела на парней.

— Пожалуйста, — произнесла одними губами девушка. — С меня керчэх.

Устало вздохнув, парни смиренно побрели к нимфеям.

— Только ради еды, — одновременно промычали юноши, с удивлением переглянувшись. Великие умы думали одинаково. Или голодные.

— Когда-нибудь еда доведёт нас до могилы. И, вероятно, раньше, чем мы предполагаем, — невесело заметил Ян.

— И кто первым падёт жертвой бездонного желудка? Скорее всего, я, — Маркус давно смирился с фактом, что он покинет этот свет от переедания раньше, чем падёт жертвой бессмысленных войн.

— Ты, — подтвердил его предположения Ян.

Вплотную подойдя к водной поверхности, юноши сделали всё так, как сказал им Волибор. Они закрыли глаза и низко наклонились к крупным бутонам. Помолившись за вкусный керчэх, приятели встали на колени, пять раз хлопнули в ладоши и произнесли покаянные слова. Повисла странная тишина, после чего раздался оглушительный хохот затесавшегося в рядах семьи предателя, подхваченный всеми присутствовавшими при этой сцене.

Зажмурив от стыда глаза — ему так хотелось оказаться в другом месте, в другое время, — Маркус затем резко распахнул их и стремительно направился к избранной жертве, поочерёдно сжимая и разжимая кулаки. Насмеявшись до боли в рёбрах от неожиданно удавшейся шалости, Волибор приоткрыл один глаз, чтобы проследить за братом, который неожиданно исчез из виду.

— Советую тебе ускориться. Кажется, Маркусу есть, что донести до тебя, — Лада насмешливо посмотрела на удачно скрывающегося в толпе двухметрового рыцаря, — или расплата настигнет тебя раньше, чем ты успеешь сказать «ох, чёрт».

— Ох, чёрт, — Волибор проследил за взглядом жены. Быстро поцеловав её в губы, он рванул в противоположную от берега сторону. — Спасибо, любимая!

— Будешь должен, — во всю хохоча, Лада со стороны наблюдала за быстро пронёсшимся Маркусом, — если вернёшься живым.

По другую сторону баррикад от победивших, побеждённый Ян, под неутрахающий аккомпанемент смешков и многочисленных повторений коронной фразы, проходил через

импровизированный коридор из жителей Ассаада. Дойдя до обуреваемых смехом людей, наримец спрятался за спинами оставшихся членов семьи О Де Фоль, сзади поторапливая их идти обратно в город.

Место, в которое забрели оторвавшиеся от толпы и семьи товарищи, привлекало прохладой и долгожданной тенью. Устроившись в дальнем углу заведения, Ян и Маркус пытались не привлекать внимания людей, только прибывших с южного мыса. Рядом с ними разношёрстная компания распивала охлажденный компот. Супружеская пара в годах, молодой парень, по внешнему виду чуть младше самого Яна, и бойкая девчонка, строящая глазки тому самому скромному парнишке.

— Можете меня поздравить, сегодня я спокойно выспался, не услышав ни одного чирикания птичек, — рыжеволосый паренёк мерно постукивал чайной ложкой о края стеклянной кружки, перемешивая осевшие на дне ягоды с душистым мёдом. Яркие кудряшки падали на его широкий лоб, наполовину прикрывая васильковые глаза.

— Так это не только у вас. Эти надоедливые существа начинают трещать под нашими окнами чуть ли не с четырёх утра, а тут я проснулся сам. Диву давался, не снится ли мне это чудо, — негодовал старик с батистовым платком на голове, ища подтверждение своим словам у сидящей напротив женщины. В руках её красовался бордовый веер, обрамлённый чёрными перьями и мерцающими бисеринками. Женщина согласно надула подведённые алым губы.

— Насколько же вы старые, что сами просыпаетесь утром, — еле слышно раздалось за спиной Маркуса, после чего он чуть сам не поперхнулся своим чаем с мёдом. Девочка быстро сменила тему. — Мне тут девчонки рассказали, что их кошки походили с ума. Громко шипели на них, чтобы спасти своих хозяев. В общем, непонятные дела творятся.

— Наш скот тоже дёрганный какой-то. Может, ветер какой сильный будет?

Тишину первым прервал застенчивый кудряшка, неосторожными словами приводя собравшуюся компанию в задумчивое оцепенение.

— Вы знаете, что в первую очередь именно животные чувствуют надвигающую опасность? Возможно, нам стоит прислушаться к ним.

— Наговоришь тут, — сердито шикнула обладательница роковых алых губ, кружевным веером ударяя по пышным волосам мальчишки. — Сегодня не только великий праздник для Ассаада, но и отличный шанс подзаработать для мелких торговцев. Прекрасная возможность впихнуть вновь прибывшим гостям местные сувениры, так что не спроваживай раньше времени моих покупателей.

— Я ничего и не говорю, просто предупреждаю, — кудряшка неловко замахал руками перед собой. — Просто что-то подсказывает мне, что лучше наведаться на континент.

Встав из-за круглого стола, незнакомец направился к выходу, помахав приятелям на прощанье. Дойдя до входной двери, юноша развернулся.

— Я быстро, только туда и обратно. Завтра буду с новостями. А вы меня пока дождитесь, хорошо? Только не оставляйте меня.

Женщина откинулась на спинку стула, помахивая веером.

— Я специально приготовлю твои любимые розочки и раздам всей округе, не оставив тебе ни одной. Если приедешь завтра до полудня, может, и успеешь оторвать кусочек.

— Вас понял, — рассмеялся юноша, стирая с лица воображаемый пот.

— Привези мне что-нибудь с большой земли, хлопчик, — замельтешил старичок.

— И мне, — скромно добавила девочка.

— Хорошо. Удачного дня, — склонившись в глубоком поклоне, кудряшка вышел на улицу, оставляя горожан в прохладной тени.

Оставшиеся товарищи помахали ему рукой на прощание, тщательно изображая на лицах спокойствие. Стоило молодому человеку полностью скрыться из виду, как ворчливая женщина резко выпорхнула из-за стола, своими неаккуратными движениями опрокинув ароматный напиток. Сидящий рядом мужчина успел вовремя отодвинуться, спасая свои светлые штаны от тёмного пятна.

— Ты чего это спокойно расселся? Не слышал, что ли, что я собираюсь испечь на завтра розочки?

— Слышал, — совсем тихо произнёс тот.

— Так чего ждёшь? Руки в ноги и вперёд, мы уже опаздываем. У меня даже тесто не замешено. Помогать будешь.

— Но я в готовке ничего не смыслю.

— Зато знаешь, как вкусно поесть. Вставай!

Невысокий мужчина неохотно встал. Слова жены были законом.

— А ты чего, не собираешься помогать? — широко растопырив веер, «главарь банды» обратилась к девчонке, что успела заметно приуныть.

— А мне можно?

— Нужно, — усмехнулась хозяйка булочной. Глазки девчонки тут же сверкнули озорством и счастьем. Крикнув слова благодарности хозяевам заведения, небольшая компания выдвинулась навстречу долгому трудовому дню.

Маркус с Яном тихо поглощали заказанные блинчики с лесными ягодами и орехами, рассеянно наблюдая за сценкой, свидетелями которой они стали. И всё же сладкое удовольствие из трепетно просеянной муки и куриных яиц больше занимало их незамысловатые умы.

— А где мои розочки? — запихнув в рот кусок побольше, рыцарь разом съел оставшееся лакомство. Хищный взгляд северянина не ускользнул от Яна, поэтому он отодвинул свою порцию подальше от загребущих рук.

— Ты и так съедаешь всё, что красиво и не очень лежит на моей тарелке. Про твою я тактично промолчу, — на что Маркус обиженно фыркнул. — Кто и должен что-то сейчас готовить, так это ты.

— Чтобы я пустил в ход свои непревзойдённые кулинарные способности, люди должны это заслужить. С чего бы мне работать за бесплатно?

— Поверь, у тебя есть более чем просто повод. Возможно, даже желание отблагодарить.

— Я, конечно, могу отблагодарить тебя за то, что по пути в Ассаад твоё тельце не развалилось пополам, но и этим ты обязан мне. Так где же твоя благодарность?

— Ты благополучно спасал нас от того, во что сам и втягивал. Я — единственный, кто должен требовать возмещения морального ущерба.

Маркус неуверенно уставился на Яна, после глупо улыбнулся. Ответить было нечем, наримец был прав.

— Какие у тебя, говоришь, предпочтения в еде? — хохотнул рыцарь, а увидев медленно вытягивающееся лицо мага, уже не сдерживаясь, залился смехом. Ян рассмеялся в ответ.

* * *

Роскошные яства на больших блюдах расходились по вытянутым вперёд рукам, по пути

заметно теряя в весе. Манты на пару давно пали смертью храбрых, передавая быструю эстафету запечённым баклажанам, сверху смазанным маслом с травами. От горячих гренок с чесноком остался только едва уловимый запах и слегка подгорелая крошка от хлебной корочки. Тёплое какао и кисло-сладкий клюквенный сок, оставленные под дверью каждого дома в качестве маленького подарка от гостей Асаада, что справляли важный праздник для Асаада вместе с ними и решили этим скромным подношением порадовать жителей нового государства за их настойчивость, понемногу усыпляли детей и стариков.

Праздник тихо близился к завершению.

— Что делаем с оставшейся едой? — поинтересовался Ян, собирая со стола грязные тарелки. Близнецы мялись около наримца, не зная, чем помочь.

— Оставь это дело нам, — уверила его Лада, забрав у него белые блюда. — Лучше выведай, что эти дьяволята замышляют. Уже полчаса как они не спускают с тебя взгляд.

Оглянувшись через правое плечо, юноша внимательно посмотрел на их вопрошающие мордочки. Им нужна была его помощь. Самым забавным было то, что им требовалась помощь от того, кого они до дрожи в коленках боялись, но при этом к кому так самозабвенно тянулись.

Ободряюще кивнув в сторону лестницы, Ян наблюдал давно забытую, но до боли в сердце знакомую картину. Дети воодушевлённо побежали вверх, не пытаясь скрыть рвущиеся наружу чувства волнующего предвкушения и искреннего восторга. Маг невольно улыбнулся и послушно последовал за ними. В кои-то веки он также становился причастен к их тайной договорённости.

Время возвращать долги.

Пока эта троица из двух детишек и Яна готовилась совершить опасный трюк, Волибор с Маркусом подкидывали дрова в печь, затапливая на всех баню. После брата неспешно залили ледяную воду в широкие бочки, оставили дубовые веники отмокать в металлическом тазике и вышли в вечернюю прохладу, убедившись, что воздух в бане медленно начал прогреваться.

— Как тебе в нашем небольшом гнёздышке? Согласись, вполне неплохо.

— Любой прогнивший сарай покажется лучше того места, — процедил сквозь зубы Маркус.

— Это не то, что я имел в виду, — уголки губ дрогнули. Волибор посмотрел на носы свободной обуви. Быстро остыв, младший устало вздохнул. Годы жизни в одиночестве сказались и на нём. Не таким он хотел предстать перед своими родными.

— Неплохо, — спустя какое-то время отозвался он. — Вполне можно спокойно жить.

Волибор счастливо просиял. Блеск в глазах вновь заискрился.

— О чём я и говорю! Может, дом и не слишком большой, но ориентироваться в разы легче. Да и соседи гостеприимные. Время от времени приглашают на совместные посиделки. У них даже есть собака, совсем как у нас в детстве, — на последнем слове осёкся, заметив в брате резкую перемену. Опять напортачил.

— Видел. Совсем как у нас в детстве, — повторно взглянув на аккуратный дом, из окон которого лился тёплый свет, освещая короткую тропинку до крыльца, Маркус слабо улыбнулся. — Словно давняя мечта стала явью.

Прямо посмотрев на Волибора, мечник, словно впервые за всё это долгое время заговорил:

— Понимающая жена, дети, дом. Ты заслужил это. И я рад, что ты обрёл это счастье,

честно. Тебе пришлось тяжелее нас. Ты один отдувался за всех, хотя сердцем ненавидел это сильнее всех. Сейчас я могу это понять, — медленно идя по каменистой тропинке, рыцарь вполголоса добавил: — Береги это. Я тоже помогу.

— Этот дом был построен не только для нас, понимаешь? — не отставал Волибор. — В нём есть место специально для тебя, веришь? Хотя мама и не говорит, но в ожидании тебя она каждый день отрывала листок календаря и трепетно складывала их все в маленькую коробочку под кроватью. Жаль только, коробка оказалась слишком мала, и приходилось время от времени докупать новую.

На первом этаже семья успела усесться на большом диване, прижимаясь ближе друг к другу, делясь живым теплом. Заприметив стоящих в отдалении сыновей, Марфа не раздумывая встала с насиженного места и приоткрыла стеклянные окна.

— Зайдите внутрь ненадолго. Вас кое-что ожидает.

Нежно улыбнувшись, женщина поманила руками своих детей и отступила на несколько шагов в сторону, давая им возможность разглядеть разворачивающуюся картину. Полея и Лелик неловко потянули Яна за одежды, заставляя того наклониться, и прошептали ему на ухо забавное предложение. Тот со смехом отверг его, вводя детей в плохое настроение и после вызволяя их оттуда. Всё же с тех пор, когда ему приходилось присматривать за маленькими детьми прошло немало времени.

— Но в этот раз нам больше ни к чему отсчитывать дни, верно? — почти умоляюще спросил Волибор, мысленно возвращаясь в злосчастный дом, где отсутствие одного-единственного человека огромной пропастью навек разделило остатки расплзающейся по швам семейной жизни.

— Ни к чему, — эхом повторил Маркус. Хватит ему страдать по прошлому, которое не изменить. Пришло время обратить внимание на настоящее, что стоит совсем рядом.

Волибор, боясь спугнуть, наконец-то, возвратившегося брата, прошмыгнул вперёд, отводя покрасневшие глаза, и говоря:

— Не будем же заставлять их более ждать, — на что рыцарь согласно кивнул.

Прикрыв за собой дверь, Маркус поймал на себе загадочные взгляды всего семейства. Лада с Марфой смешливо переглянулись.

— Тебя никак не дождёшься, — устало пробурчал Ян, подталкиваемый настойчивыми детьми, которые ещё не провалились в сладкий сон. Подойдя вплотную к другу, он незаметно прошептал. — Готовься получить по заслугам.

Маркус непонимающе перевёл взгляд с Мастера на остальных собравшихся. Ян аккуратно обошёл двухметровое создание и слегка пнул того под колени, вынуждая упасть на пол. Из него готовы были полезть не самые красивые словечки, но он был вовремя остановлен требовательным жестом.

— Закрой глаза, — скомандовал наримец, увидев надвигающихся на Маркуса близнецов. — Время возвращения долгов.

— Разве ты не успел намучиться за нас двоих? — рыцарь хотел встать, но тут же был припечатан обратно к полу старшим братом, что вызвало лёгкий смешок мага.

— О нет, свою долю ты отработаешь сам, — злорадно съязвил Ян.

Лелик и Полея устрашающе приближались, шаг за шагом сокращая и без того небольшое расстояние. Тёмно-зелёные полузакрытые глазки поглощали весь свет. У обоих руки были убраны за спины, пряча там предмет будущих пыток. Не желая более терзать себя, Маркус плотно сомкнул глаза, готовясь к худшему. Прошло несколько секунд, и внешней стороны

ладони коснулось что-то ледяное, а следом за ним прошёлся прочный шнур. Рыцаря охватило любопытство. Медленно приоткрыв веки, Маркус уставился на оставленный в его руках предмет. Дыхание тут же перехватило.

Средней длины темляк цвета хвои и зелёного мха. Материал приятный на ощупь и приспособленный к долгой носке. Плетение змейка, на конце закреплена бронзовая бусина в виде треугольного щита. Аксессуар выполнен слегка криво, но на удивление крепко. Только теперь посмотрев на рядом стоящего Яна, в руке которого красиво умещался подобный же предмет, разницу в котором составляла лишь темлячная бусина, что напоминала позолоченный шлем, рыцарь обомлел.

— Подарок от детей и Яна, — Лада мягко подхватила на руки полусонную Полею, что буквально валилась с ног от усталости. — Увидев твой меч, детишки подумали, что он выглядит чересчур одиноким, поэтому и решили смастерить ему напарника. Надеюсь, тебе придётся по вкусу этот маленький сюрприз.

— Ян помог им с выбором шнурка и научил разным видам плетения. Бусины они выбирали сами, основываясь на рекомендациях продавца. Половину стоимости оплатили сами, с другой им помог Ян, — Волибор потрепал слегка кудрявые волосы Лелика, что обхватывал маленькими ручками ноги отца. — О свойствах бусин тебе подробнее расскажет Ян.

Маркус продолжал ошеломлённо стоять на коленях, не в силах проронить ни слова. Супружеская пара засмеялась.

— Уже поздно, пора укладывать детей спать. Завтра их отблаговаришь.

Тихо поднимаясь по лестнице, молодые родители держали в крепких объятиях притихших детей, что продолжали следить за эмоциями, отражавшимися на лице новоприобретённого дяди. Дяди, хоть и не появлявшегося до этого в их жизни, но запавшего в их сердца по рассказам отца и бабушки.

Поймав немигающие взгляды детей, рыцарь чётко прошептал губами «спасибо» и насмешливо улыбнулся, увидев, как два личика просияли в ответ. Хоть он и не появлялся до этого в их жизни, они запали в его сердце с письмами надоедливой брата и вечно суетящейся Марфы.

— Нам всем пора ложиться спать. День был долгим и насыщенным, — подытожила глава семьи, что издавека наблюдала за такой редкой семейной идиллией. — Ваши комнаты уже готовы. Не забудьте закрыть окна перед сном. Ночной воздух может быть обманчиво тёплым.

Пожелав всем спокойной ночи, женщина неторопливо подошла к открытому окну. Уставшее за день солнце скрылось за горизонтом, напоследок окрасив маленький остров в сочные цвета пурпурного зарева. Казалось, весь мир замер, и только тихие звёзды, что смиренно наблюдали за жизнью мирных поселенцев, сегодня горели ярче пылающего солнца.

Женщина затворила окно.

Глава 13

Сигнальный набат прозвучал как гром среди ясного неба, непрерывно отбивая непрекращающийся ритм во внутренние стенки колокола. Тревожный звон ночным кошмаром долетал до охваченных страхом ассадцев.

В первую очередь, пали овечьи пастбища, засеянные луга, рощи и леса. Легко воспламеняющиеся злаковые культуры по ветру передавали огненную эстафету, направляя её в сторону города. Следующей жертвой огня стали точки сбыта продовольственных товаров, что находились вблизи высоких деревьев.

Город накрывала паника.

Пустынные улицы заволочло едким дымом. Звёзды, скрытые тяжким смогом, отчаянно пробивались сквозь его завесу, своим тусклым светом пытаясь разбудить крепко спящих жителей молодого государства.

— Почему никто не просыпается? Дети открывают глаза на секунду и тут же проваливаются в сон, — обеспокоенно протараторил Ян, держа на руках близняшек. Сердце бешено билось.

Картина снаружи походила на страшные байки, которые рассказывают детям, дабы предостеречь их от игры со спичками без ведома взрослых. Но то были выдуманные истории, здесь же ситуация была реальной и оттого особенно пугающей.

— Они подсыпали что-то в какао, — после минутной заминки прошипел Маркус. Злобный оскал заиграл на бесстрастном лице. — Не зря взрослые учат не принимать ничего от незнакомых людей.

— Пожилые тоже без сознания, — добавил Ян.

— А им-то что дали? Явно не леденец на палочке. Какого чёрта они требуют того, что сами не в состоянии выполнить? — разъярённо выпалил Маркус, сокрушаясь в праведном гневе. — Где остальные?

— Выбежали на улицу, пытаюсь потушить отдельные очаги возгорания и отвести людей в безопасное место.

— Простые люди не смогут это сделать. Здесь нужны маги воды, огня, воздуха — не важно. Надо найти Марфу, она знает, что надо будет сделать.

— Ты же знаешь, что это будет нелегко — заставить магов раскрыть их способности. Каждый оказался здесь, так как боялся себя, общества и их расправы.

— Ян, в своё время они нуждались в Ассаде. Сейчас Ассаад нуждается в них, — раздраженно проговорил Маркус, стараясь быстрее перейти к более насущной теме. — Те, кто в состоянии самостоятельно потушить свои дома, пусть занимаются этим. Сейчас наша задача собрать всех магов и попытаться спасти остатки города.

— Дети. Что с ними делать?

— Оставайся с ними. Я больше никому здесь не могу довериться, — удобнее затягивая ремешки на кожаных наручах, мечник проверил наличие в них потайных клинков. Надейся на лучшее, готовься к худшему. — Пока оставайтесь на месте. Скоро буду.

* * *

Приближаясь к центру города, Маркус издали заметил небольшое скопление

военных во главе с лидером Ассаада, раздающим краткие распоряжения. По правую руку от группы военных в испачканной пеплом одежде стояла Марфа О Де Фоль. Янтарные глаза сканировали собравшихся людей, видя в них отражение её собственного бесстрашия и решимости защищать родные земли.

Прошло немного времени с тех пор, как многие ассаадцы переселились в здешние края. Чувствуя себя первопроходцами, они заново осваивали ремёсла, что на большом континенте являлось привычным делом. Северяне вкладывали сердце и душу в каждый уголок нового для них мирного места, как если бы они жили здесь всю свою жизнь.

В эти трудные для их семьи и всех жителей острова времена Марфа всё больше убеждалась в искренности и человечности людей, сплочённых одной идеей — построить место, где можно было бы жить спокойно, оставаясь собой и не притворяясь в угоду другим. Не бояться быть разлучёнными с семьями, проклиная себя за слабохарактерность перед Высшими. Камешек за камешком закладывая крепкую основу для расцветшего не по годам государства, Марфа верила, что их труды не были напрасны. Это стоило тех страданий, что выпали на семью О Де Фоль.

Собираясь сойти с невысокого пьедестала, Марфа прямо перед собой увидела предложенную ей руку с огрубевшей кожей, покрытую твёрдой коркой мозолей и потёртостей. Облачённый в вороненую кольчужную рубаху, Маркус помог женщине спуститься вниз. Быстро пряча руку за спину и демонстрируя, тем самым, явное желание избежать дальнейших соприкосновений, рыцарь слегка склонил голову и вновь выпрямился.

— Трудоспособные тушат пожары и осматривают дома на наличие оставшихся в них людей или домашних животных. Стражники отводят детей и стариков в подземные укрытия, — привычно отрапортовал мечник, словно вовсе и не покидал военный пост. Проигнорировав не к месту посетившие его мысли, младший О Де Фоль ближе придвинулся к женщине и едва слышно высказал худшие опасения. — Марфа, у нас проблемы. На незащищённых окраинах мы несём большие потери. И это не просто сгоревшие здания. Кто-то целенаправленно избавляется от здешних магов. Словно только и ждали удобного момента. Я приставил по несколько стражников к каждому магу. У нас завелись крысы.

Чёрный смог быстро распространялся по городу, делая всё вокруг неразличимым. В воздухе веяло жаром и отчаянием.

— Нас хотят загнать в ловушку. Город горит, жителей убивают в суматохе, а преступники скрываются среди нас. Мерзавцы. Ослабим бдительность, и весь Ассаад падёт. Надо вывести людей в безопасное место. Лучше за пределы Ассаада. Здесь игра в одни ворота, — слова давались Марфе нелегко. Тяжело наблюдать за гибелью народа, который своими же руками и создал этот мир. — Не своди глаз с магов. Идёт борьба за магические ресурсы. Если проиграем, умрём все. Также надо выследить отряд лазутчиков. Они дышат нам в спину. Доверяю это тебе.

— Понял.

* * *

Из толпы донёсся знакомый громкий окрик.

— Маркус! — Волибор взглядом выцепил высокую фигуру. — Внутри двое детей на втором этаже. Две двери друг напротив друга в начале коридора. Я зайду в левую, ты в правую.

Пока обезумевшие родители пребывали в паническом состоянии, не растерявшиеся

соседи окатили братьев ледяной водой из ближайшего колодца. Вбежав в полыхающее здание братья бок о бок быстро продвигались вперёд, готовые в случае необходимости прийти друг другу на помощь. Путь наверх не занял много времени, и вот уже Волибор с маленькой девочкой на руках вышел из комнаты, как вдруг из соседней комнаты послышался истошный крик.

— Я не уйду без своего котика, — в слезах умоляла сестра-близнец, с каждым вздохом заглатывая всё больше дыма. В глазах плескался панический страх за любимца семьи, который хоть и приносил неудобства своим наглым поведением, но всегда находился рядом. В моменты грусти, утыкаясь мокрым носиком в прикрытое ладошками лицо.

Перед глазами Маркуса возник образ Дугласа, до последнего стука сердца защищавшего своих хозяев.

Случись это во времена его одиноких странствий, Маркус не задумываясь вышел бы из дома с девочкой и ушёл прочь, равнодушный к чужим утратам. Однако, познакомившись с Яном и Соней, поглубже узнав их и то, как они справлялись с жизненными испытаниями, не игнорируя их, а с доблестью встречая лицом к лицу, Маркус с треском разорвал рубаху, прижимая мокрый лоскут ткани к лицу девочки.

— Где твоя несчастная животина? — грубо схватив под подмышки, вынес малышку из комнаты, на лестнице сталкиваясь с другими уцелевшими.

— Когда ему страшно, Миркл забирается на самый верх шкафа в кухне.

— Хочешь, я куплю тебе нового кота? Лучше старого? Лично натренирую и обучу всем командам.

— Миркл! — Девичий визг неприятно бил по ушам. Едкий дым мерцающими звездочками вставал перед глазами.

На полпути к входной двери, Маркус, не слушая угроз Волибора, кинул ему в руки ребёнка и развернулся в сторону гостиной, гадая, где в этом огненном кошмаре может находиться кухня и затесавшийся в ней клубок шерсти.

— Миркл, если ты сам мне в руки сейчас не прыгнешь, клянусь спихнуть смерть твоей тушки на случайно упавшую горящую доску, — с левой стороны от гостиной послышалось недовольное шипение. — Нашёлся, родненький.

Высота кухонных шкафов не вызвала затруднений — спасибо невысоким родителям девочек. Затруднения вызвал хищный оскал опалевшего от ужаса животного. Выставленные вперед когти оставили на поверхности дерева заметные следы, пролегающие поперёк резного узора. Стоящая дыбом шерсть кричала об очевидном страхе и агрессии. И если бы незнакомцу взбрела в голову сомнительная идея приласкать домашнего питомца, то ему пришлось бы столкнуться с яростным сопротивлением.

Стоило Маркусу потянуть руки в сторону кота, как он начал активнее царапать и шипеть на рыцаря, рассекая цепкими когтями горячую кожу. Густая кровь моментально выступила между ровно очерченными краями пореза. Вместе с алой каплей, скатившейся со сжатых пальцев на тумбу, плохо сохраняемое терпение рыцаря быстро выходило из тихих вод, обрушивая порывистые волны на строптивное животное. Обездвижив четвероное одним резким ударом, мечник подхватил кота на руки, тесно прижав его к себе.

Порывистое движения не укрылось от зоркого взора пламени. Здание предостерегающе зашипело, прежде чем перегоревшими досками свалиться на первый этаж. Волны раскалённого дыма хлынули в скривившееся лицо, вызывая приступы головокружения. Чистого воздуха с каждой секундой становилась всё меньше. Тело опасно накренилось,

припадая правым боком к деревянной столешнице.

Скорчившись от жгучей боли, плавно расползающейся выше по бедру, Маркус бросил взгляд на маячащее перед ним окно. Это была далеко не лучшая идея, но главный вход с девяностопроцентной вероятностью завалило обломками дома, да и нешуточно растущая температура, при которой мокрая насквозь одежда высохла, стоило рыцарю войти в дом, уносило стремительно уплывающее сознание далеко за пределы наземной жизни. Медлить было нельзя.

Встав на ватные ноги и намотав на кулак валявшуюся на столе тряпку, Маркус одним ударом выбил оконное стекло, отшатнувшись от резкого прилива проникающего внутрь воздуха. Танцующий огонь одобрительно отозвался, будто радуясь возвращению старой подруги, и с пушим восторгом перескакивал с одного предмета мебели на другой, превращая некогда спокойную обитель в сгустки головешек и дыма.

Перед глазами все поплыло, и чтобы спасти хотя бы кота, Маркус собрал остатки сил в мощный бросок, перекидывая животное за пределы дома.

Захлебываясь в собственной беспомощности, тело отказывалось подчиняться настоятельным приказам. Рыцарь камнем свалился на чёрный пол. Слыша за окном обеспокоенные крики девочки и проклинающего его на чём белый свет стоит брата, северянин запоздало усмехнулся. Ядовитый чад мешал видеть, дышать, что означало скорейшее превращение ранее прекрасного поместья в руины. Устало прикрыв глаза, Маркус неспешно начал отсчитывать в голове цифры от десяти до одного. Острая нехватка воздуха и удушающий жар в любом случае скоро сделают своё дело, да и думать о незапланированной кончине в доме неизвестных людей, что завели себе неблагодарного кота, не доставляло особого удовольствия.

Постоянно возникающие в голове мысли о родительском доме, об оставленных им Марфе и брате не давали покоя. Ян, случайным образом втянутый в семейные дела, заслуживал гораздо большего, чем неумелого на честные разговоры рыцаря, который покидал Мастера спустя чуть более месяц со дня клятвы. Запоздалые сожаления роились в голове, заставляя в последние секунды посмотреть на свою жизнь по-другому. Но было уже слишком поздно, и Маркусу ничего не оставалось, кроме как пожелать им долгой и счастливой жизни в качестве награды за их бесконечное терпение по отношению к бестолковому и эгоцентричному молодому человеку.

Дойдя до круглых чисел и окончательно теряя связь с окружающим миром, Маркус почувствовал прохладное прикосновение огрубевших рук. Неизвестный не церемонясь перекинул двухметровое тело через плечо, как если бы бездвижная ноша была не тяжелее пёрышка, и выбрался через разбитое окно наружу. Мечника тут же окунуло в приятную прохладу. Выбравшись из дома, спаситель медленно переложил рыцаря на землю. Как сквозь туман, Маркус слышал тихие пререкания людей — гневные реплики Волибора и извиняющиеся и благодарные — родителей, прежде чем тонкий заплаканный голос дочери одним словом не прекратил их споры. И наступила тишина.

Следующее мгновение, если бы Маркусу была дана возможность описать состояние собственного тела, отдалённо напоминало лёгкое соприкосновение чистой распаренной кожи с нежнейшим шёлком, что не найти на просторах Панпуга. Лёгкое прикосновение нежно, сантиметр за сантиметром, скользнуло по измазанному сажей лицу, спустилось к расслабленному торсу и обволокло покалывающей прохладой огрубевшие ступни. Каждая клеточка тела отзывалась на ласковые прикосновения, восполняя недостающие ему

элементы. Подобно остывающей лаве, тело медленно обрело свою обычную температуру, а вместе с ней возвращалась и ясность ума.

С трудом разлепив веки, младший О Де Фоль, не веря своим глазам, уставился на поблёскивающую водную оболочку, повторяющую изгибы его тела. Стоило ему нечаянно раскрыть рот, как маленькие пузырьки устремились вверх, пока звонко не лопнули, соприкасаясь с внешним воздухом. Когда он вытянул перед собой руку, оболочка исказилась, повторив изменившийся контур, но продолжала бережно охранять содержимое внутри неё.

Слева от мечника на коленях стояла та маленькая девочка, которая недавно в слезах умоляла спасти невинное животное, не вовремя решившее спрятаться в закоулках кухни. Сгорбившись и крепко зажмурив глаза, девочка быстро нашёптывала себе под нос лишь ей известную мантру. Покрасневший носик слегка подёргивался от частых всхлипываний, девочка-маг поспешно вытирала его трясущимися пальцами и вновь продолжала свой ритуал. Отдав должное непоколебимому её упорству, Маркус кончиками пальцев коснулся девичьих коленок, пытаясь успокаивающими движениями похлопать по ним.

Раз. Два. Три.

На четвёртый раз ребёнок раскрыл налитые крупными слезами глаза, различая перед собой лишь расплывающийся мир. Сморгнув пелену, она увидела перед собой лучезарно улыбающегося мечника, который смотрел ей прямо в глаза. Благодарность наравне с весельем плескались в его взгляде, подтверждая его стабилизирующееся состояние. Мечник показывал жестами, что ему намного лучше и можно выпустить его из защитной капсулы. Девочка стиснула кулачки и зарыдала с новой силой. Хрупкие плечи тесно вжались в тельце, сотрясаясь от мыслей о том, что спаситель её кота мог погибнуть. По её же вине.

Водная оболочка медленно опала, царапая горло глотками чистого воздуха. Первый вдох оказался провальной попыткой, застрявшей в лёгких тяжёлым кашлем. Сплюнув осевший комок гари, Маркус приподнялся на локтях, оглядывая обстановку вокруг. От догорающего дома остались лишь руины и воспоминания его жильцов. Ну и ещё дикий кот, не отходивший ни на шаг от своей хозяйки.

Позади послышался мерный шорох. Длинная тень легла на рыцаря. Медленно разворачиваясь навстречу грядущей расправе и готовясь честными и нечестными путями защищать свою честь, Маркус глубоко вздохнул. Волибор схватил младшего в охапку, всего на секунду, прежде чем за шиворот поднять грузное тело, до боли впиваясь в крепкое плечо.

— Напомни, в какой это момент ты возомнил себя достойным пошатнуть иерархию в нашей семье по предоставлению проблем на голову матушки? За почётное первое место, занимаемое моими ангелочками, никто не посмеет бороться. А уж второе закреплено за мной. Не смей посягать на недостижимое, малыш.

Маркус многозначительно хмыкнул.

— Как говорится, запретный плод сладок.

— Достичь того же результата можно другими способами. Вместо одного — разрушающего, выбери путь со множеством задач, но созидающих. Разрушать могут все, восстанавливать — единицы, — слегка гнусавый голос брата разрезал воздух, пальцы его мелко дрожали. — Я наивно полагал, что твоё «путешествие» разложит в твоей голове все по местам, но оказалось, оно напрочь вышибло остатки ума. Если бы не эта храбрая девочка, ты бы уже давно стал удобрением для растений.

Мельком взглянув на порядком измотанную от использования магии девочку, Маркус по очереди пристально взгляделся в её уставшее личико и прильнувшего к ней пятнистого

кота. Хищно улыбнувшись, мечник плавной походкой направился к несчастной парочке и легко присел на корточки. Кот сильнее прижался к хозяйке, мокрый носик опасно подрагивал. Своего спасителя он так и не признал.

— Это недоразумение уже разрешено, не правда ли, Миркл?

Кот злобно зашипел, Маркус довольно улыбнулся.

— Раз уж мы заговорили о детях, где мои? — обеспокоенно поинтересовался Волибор, на секунду позабыв, что помимо несносного брата, который ни капли не заботился о собственной жизни, у него есть более напрягающий дуэт.

— С Яном.

— Хорошо. Я доверяю ему, как своему родному брату.

— У тебя уже есть один родной брат, если, конечно, на старости лет тебя не начала подводить память.

— О чём я несказанно жалею, — Маркус обвиняюще покосился на старшего, — конечно же, о памяти. Если на чистоту, за что жизнь наградила меня таким чудом? Оно, пожалуй, слишком драгоценно для меня.

Маркус выжидательно посмотрел на старшего, прося того быстрее переходить к сути дела, а не напрасно обливать уши пустыми словами.

— Ты, мелочь, — вздыбился тот, — пока не дорос называть меня братом. Вот когда мы скрестим клинки, и я вчистую тебя уделаю, тогда и вернёмся к этому разговору. Надеюсь, к тому времени ты не откинешь коньки, уж будь добр. Ибо в следующий раз не обещаю, что буду готов выволакивать твою брентную тушку из горящего костра.

— Аналогичная просьба. Иначе мне в дальнейшем как единственному наследнику придётся нянчиться с твоими детьми. А ты знаешь, как я в этом деле мастерски подкован.

По спине Волибора мгновенно пробежало стадо холодных мурашек.

— Не смей так шутить. Двоюродная тётушка до сих пор вздрагивает от малейшего упоминания твоей личности, а после закидывается тремя стопками настойки шиповника.

В прежние времена, когда Маркус ещё не преуспел в умении спроваживать по доброй или не совсем доброй воле не приглянувшихся ему Мастеров, прекрасная идея посетила голову тётушки Марты — дать Маркусу на воспитание парня-подростка в период бунта гормонов. С тех пор, прознав про исключительные методы закалки характера высоко в заснеженных горах путём предоставления этого подростка на волю судьбы с одним лишь кинжалом, с помощью которого и должна была добываться примитивная пища, жители Комешэха сошлись во мнении, что Маркуса отправлять можно лишь за смертью. И лучше бы только своей. Несчастный парень, потерявшись в северных лесах в первый же день, отделался только сильным заиканием, преследующим его и по сей день.

Доверять мечнику детей более никто не хотел.

— Выживу. Во чтобы то ни стало выживу.

— Это в твоих интересах, — предупредил Маркус, вставая на ноги. — Раз ты так беспокоишься о детях, то я пойду к Яну. Приведу их.

— Беги. И, Маркус, ты же знаешь, что я не всерьёз? — после минутного молчания произнёс Волибор. — Несмотря на все твои отклонения, из-за которых я бы с удовольствием от тебя отказался, ты всегда останешься моим противным братишкой. Сколько бы лет тебе не понадобилось, чтобы принять это.

— Сентиментальность тебе не к лицу, — густые брови изогнулись в лукавой насмешке. — Может, ещё в братской любви до гроба признаешься?

— Мелкий придурок, — Волибор звонко рассмеялся, с размаху хлопнув Маркуса по спине. — Доверяю детей тебе.

Кивнув, Маркус последний раз посмотрел на незнакомую семью на фоне догорающего дома, безмерно счастливую от одной простой мысли, что все их близкие находились рядом с ними. Живые и здоровые.

* * *

В кратчайшие сроки большая часть мирного населения была отведена в места, специально предусмотренные для использования в чрезвычайных ситуациях, поэтому в пылающем ужасе города виднелись в основном фигуры в форме городских стражников. Они вставали на защиту магов Ассаада, что могли противостоять расстилающемуся по земле огню.

Они были людьми, не побоявшимися отдать свои жизни за других.

В этой толпе людей метеоритом неслась двухметровая фигура. Мысленно развернув перед глазами карту города, Маркус промчался вдоль длинных заборов к семейному поместью О Де Фоль. Завернув за последний угол, мечник увидел страшную картину

Знакомый белый дом, что светил ярче закатного солнца, очаровывал сильнее полной луны, дарил больше тепла, чем все камины северного государства, сражался один на один со смертоносной стихией, что могла разом унести тысячи жизней.

Картина была устрашающей, потому что пылал родной дом.

На секунду позабыв о цели своих поисков, Маркус подошёл к обугленному крыльцу, сдерживая леденящий душу страх.

— Дядя! — из оцепенения его вывел истошный крик.

Это не был привычный укоризненный тон наримца. К ужасу рыцаря, гласом, вернувшим его к реальности, оказался надрывной плач близняшек. Два крохотных дрожащих комочка заливались слезами, оглушая несущего их Яна.

Вырвавшись из его стальных объятий, Лелик и Полея сломя голову помчались к родному человеку и судорожно вцепились в ободранные штаны Маркуса, лишая его возможности двигаться. Попытавшись сначала ласково достучаться до племянников, рыцарь встретил только большее сопротивление. Тогда он присел и, грубо взяв их подмышки, поднял на руки. Сорвавшие голоса дети тут же обвили ногами талию Маркуса, стиснув руками шею.

— Надо в центр, Лада уже там. Оставим детей ей и там встретимся с Марфой и Волибором, — скомандовал Маркус, быстро вводя Яна в курс дела. — По городу шастают лазутчики. Идём быстро, цепочкой. Всю остальную информацию узнаем в центре.

Добравшись до центра города, где небольшими группами перемещались солдаты, Маркус с Яном остановились перед трёхэтажным серым зданием. На месте крохотного садика стоял временный штаб. Солдаты, только подтянувшиеся с окраин Ассаада, докладывали последние новости командирам отряда, после чего особо срочные доходили до главнокомандующего.

Оставив наримца и детей за пределами внешнего круга, мечник прорвался внутрь, взглядом пригвоздив опешившего стража. Кратко спросив, где находится Марфа О Де Фоль, Маркус проскочил мимо ещё двух стражников и коротко постучал в дверь. Бесшумно открыв её, Маркус сразу обратил внимание на стоящего в стороне человека, впившегося взглядом в расстеленную на столе карту Ассаада.

В отличие от обычных карт, что были нарисованы на внутренней стороне главных ворот и городских стенах, данная карта была рабочей картой командира. Исписанная вдоль и поперёк, она быстро изменялась в зависимости от обстановки. Правки вносились сразу же, стоило местности поменять свой облик. Наиболее короткие пути, секретные пути, пути исчезновения, несколько разных укрытий, расположенных в разных частях города. Каждая тропинка, протекающий ручеёк или узкий тупик. Всё было отмечено и использовано.

Пока командиры строили планы, Маркус прошмыгнул к единственному среди присутствующих человеку, сохраняющему хладнокровие, и тихо встал подле.

— Ян с детьми стоят внизу. Ждём дальнейших указаний.

— Я уже отправила за Ладой.

Нескончаемый поток нескладной брани вылетал из уст командующих, с каждой плохой новостью становясь всё громче и язвительней. Страх перед неизвестностью, как бы они ни храбрились, сдавливал хрупкие черепашки, превращая некогда разумных людей в слепые создания. Человеческий фактор не был на их стороне.

— Волибор с отрядом разведчиков обследует территорию острова на наличие вражеских группировок, — тихо произнесла Марфа. — Эти глупцы надеются уйти живыми. Наивные ребята. Мы устроим им небольшой сюрприз, раз уж они решили прийти в наш дорогой город в качестве «незваных гостей».

Выйдя на улицу под завывающий шквал ветра, женщина посмотрела на пылающий горизонт Ассаада.

— Не так я хотела встретить любимого сына после долгого отсутствия. Но я рада, что мы успели увидеться. Хотя и при таких обстоятельствах.

Маркус посмотрел перед собой, встречаясь с тем редким искристым взглядом, который в последний раз он видел более десяти лет назад. Он привык видеть в глазах Марфы отчаяние, боль, ненависть и злость. Но не любовь. И всё же все невысказанные слова, недопонимания, что клубком наслаивались друг на друга годами, и страх причинить боль восстали вопреки разгорающемуся миру.

Дрожащие кончики пальцев невесомо прошли по лицу рыцаря, запоминая каждую его впадинку, каждый шрам, каждую родинку.

— Я виновата перед тобой, но надеюсь, что однажды и ты меня простишь, — прошептала Марфа, прежде чем скрыть ранимый образ матери и вновь облачиться в вождя, на которого можно было равняться, в предводителя, чьи слова и действия были бы достойны своего народа. — А теперь ступай, тебя ждут.

Марфа О Де Фоль, защитник Ассаада, мать двух сыновей, неподвижно стояла на месте, боясь упустить из виду отдаляющийся силуэт рыцаря, в коем текла родная кровь. Она не смогла спасти его в момент болезненной юности, но она могла спасти его сейчас, когда он нашёл якорь своей жизни.

В беготне испуганных людей, под крики и стенания горожан, под переворачивающую душу мелодию огня, Марфа О Де Фоль впервые молилась. Молилась несуществующему богу, чтобы он спас её детей от неминуемой смерти. Клялась, что возьмёт все их грехи на себя и будет этому только рада.

Ища в толпе солдат знакомые макушки, Маркус поклялся, что если выживет, то забудет все недомолвки и ссоры семьи. Он останется с родными до тех пор, пока Ян не позовёт его с собой в дальнейший путь. Он будет одаривать племянников всеми сладостями и подарками, каких они захотят. Он вновь начнёт рыбачить с Волибором, несмотря на то, что рыбак из

брата никудышный, и его шумный смех разряет всех рыб в округе. Он познакомится поближе с его женой, ведь он видит крепкую связь между ними.

И главное, он нежно, со страхом причинить ей малейшую боль, обвинит Марфу О Де Фоль. И впервые за много лет назовет её мамой.

* * *

Обойдя по периметру небольшую территорию, рыцарь нашёл знакомые лица у подножия молчаливого дерева вблизи временного штаба.

— У основания южного мыса находится ближайшее убежище, — первой отозвалась Лада, издали заметив приближающуюся фигуру. Времени оставалось всё меньше. — Отведём детей туда. Там же находится, по крайней мере, дюжина водных и огненных магов. Надо попытаться пройти мимо них незамеченными. Марфа сказала, что там сейчас идёт бой.

— Хорошо, — кивнул Маркус. — Сначала провожу, потом помогу с обороной города.

— Я пойду вместе с тобой, — вступил в разговор до этого молчавший Ян.

Он с трудом мог поверить в реальность происходящего и не был до конца уверен в том, что увидит утро следующего дня. Тихая жизнь в Нариме, словно протекала в другом измерении, не соприкасаясь с пугающей действительностью островного государства.

— Ты сможешь мне, если останешься с Ладой и детьми, — в этот раз мечник не кривил душой, не прикрывался от Яна многозначными фразами. Один из редких случаев, когда он доверял и предлагал ему самое ценное — свою семью.

— Понял, — дважды повторять не пришлось. До юноши дошла искренность рыцаря.

Взяв детей на руки и обернув мокрым пледом, Маркус вместе с Яном и Ладой выдвинулся в сторону укрытия. Быстро перебегая с места на место, мечник резко поднял руку, призывая команду остановиться. Неспешно продвигаясь вперёд мимо пепелищ, парни низко присели и начали сканировать периметр потерь.

Общее количество противников не превышало число ассаацев, но в отличие от них, враги были в прекрасной физической форме. Ещё в тот момент, когда по городу прошлась первая волна смуты, основной проблемой Ассаада был быстро распространяющийся огонь, что заживо сжигало усыпленных людей в клетке из собственных жилищ. Совместные оперативные действия ассаацев магов и солдат позволили минимизировать человеческие потери, но сейчас, когда поджог более не требовал особых вмешательств со стороны врага, и начал стихать, со стороны северных ворот на арену вышли вражеские войска, ожидавшие всё это время в засаде. Им не требовалось усилий, чтобы вызвать вспышку пожаров.

Разрушение по своей природе требует меньше затрат, чем созидание.

— Подпольные крысы решили выйти на свет, — гневный полурык завибрировал глубоко в гортани. Стиснутые на рукоятке меча пальцы готовы были устроить торжественное кровопролитие.

— Сначала дети. Надо отвести их в убежище, — остановила его Лада. — Прорываться сквозь них не получится. Надо будет идти в обход.

— Маркус, ты вступишь в бой и отвлечёшь на себя всеобщее внимание, а мы с Ладой и детьми попытаемся незаметно проскользнуть мимо врагов, — ненадолго стиснув плечо рыцаря, Ян переложил руки Лелика к себе на плечи. Лада проделала то же самое с дочерью. — Если сейчас им никто не поможет, убежище уже не спасёт никого.

Встав в полный рост, Ян и Лада повернули налево, уходя в тень немногочисленных зданий. Опомившись, Маркус схватил руку наримца и резко потянул на себя, на что Ян

болезненно шикнул и впился в него озлобленным взглядом.

— У нас нет времени. Вперёд, — махнув рукой в сторону битвы, Ян вырвался из стальной хватки.

Рыцарь, за которым по жизни тянулся кровавый след, впервые почувствовал на вкус парализующую разум панику, с ошеломляющей скоростью растекающуюся по венам.

— Мне страшно.

— Нам тоже, — решительно вышла Лада из-за спины Яна, — но мы достаточно храбры, чтобы перед лицом страха не забывать о самом важном. Ради кого и чего мы рискуем.

Сердце гулко отбивало яростные удары.

— Сейчас я не могу сдаться просто так. У меня есть семья. Я ещё должна встретиться с Волибором и провести тысячи дней, таких, как вчера или сегодня, когда мы по-детски ругаемся по пустякам и долго-долго миримся. У меня есть пара прекрасных детей — Лелик и Полея. Лелик обязательно вырастет достойным человеком и будет заниматься тем, что ему нравится, а не тем, что навяжет ему общество. Полея уготовано прекрасное будущее, и я жду, не дожусь, когда смогу поделиться с ней всей любовью этого мира и предоставить возможность мечтать и творить.

Слова со скоростью ветра вылетали из тонких уст.

— У меня есть я, которая хочет повидать этот мир на старости лет и рассказывать об увиденном своим внукам. Я, которая хочет жить. Проживать каждый день в этом отвратительном мире, в где тебя, полусонную, выволакивают из кровати и кричат, что Ассаад в огне. Даже в такие отвратные моменты я хочу жить.

Глаза горели слезами.

— И ты, Маркус О Де Фоль, сын Марфы О Де Фоль и брат Волибора О Де Фоль, будешь жить и продолжать сражаться. Ради себя. Ради семьи. Так вставай же на ноги и начни действовать. Бери меч и сражайся.

Лада была права. Каждое произнесённое ею слово выражало протест против бездействия против передачи жизни в руки случайной удачи. Ей было ради чего сражаться, и сейчас она, будучи безоружной, с ребенком на руках и не имея базовых навыков защиты и сопротивления, показывала завидное желание выжить наперекор всему. Серому кардиналу, что направил оружие на Ассаад. Пешкам в этой нешуточной игре, выполняющим за него грязную работу. И всепоглощающему страху, взывающему к первобытным инстинктам.

Собрав в охапку близких людей, Маркус поочередно поцеловал макушки племянников и напоследок взгляделся в лица дорогих сердцу людей. На волоске от нервного срыва, с нерешительностью и беспокойством в глазах, но всё ещё живых, не прекращающих борьбу с судьбой.

Расчихлив меч и удобно взяв за рукоять, Маркус повернулся к друзьям спиной, чувствуя их невидимую поддержку и готовность сражаться до последнего, и пошёл вперёд.

— Вам лучше добраться до убежища в сохранности, иначе камня на камне не оставлю, но доберусь до смельчака, что посмел напасть на Ассаад.

— Да прибудет с тобой богиня войны, — Ян с Ладой наблюдали за уверенным шагом мечника, пока, он не оказался в танце мечей.

Сконцентрировав всё внимание на своей персоне, Маркус умело лавировал в нескончаемом потоке воинов с обеих сторон, прочищая путь для Лады с детьми и Яна. Вспоминая человеческую гордыню, жадность и алчность, мечник направил всю накопленную злость в свой клинок, не оставляя врагам ни малейшего шанса на отступление.

Чаша весов медленно начала склоняться на сторону защитников города-государства, вынуждая врагов сменить тактику ближнего боя на дальний. Лучники, нашедшие укрытия в кирпичных и каменных зданиях, направили стрелы в очаги сражения, смертоносным градом сбивая собственных же людей, не ведая жалости ни к своим, ни к чужим. Подобно швейным куклам с бессчётными иглами, воткнутыми в них, защитники упорно продолжали защищать магов, прикрываясь деревянными щитами. Раскрывая местоположение пешек, ассаадцы, закончившие с распределением по укрытиям мирных жителей и отправившиеся на поиски преступников, врывались во вражеские временные убежища и с особой страстью лишали их жизни.

Дело начало принимать благоприятный для островитян оборот, и Ян с Ладой немного успокоились, как вдруг чистый звук летящей стрелы пронёсся мимо уха наримца. Он мгновенно отыскал взглядом впереди бегущую девушку, переходящую с осторожного бега на стремительный. Детские руки, с трудом державшиеся на шее Лады, медленно расслаблялись. Маленькое личико, прежде не смеющее закрывать глаза, коснулось тела матери. Жалобный плач донёсся до слуха взрослых, молившихся всем богам о скорейшем окончании этого кошмара наяву.

— Мама, больно, — проклятая стрела впиалась в основание шеи, проливая капельки крови на одежду Лады. Мертвой хваткой вцепившись в Полею, которая норовила выпасть из рук матери, девушка, не разбирая дороги, бежала вперёд, боясь упустить считанные секунды, что могли стоить семье О Де Фоль бесценной жизни.

— Девочка моя, скоро нам помогут. Осталось совсем чуть-чуть, — страх сковывал тело. Превозмогая надвигающийся приступ паники, что неотступно подкрадывался всё ближе, Лада раз за разом повторяла себе: «Вперёд, вперёд, вперёд. Не останавливайся, не останавливайся».

Лёгкие жгло раскаленным железом, голова медленно мутнела. Скрежет стали о сталь, хруст раздробленных костей, мученические стоны. Всё блекло, но перед глазами, подобно красному флагу, маячил хрупкий островок надежды в виде убежища.

Спасение было близко.

— Ещё немного, Полея. Мамочка скоро поможет. Ещё немного, — холодная тишина заполнила мир. — Полея, солнышко родное, отзовись. Доченька?

Остановившись посреди разверстого ада на земле, Лада трясущимися руками оторвала от себя безвольное тело. Глаза, что только сегодня с утра вымаливали у матери лишнее лакомство, были спокойно прикрыты. Тонкие руки, подобно двум надломленным колосьям ржи, развевающимся на слабом ветру, свисали по бокам.

Лада смотрела на орудие убийства, что так неправильно, неуместно выглядывало из-за ворота бордовой ночнушки, словно зная, что не имело права отбирать юную жизнь. Стрела, в отличие от своего бездушного хозяина, чьи мысли и действия не знали совести или страха, осознавала, какой непомерный грех она совершила. И, тем не менее, мёртвой хваткой удава вцепилась в бездыханное тело, не отпуская до последних кротких вздохов.

И мир сузился до одного клочка земли.

Присев, Лада медленно сокрыла тело девочки от порывистого ветра в своих объятиях, обращаясь с ней трепетно и нежно, как с тонкой ледяной корочкой на поверхности рек и озёр ранней зимой. Заправив за ухо выбившуюся прядь, мать убаюкивающими движениями медленно покачивалась назад и вперед, прижимаясь обескровленными губами к вспотевшему лбу девочки. Всхлипывая и тут же прикусывая внутреннюю часть щеки, мать

отказывалась поверить в свою утрату. Оторвавшись от лица девочки, Лада легко дотронулась дрожащими руками до спутавшихся волос, прошла по курносому носику, тонким бровям и уголкам глаз. Зелёных глаз. Её, Лады, глаз.

Совладав со слезами, мама Полеи подарила последнюю улыбку оставшейся навечно юной дочери, стремясь сохранить её светлый лик в уме.

— Хочешь, я спою тебе колыбельную? Эта колыбельная будет не простая, а волшебная. Все боли пройдут, а мечты станут явью. Больше не придётся бояться страшных таракашек. Ты сможешь кушать столько сладкого, сколько сможешь придумать. И самое главное, мы всегда будем с тобой. Твой братик, папа и я. Мы будем все вместе. Счастливы и здоровы. А это всего лишь дурной сон, что вскоре развеется с первыми лучами солнца. Позволь же мне спеть для тебя эту песню.

Протяжная мелодия, взывающая к милости плачущего ангела смерти у погребального костра, освещала золотистую ночь. Истерзанными нотами, переливами ласковых слов, глубинной тоской наполнилась душа матери. Она обращалась к улетевшей на юг синей птице, спрашивая, нашла ли голубка свое счастье. Молила белого кролика повернуть время вспять, намереваясь отдать ему за это собственную жизнь. Клялась обратиться во впавшего в зимнюю спячку медведя и отомстить за его непроснувшихся собратьев.

Слово за слово, куплет за куплетом, детская песенка оплакивала рано ушедших маленьких детей, не успевших ещё не окрепшей ножкой шагнуть в подлунный мир. Обещала вновь встретиться, позаботиться и заново полюбить в следующей, более мирной жизни свою утрату.

Выдохнув на последней ноте, Лада горько всхлипнула, посмотрела на ночное небо, залитое светом догорающих звёзд, и зашлась в утробном, безутешном плаче. Крупные слёзы капельками хрусталя скатывались по опухшему лицу, осколками разбиваясь о похолодевшие щёчки дочери. Зрение плыло от нескончаемого потока слов, от слишком краткого знакомства с хрупким, драгоценным подарком жизни. Зияющая дыра выедала каждое счастливое воспоминание, оставляя после себя лишь окрашенные в чёрный цвет обрезки.

Как прикосновение к мерцающей звёздной пыли чувством легкого холодка от кончиков пальцев мгновенно разрасталось по телу, как неожиданная молнии ударяла по невинному дереву, обрекая его на одинокое прощание. Так же Полея тёплым смехом растворилась на ветру, обрекая Ладу на тихую погибель.

— Спокойной ночи, дорогая, — мама и дочка соприкоснулись холодными лбами, урывая в буре борьбы короткий момент тлеющей связи.

На худенькое плечо женщины легла тяжёлая мужская ладонь. Подняв заплаканные глаза, Лада невидящим взглядом посмотрела вверх. Высокая фигура, облачённая в доспехи, опустилась рядом на одно колено, склонившись и удерживая отяжелевшее тело воткнутым в землю мечом. Сквозь шум в ушах до неё донеслось.

— Лада, Полея, она..., — оборвавшись на полуслове голос утих.

— Волибор, — последующие слова растворились в беспросветной тьме.

Страданиям конца и края не видно.

* * *

— Внимание, враги отступают! Не дайте им уйти! — Радиф Сальва, верховный главнокомандующий ассаадской армии, протрубил в боевой горн, призывая солдат к последнему рывку.

Стирая с измождённого лица капли пота, Марфа крепче взялась за подаренный родителями меч. Сегодняшний день стал недвусмысленным предостережением. Спокойной жизни ассаадцы могут больше не ждать. Но что же сподвигло врагов напасть на Ассаад в священный для них день под масками добрых людей, коими они никогда стать не смогут? Даже переродившись.

Только шаги вслепую могли подтвердить навязчивую мысль Марфы, что никак не покидала голову с самого начала сражения. Умирали не просто случайные люди севера, а целый Ассаад, что был известен многим за одну его особенность — больше половины жителей были магами.

Хватаясь за идею как за соломинку, Марфа О Де Фоль взобралась на пригорок украшенный монументом Цавонеса, и вошла во внутреннее строение, расположенное между крыльями, надеясь на эффект эха. Нащупав в белокаменном столпе отверстие, она вставила окровавленный меч и вышла на свет. Взяв в руку горящий факел и размахивая им из стороны в сторону, Марфа что есть мочи кричала в полнотной темноте.

— Лютым заучарам не сломить дух марфонцев! Мы боролись и будем бороться, бесконечно восставая из пепла в то время, когда вы ожидаете это меньше всего, продажные псины!

Угрожающий свист прошёлся по толпе. Острия мечей опасно поблёскивали, шепча продажным побыстрее покончить с сумасшедшей старухой и спустить её с небес на землю. А лучше ввергнуть ещё ниже. Резкие отточенные движения вторженцев потеряли былую кровавую красоту, обретая мерзкий стиль уличных грабителей. Злость закипала бурлящей лавой.

Видя превосходную реакцию, на которую и рассчитывала Марфа, и продолжая кидать в разгорающееся пламя злости оскорбительные слова, женщина медленно отходила назад к монументу, подавая городским лучникам сигнальный знак. Накативший адреналин усиленно перегонял кровь по венам, высвобождая режущее отчаяние. Пламенный призыв к смерти гулким барабаном стучал в висках.

— Что, думали, мир настолько глуп? И только вы настолько умны, что имели дерзость играть людскими жизнями, словно пустыми куклами? Запомните мои слова — на любую силу найдётся другая сила.

Неумолимая волна крови и плоти рванула к смоляно-чёрным крыльям. Порывистый ветер зашумел в небесах, сбивая вместе и разрывая в клочья грозные тучи. Пыльное светлое одеяние под лёгкой рыцарской робой видело лучшие времена, когда-то одеваемое на шумные семейные посиделки и дважды запачканное на спине жирными пальчиками Маркуса, устало посапывающего на мамином плече.

Слабая улыбка пряталась в уголках губ, нескончаемый град слёз заливал помятое лицо. Считанные метры до назначенной цели исчезали в янтарных глазах.

— И однажды мир восстанет, а до тех пор прощайте, мои сыновья.

Прерывистый шёпот прервался вслед за бегом остроконечного меча, вонзённого в очередную жертву нечестной борьбы. Следом замолк самодовольный смех хищников, заживо погребённых под завалами памятника, павшего под точными выстрелами городских стрелков, на поражение стрелявших в основание монумента. Погребённых от прикосновения меча с хрупким основанием столпа монумента, соединившихся в смертельном танце стараниями одной гордой женщины. Погребённых благодаря слепой жажде мести, что не может существовать на поле методичного обстрела.

Некогда инсталляция нового начала, являющегося живым примером принятия старым миром нового, грудой обломков лежала на чахлой траве, колонной дымного воздуха растворяясь в удушливом зное.

Безмолвные зрители застыли, не в силах отвести взгляда от этого места, которому суждено было стать военным мемориалом.

Сегодняшний день войдёт в историю побеждённого Ассаада и четырёх континентов как день выхода повстанческого движения марфонцев на свет, своим символом хранящий затихшее пламя сгоревших домов и запах нестирающейся гари.

Глава 14

Серое небо заволокло густыми тёмными облаками, предвещавшими стремительно надвигающийся ливень. В воздухе летали частички чёрно-белого пепла, унесшего с собой сотни мятежных душ. А ещё немного пахло металлом. Постоянные сотрясения воздуха от натянутой тетивы сменились звонким шумом в ушах, сильно давящим на барабанные перепонки. Земля сделалась неровной, местами проваливаясь окончательно. Мир вертелся и крутился, приглашая потанцевать вместе с ним.

Первые лучи солнца боязливо выглянули из-за горизонта, всё дальше оттягивая начало нового дня. Увядшие к полуночи нимфеи медленно осели на морское дно, боясь встретиться с напрасно верящими в них людьми. Утренний бриз бережно дотронулся до качающихся на плаву лодок, что вполовину были скрыты холщовыми простынями. Простыни, местами насквозь прожжённые, местами измазанные почерневшей кровью и грязью, защищали под собой от мира то, что сам мир защитить не смог.

Одинокие в своём приключении лодки, что не доплывут до противоположного берега, трепетно несли в себе живые воспоминания ушедшего времени.

Здесь лежал маленький, худощавый старичок, что собственным телом закрыл молодого мужчину от летящих в него стрел. Он никогда не видел войны. Лишь свою — скромную полевою: выкопать разросшиеся сорняки, вовремя полить побеги и не забыть про удобрения. А ещё сходить к соседям, не имевшим более радости самостоятельно ухаживать за запущенным садом и ставить кормушки для перелётных птичек. И так, не раздумывая ни секунды, он загородил собой хрупкое будущее, оберегая молодое поколение и перекладывая ответственность за защиту народа в его руки.

Неподалеку плыла высокая духом и телом женщина с алыми губами, она едва-едва вмещалась в неказистую лодку. Внешне почтенная торговка, внутри скрытый лидер, который, поднимая высоко в небо тяжеленный меч, кинулся в гущу сражения. Поднявшаяся под её предводительством команда атаковала вражеские силы, посягающие на жизни ассаадцев. Её призывный клич не смолкал до самого конца под обстрелом, воодушевляя мужчин и женщин братья за клинки. И шли войска вперёд, не замечая истончившегося до хрипа голоса женщины, что вопреки её желаниям остался позади. Не имея сил подняться на истоптанную землю и идти вместе с ними вперёд, гордо отстаивая своё право на Ассаад, женщина так и осталась тихо лежать на земле, разглядывая бесчисленные звёзды в небе, пока сама не стала таковой.

Вдали виднелись отбившие первыми водные паланкины. Возвращённые любящими родителями девочки и мальчики разных возрастов, цветов кожи, роста и телосложения неподвижно лежали в белоснежных одеяниях. Белые лилии поверх маленьких ладоней молчаливо сопровождали их. Бледные лица детей не выражали ни боли, ни усталости. Можно было подумать, что они прилегли на часок-другой восстановить силы после весёлой беготни и вот-вот откроют глаза и вновь пустятся в пляс. Но чуду не суждено было сбыться.

За похоронной процессией наблюдал весь Ассаад. Исключений не было. Были ли они ранены, восстанавливали ли по крупицам уцелевшие вещи или заботились о других выживших. И это не потому, что люди были вынуждены это делать, нет. А потому что глубоко почитали и уважали в равной степени каждого ушедшего человека, кто не смог

перешагнуть порог нового дня. Скорбели по матерям, отцам, братьям, сёстрам и детям. Горевали едино, не делая разницы между болью чужой или своей.

Но сильнее сопереживали выжившим. Выжившим, но потерявшим нечто большее, чем сама жизнь. Потерявшим связь прочнее металла и тоньше бутафорского стекла.

Нескончаемая очередь в тёмных траурных одеждах медленно спускалась к бревенчатому причалу, по пути нащёптывая холодным водам отправить близких в последний путь как можно мягче. Под приглушённые отзвуки природы тихие лодки уплывали в царство вечности и покоя.

Чёрные вуали скрывали опухшие лица женщин, кто этой бесконечной ночью сражались за каждую жизнь, склонявшуюся то на одну, то на другую чашу весов. За жизнь тех, кто непреднамеренно стал чьей-то мишенью. С невообразимой доселе тяжестью на сердце медсёстры наблюдали за последними трепетаниями отяжелевших век, выдыхаемыми в агонии словами и еле слышимыми вздохами.

Мужчины, чьи тела стягивали десятки бинтов, по стойке смирно стояли чуть поодаль, боясь случайно скользнуть взглядом по уплывающим вдаль лодкам. Из последних сил нервно стискивая пальцы рук, они секунда за секундой заново проживали последние часы, прокручивая моменты деяний человека, но не человеческих.

Уцелевшие старики и дети цеплялись друг за друга, боясь потерять друг друга и быть потерянными в себе.

Сознание медленно возвращалось к выжившим, даря мнимое ощущение контроля за происходящим. Ян открыл мутные от смога глаза, медленно всматриваясь в толпу. Многие были сломлены, многие были изувечены. И на каждом из них остался несмываемый след войны, чётко отпечатавшийся внутри. На потёртой коже рук, держащих тяжёлые копья и стрелы. На огрубевших ступнях ног. Прежде, чем вернуть свои земли...

Океан человеческих стенаний завывал, вовлекал в бурный водоворот надрывного, безутешного плача. Скорбная процессия близилась к завершению. И кричащим напоминанием тому служила пустота в сердцах, в обгоревших до основания домах. В самом Ассааде — в ассаадцах.

* * *

Не изменяющие своим правилам ассаадцы решили утопить горе в изнуряющей работе, выводя предел физических нагрузок на новый уровень. Долгие часы работы без продыху больше не воспринимались как каторжное обращение, напротив, жители островного государства упрашивали увеличить объёмы их работы, выполняя за раз полторы, а в более отчаянных случаях — две нормы. Основной причиной этому было полуразрушенное состояние Ассаада. Никто не уточнял, о зданиях или о людях шла речь. Все прекрасно осознавали, что если смертельную усталость снизить хоть на сотую долю, то чёрные воспоминания настигнут подобно яростной буре, подобно пожару, что своим безжалостным пламенем уничтожит больше людей, чем накануне, доводя несчастных до безумного иступления.

Сгоревшие до основания деревянные дома быстро исчезали их вида, сменяясь каменными, реже — домами из плинфы. Следы бойни старались скрыть в первые же дни, выкорчёвывая сожжённые деревья и высаживая молодые побеги, делясь с народом смехотворной надеждой.

Так, окружающая обстановка на острове быстро изменилась. За исключением одного

уголка — места, что стало концом грязной борьбы и началом малого восстания, монумента Цавонесея. Обугленные обломки крыльев в беспорядке валялись по всему периметру невысокой площадки. Смолистые щепки, сажа и обуглившиеся вещи толстым слоем накрывали бесплодную землю. От царящей здесь тягостной атмосферы всё сжималось внутри у каждого, кто сюда приходил. И чем дольше люди колебались, не желая прикасаться к пыльным развалинам, тем прочнее в них укоренялась мысль о невозможности вернуться к привычной жизни.

Стоило людям свыкнуться с нынешним безутешным состоянием, как отдалённо послышался приглушенный топот. Звуки строительства прекратились. Принесённые ветром чужие голоса медленно долетели до центра города, вызывая по всему телу неконтролируемое дрожь. Гулко сглатывая подкативший к горлу ком, командир воинских частей всмотрелся в размытый горизонт, готовясь отдать приказ к наступлению. Издали показались медленно приближающиеся фигуры в парчовых красных мантиях.

Целители.

С кончиков низко надвинутых на глаза капюшонов привычно свисали посеребрённые кисточки. Под алыми мантиями виднелись чёрные кафтаны с ромбовидной отделкой и высоким горлом. Поверх них лёгкие металлические латы — они защищали обладателей целебной магии. Выпуклые металлические пуговицы с извивающейся змеей, в центре которых переливалось изумрудное стекло, были обвиты тонкими верёвочками, на концах которых неизменно поблёскивали маленькие кисточки. Прямого кроя штаны цвета графита плотно прилегали к телу, удерживая оптимальную температуру. Эластичная и прочная полоска ткани, закреплённая чуть выше колена, могла быть снята лёгким движением руки и использована в качестве кровоостанавливающего жгута. Каждая деталь походной одежды обеспечивала её удобство и практичность, а не эстетическое удовольствие.

Передвигаясь небольшими группами и сохраняя между собой дистанцию в пять метров, целители медленно приблизились к переполошившимся ассаадцам. Сбоку от них скромно шествовал рыжеволосый парень, направляя мелкие отряды к центру города. Его взгляд невольно упал на полностью разрушенный памятник и искалеченных людей в бинтах, разбирающих грязные обломки. Споткнувшись, юноша неуклюже рухнул на землю. Мимо проходящие люди предлагали помощь витающему в мыслях парню, но, не добившись никакой реакции, тихо продолжили свой путь к раненым.

Отрешённый взгляд скользнул по опустевшей территории, некогда украшенной ярко-оранжевыми лентами и лесным шалфеем. Полуденное солнце больше не светило над головой, запертое в плену надвигающихся гроз. Безрадостная картинка полностью соответствовала общему настрою за одну ночь сократившегося населения. Серо и сыро.

Жители Ассаада стояли посреди ворвавшегося в их жизнь разрушения совсем одни. Стоило им на мгновение оторваться от окопной жизни, обернувшись навстречу долгожданному мирному уединению вдали от осуждающего общества, как оно воспользовалось своим шансом и нанесло удар в спину. Хладнокровно и расчётливо. И сейчас, уже после свершения недругами задуманного, мало что могло возместить нанесенный урон. Павшие духом ассаадцы могли надеяться разве что на неясное перерождение и встречу со своими любимыми.

— Командир четвёртого отряда Целителей Панпуга, Лейла Сазон, — пожилая женщина с коротко стриженными пепельными волосами и дымчато-серыми глазами холодно осмотрела поле сражения, после чего уставилась на стоящих полукругом людей. — С

материкового Панпуга сообщили о том, что у вас наблюдался пожар. По внешним разрушениям видно, что этим дело не ограничилось. Покажите особо тяжело раненых людей и тех, кто при смерти. Посмотрим, что можно с ними сделать.

Хоть Целители и подразделяли себя по территориальному признаку, всецело они не принадлежали ни к одному из государств. Будучи магами свободными, они могли беспрепятственно переходить с одного места на другое, пока все их потребности не будут полностью удовлетворены. Поэтому спрос на целителей рос с каждым днём, стоило кому-то из них перейти в другое подразделение, умереть от рук врагов в горячих точках или уйти в отставку.

Как бы ни эксплуатировались способности целителей, вместе с кнутом магам также перепадали такие подарки, за которые многие из них «продавали свои души». Щедрые денежные пожертвования, бесконечные нули которых никто не удосуживался подсчитывать, поблажки за незначительные и значительные, превышения должностных полномочий и непоколебимая авторитетная власть. В правительстве некогда рядовые целители, если вносили особый вклад в историю государства, при остроте ума и дальновидности взбирались до высшего статуса «Дасколос» и расхаживали в переливающихся перламутром ослепительно белых шелковых накидках с вышитыми тончайшими нитями белого золота цветками лотоса на рукавах и спине, и закреплённых на шее фибулой из платины и стали.

Всемерные поощрения не остались незамеченными и возымели печальные последствия. Пламенное желание спасти, что по предназначению должно было исходить от сердца сострадательного к чужой боли, в конец прошло. Рассыпавшись в прах, оно развеялось, уступая главенствующее место безразличию и меркантильности.

Оказавшись на вершине, вниз не смотрят. Смотрят вверх.

* * *

— Это всё? — небрежные слова целителя резанули слух, заставляя главнокомандующего сдержаться из последних сил, чтобы в пылу не ляпнуть пару ласковых. Радиф прикусил внутреннюю часть губы, прожигая целителя взглядом.

— Другие раненые скончались вчера на рассвете, — процедил он.

— Что ж, нам меньше работы. Управимся раньше, чем планировала, — быстро распределив на каждого заждавшегося целителя по паре коек, седовласая сосредоточилась на своём пациенте, который уже корчился в агонии от невыносимой боли во всём теле.

Красные расплывающиеся по коже пятна, в точности имитирующие подтёки восковой свечи, тянулись от шеи до почерневших пяток. Крупные волдыри, создающие подобие стекающихся воедино маленьких капель и заполненные мутно-желтоватой жидкостью, образовывали как бы дополнительный верхний слой над кожей. В особо пострадавших местах красноватые оттенки сменили цвет на бурый с чёрными вкраплениями обгоревшей плоти. Запах горелого мяса плавными волнами исходил от потерпевшего. Время вело свой счёт.

Взяв в руки полый полумесяц, серебряной цепочкой закреплённый на пояском ремне, женщина легонько приложила базовый атрибут целителей к вискам мужчины, после чего его напряжённые веки расслабились и дыхание успокоилось.

— Я временно ввела его в состояние искусственного сна. С такой обширной зоной поражения легче перенести это, будучи оторванным от реальности. Он самостоятельно проснется по истечении двух-четырёх дней. Не рекомендую будить его без острой

необходимости, если, конечно, вы лично не хотите наблюдать за медленно увядающей жизнью.

Самодовольно улыбающийся уголок губ быстро скрылся за холодной отчуждённостью. Витающее в воздухе безразличие разбивало в щепки души собравшихся людей. Мало кто готов был заново поверить древним сказкам, что когда-то люди в красно-белых одеяниях были сторонниками неприкосновенности всякой, пусть самой крохотной и никчёмной жизни.

Выудив из внутреннего кармана плаща семиконечное безъядерное солнце, лежащее прямо под сердцем целителя, Лейла порывистыми движениями направила постепенно нагревающийся предмет прямо к солнечному сплетению молодого пациента, после чего спустилась ниже по телу. Пока она выполняла немногими увиденные маневры, лёгкими вспышками на её лице вырисовывалась тускло-красная дорожка маленьких, словно божьи коровки, точек, точно над бровями.

Благодаря этому маленькому представлению Целители прослыли поначалу отщепенцами единого пути, а долгие столетия спустя — чудом мироздания. Отличные от всех, брошенные чужими и непринятые своими, они нашли свой путь, был ли мир этим доволен или нет.

Тонкие струйки энергии резво поскакали по ловким пальцам, сливаясь с солнцем, после чего стали распадаться внутри незнакомого тела. Пока Сазон при помощи солнечного света снимала боль и даровала успокоение обожжённому юноше, жёлтые сгустки мутной жидкости иссушались, оставляя на месте волдырей на его теле толстые корки закрывшихся ран. Не в мгновенном исцелении была сила Целителей, а в кропотливом, пытливым познании свойства тела — регенерации.

Нет ничего более волшебного и магического, чем то, что дано нам от природы.

— На этом моя работа закончена. Остальное зависит от него, — поднявшись, Лейла коротко поиграла пальцами, возвращая магию в привычный круговорот. — Строй, как продвигаются дела?

Из-за спины женщины незаметно выскочил худощавый паренёк, чьи руки медленно подрагивали в такт его заикающейся речи.

— К-командир, новички в-ведут себя п-под-дозрительно. Уже м-минут пять как перемещаются от р-раненого к-к раненому. По виду н-никаких улучшений н-нет. О-они тоже ввели их во временный с-сон? Н-не знал, что м-мы д-должны уметь э-это делать.

— Нет, не должны, если не хотите по ошибке оставить после себя горы ненужных трупов, — после этих слов целительницы в палате воцарилась гнетущая тишина.

Душераздирающий кашель и надсадный хрип пациентов, прерываемые перешёптыванием врачей, было слышно лишь тревожное дыхание осознавших весь ужас ситуации целителей.

— Смотреть в оба! — скомандовала целительница. — Среди нас диверсанты!

* * *

Время приближалось к полудню. На кухне, где чёрный перец горошком вместе с зубчиками чеснока ютились в сантиметрах от пары пучков петрушки, настаивался наваристый бульон, дожидаясь со стройки уставшего человека. С разделочного стола глухо покатила обрубленная голова свиньи, остановленная точным движением бледных рук. Развернув голову животного к себе мордой, женщина внимательно всмотрелась в мутные

глаза. Ни намёка на жизнь.

То, что отняли, уже не вернуть.

Медные колокольчики над входной дверью от лёгкого касания ветра заиграли нежную мелодию. Супружеская пара неторопливо села за стол, накрытый на троих, скорее по привычке, чем по чьей-то прихоти. Маленький стульчик с заранее приготовленной пуховой подушкой, верёвками накрепко привязанной к деревянным ножкам, был слегка отодвинут от стола, давая возможность маленькому человеку в любой момент взобраться на него самостоятельно. Взгляды родителей непроизвольно останавливались на мелких царапинах от вилок и ножей, — после длительного использования они были заменены на более безопасные, самодельные — деревянные.

Нарушая ватную тишину, раздался равномерный стук кухонных приборов о шершавые тарелки, шорох переставляемой с места на место еды. Безмятежный серый вид за окнами не выдавал разворачивающихся событий, что капля по капле превращались из грибного дождика в сносящий всё на своём пути ливень. И близок час, когда тарабанившие по крыше кристаллы льда окончательно сорвут крышу дома, и оставят Ассаад совершенно пустым и беспомощным.

* * *

Выскочив на улицу, Лейла без особых усилий развернула грузного Радифа к себе. Как будто искру высекли ударом камня о камень — мужчина, распаяясь изнутри, уже готов был произнести горькие слова, сотни раз прокручиваемые в голове, но его опередили.

— Радиф, из здания не выходили шестеро целителей?

— Мимо меня не проскочит ни одна живая душа. Даже такой высший сорт мяса, как вы, не сбежит отсюда, хотя бы мельком не взглянув на пострадавших людей Ассаада. Уж будьте добры, отработайте свои деньги, — скрещенные на груди руки норовили избавиться от хлипких пут моральных устоев — дайте только повод, и они тут же перейдут к действиям.

— Сейчас в ваших же интересах сотрудничать с нами, — блаженное равнодушие целителя, сохраняемое годами, пошатнулось.

Случись это неприятное происшествие в каком-нибудь Ванабавлом забытом закоулке, все бы позабыли о нём на второй день. Но сейчас, когда среди обитателей материкового Панпуга насчитывались дюжины свидетелей происходящего на Ассааде пожара и не только, правительство не останется в стороне и обязательно захочет выставить себя в роли великого спасителя обездоленных.

Сазон широко распахнула полы красной мантии, раздумывая, как в очередной раз выставить всё так, чтобы островитяне не заметили ошибку целителей и поверили в то, что они им необходимы, чтобы срочно спасти остатки Ассаад. И здесь всё было до смешного просто. Щепотка красивых слов, капелька слепой надежды, горсть манипуляций, львиная доля игры в распорядителя жизней, и самое сладостное — компонент, без которого ни одна сделка не достигла бы своего завершения, ни одно восстание не поднялось — отчаяние.

* * *

Каково это — всё больше погружаться в глубины тёмных вод с каждым бессмысленным рывком вверх и чувствовать, как всё меньше остаётся воздуха в лёгких, а, в итоге, и вовсе его лишиться. И медленно-медленно оседать. Всё дальше, вниз. И даже если вы на суше, неприятное чувство давящей на сердце тревоги не пропадает. Воздух вновь обволакивает лёгкие, но не может их наполнить и на считанные миллиметры. А сердце продолжает

мучительно стучать.

Душой на дне, телом на земле.

Кудряшка готов был поклясться, что вмиг, когда они расстались, захлопнулась крышка его собственного гроба. Им лично и заготовленного. Вместе с последними словами о не-прощании. И сейчас он прижимался мягкими, без единой трещины или мозоли руками к холодной земле, чтобы почувствовать любую опору, что способна будет вынести слишком тяжкий вес его ослабевшего тела. Опустив голову вниз, юноша крепко зажмурил глаза, борясь с потоком горячих слёз, как шквал пыли и грязи ударил по нему, заставляя повернуться в сторону северных ворот, куда направлялась небольшая компания людей в красно-чёрных плащах.

Металлические кисточки подёргивались в такт порывам неожиданно ослабевшего ветра, что секунду назад грозился стереть их следы и их самих с земли Ассаада. Шестеро целителей бесшумно направлялись к северно-западной части города, скрываясь от любопытных глаз. Полутенью исчезая за спиной юноши, небольшая группа целенаправленно продвигалась вперед.

Отдаленный шум осиротевшего города, гулкое завывание высоко в сером небе, притихшее собственное дыхание и полная тишина за спиной. Попади обычный человек в данную ситуацию, он бы не заметил подвоха. Людям же с навязчивыми мыслями свойственно подмечать любые несовпадения, выпадения из реальности, что в дальнейшем быстро переносились из зрительного ряда в мозг его обладателя в виде незамысловатого списка.

Отсутствие отзвука шагов и следов на пыльной земле, ровно выверенный темп ходьбы, нехарактерно чистая для целителей одежда, не запятнанная ни землёй, ни растительностью, ни кровью. И последнее: абсолютно гладкая одежда в районе сердца.

Каждый в сообществе целителей знал, что базовые инструменты исцеления приходится покупать самостоятельно с дозволения общества Целителей. И ты не можешь носить их, где и как попало. Для всего есть чёткий свод указаний, которых ты должен придерживаться.

И одним из мест для хранения артефактов являлось место напротив самого трудолюбивого и чувствительного органа человека. Полное солнце подобно неизвестному цветку распускалось из сердца и семью маленькими бугорками расцветало сквозь красные тона одеяний. Сами целители давно привыкли к кровавым нарядам и их сопровождающим вещам. И до избрания единой формы одежда магов редко пестрела оттенками, отличными от цвета мрака и смерти. Желание смотреть в пучины себя превышало желание изучать ежедневно меняющихся напарников.

За изменениями облика целителей наблюдать осталось некому, кроме редких любопытных, изредка предававшихся старосказаниям. Чутким людям, кто созерцали метаморфозы человеческие наравне с природными, доверяясь врождённым инстинктам выживания в постоянно меняющемся мире. Рыжая голова медленно повернулась в сторону неизвестных посетителей Ассаада, умоляющими глазами глядя в неизвестность.

Лишь бы они были целителями...

В полуметре шесть фигур застилающей тенью нависли над человеком, чьи худшие опасения оправдались в этом трагическом сценарии.

Они не были людьми, что пришли спасти Ассаад. Но были людьми, пришедшими посмотреть на его падение. А, возможно, и поспособствовать этому.

Убийцы.

— Так это были вы, — выцветший голос засохшей краской мазнул по прискорбно собравшимся.

— С ним что-то не так, — вперёд шагнул высокий мужчина с клиновидной бородкой. Выудив из наручей монокль на тонкой серебряной цепочке, линза которого переливалась фиолетового-зелёным светом, узкие серые глаза коротко осмотрели рыжеволосого, после чего он вернулся в строй и, словно не замечая зрителя, продолжил свою мысль. — Хм, редкий образец. Глава, что прикажете делать?

Небольшая компания расступилась перед коренастой женщиной лет пятидесяти. Светлые волосы до плеч, половину которых отвоевала серебристая седина. Гусиные лапки морщин в уголках глаз, чей цвет нельзя было разобрать. Не зелёные, не голубые и не серые. Словно смесь всего и ничего одновременно. Светлые брови и тонкие губы, мимические морщины около рта. Она должно быть много улыбалась и смеялась по жизни, но сейчас, в этот самый миг в ее взгляде не читалось ничего, кроме жалости и самой малости, но вины.

Глава позволяя всем осмотреть, махнула правой рукой.

— Отправим Профессору. Он любит коллекционировать редкие вещи.

Хрипловатый смешок вырвался из тонких уст. Горькая усмешка заиграла на лице рыжеволосого паренька, сохранившем немного детские, наивные черты. Потерянное выражение сменилось гневным, стоило атаковавшим город явить свои личности.

Покажешь страху свой страх, и он возгордится, заполнит всё свободное пространство, вытесняя последние крохи здравомыслия, и оставит за закрытой дверью со своими мыслями.

— Тогда начнём? — рыжеволосый исподлобья взглянул на собравшихся. «Глядя в лицо безумным вещам, что в клочья разрывают реальность, прими правила новой игры. И играй так, чтобы неведомые ранее правила уже сами подстраивались под тебя», — вспомнилось ему. — Возможности отомстить лучше, чем сейчас, уже не представится.

* * *

— Что делать? От посетителей реанимации люди прознали, что после нас странным образом вымерла сразу вся палата, — сказал один из целителей.

Радиф крепко сжал рукоятку меча, недобрым взглядом косясь на кучку целителей во главе с Лейлой, которая короткими фразами перекидывалась со своими подчинёнными.

— Заварили кашу, теперь сами и расхлёбывайте, — мужская жёсткая рука легла на твёрдую руку Сазон.

Не дрогнув и мускулом, женщина отточенным движением скинула нежеланные оковы и предостерегающе шагнула навстречу мужчине. Словесные нападки не впервые летели в сторону седовласой, но никто ещё не позволял себе распускаться по отношению к ней. Ибо были научены великим знанием: та, кто вернула к жизни, может её и отнять.

— Попрошу вас, верховный главнокомандующий войсками Ассаада, держать в узде свой пылкий нрав. В особенности, когда вы нисколько не осведомлены о своём оппоненте. В дальнейшем можете очень сильно об этом пожалеть. Кто знает, может быть, из-за малой провинности перед этим самым человеком, он и станет вашим последним видением.

В последний раз позволив себе исподлобья испепелить взглядом самовластного целителя, Сальва обернулся в сторону госпиталя. Мёртвые тела неспешно выносили из основного корпуса, изредка просматривая маленькие комнаты в концах немногочисленных коридоров. Бьющий в нос запах этилового спирта более не тревожил постояльцев обшарпанного здания. И уже никогда не потревожит.

* * *

— Благодарю за превосходную трапезу. Всё было изумительно, как и всегда.

Аккуратно сложенные друг на друга тарелки были сдвинуты на край стола, чтобы не занимать место, предназначенное для последнего блюда, чья лёгкая сладость нежно будоражила стенки разгоряченного горла.

— Рада, что тебе понравилось. Схожу за семифредо.

— Не утруждайся, я сам. Ты уже сделала более чем достаточно, — короткий поцелуй в лоб и любящее прикосновение к тусклым волосам, до сих пор хранящим запах терпкого дыма.

Одинокий путь до подвала не занял много времени. Остановившись в спасительной темноте, мужчина обессиленно прислонился слегка нахмуренным лбом к открытому стеллажу, что отозвался успокаивающим холодным прикосновением. Капля за каплей, пыльный пол впитывал в себя невыносимую тоску, сводящие с ума сожаления. В тягостной тишине мужчина выплескивал из себя сидящие в нем эмоции, не смея непозволительной слабостью расстраивать свою любимую ещё сильнее. Не сейчас, когда понемногу приходящие в себя люди отчаянно нуждались в помощи.

Стерев солёные дорожки, пробежавшие по его впалым щекам, мужчина взял с нижней полки полурастаявшее сладкое. Поднявшись наверх, он на секунду выглянул в окно. Печальный ход мыслей перебил хаотичный топот десятка кирзовых сапог. За спиной неслышно появилась насторожённая женщина.

— Что будем делать?

— Видимо, они пришли за оставшимися, — руки сжались в кулаки, — но я этого не позволю. Только не в это раз.

Сделав пару широких шагов в сторону двери и открыв её, мужчина был остановлен прикосновением холодной женской руки. Он обернулся к жене, и в этот момент в воздухе пробил сигнальный набат. Совсем как пару дней назад. Каждая клеточка тела загорелась с новой силой, готовая подняться вновь. В последний раз.

— Возьми меня с собой, — раздался умоляющий голос.

— Я не могу, — мужчина бережно взял в руки маленькое лицо жены, они осторожно соприкоснулись с ней лбами. Глаза в страхе крепко зажмурились. — Ты последняя причина того, что я ещё живу. Последнее, что у меня осталось. Я не могу потерять ещё и тебя.

— Тогда, что остается делать мне? — прикусив губу, женщина сдерживала мелкую дрожь, медленно растекалась по всему телу. — Сидеть здесь и ждать, пока мне не принесут вести и о твоей смерти? Я не выдержу этого ещё раз. Ты сам знаешь, каково это. Не проси меня о том, за что расплачиваться придётся мне.

— Позволь мне пойти с тобой, — мать и жена уверенно схватилась за грубую мужскую ладонь. — Нет! Я пойду с тобой!

Чуть отстранившись, она благодарно улыбнулась. Вытащив из-за ворота простого платья медную подвеску, на портрете внутри которой трое счастливо смеялись, мама ребёнка поднесла к губам подаренный мужем медальон и нежно его поцеловала. Осталось недолго.

— Нужно поспешить. Нас уже заждались.

Мужчина с увлажнившимися глазами согласно кивнул. Осталось совсем немного.

* * *

— Чёрт, знал бы, какие у этого мальчишки способности, вырубил бы его ещё с первых слов. Провозился с ним непозволительно долго, — остробородый стёр со скулы стекающую капельку пота, только сильнее размазав по грязному лицу пыль и кровь. Чужую.

Сбросив с головы увесистый капюшон, вперёд вышла низкорослая девочка, на вид не старше пятнадцати лет. Встав около бородача, она скрестила руки на груди и по-зверски оскалилась, довольно зыркнув на мужчину.

— Но тебе же это понравилось, верно? Можешь даже не скрывать. По твоему счастливому лицу это видно за три версты, — на что тот лишь обиженно фыркнул. И мечтательно улыбнулся.

— Конечно. Когда мне ещё удастся потягаться с последователем Ройза. Они как деликатес. Мешок золота за один волосок с их головы. С такими товарищами каждая секунда подобна небесному нектару.

— Отвратительно. Звучишь, как извращенец.

— С ним я не против, — ободранный уголок губ немного щипал. — Какая разница, мужик это или баба, если я получу удовольствие. Да и личико у него ничего так. А пышущая наглостью и угрозами натура и вовсе в моём вкусе.

— Глава, поскорее пойдёмте, — девочка съёжилась от ухмыляющегося вида бородача, — иначе меня скоро вырвет от его радости.

Женщина устало следила за двумя спутниками как за маленьким детьми, которым только в удовольствие было браниться перед старшими и быть ими же наказанными. Наказание — новый вид удовольствия? Глава вздрогнула всем телом.

— Пойдёмте, нельзя заставлять ждать Профессора.

— А что делать с телом? — сзади к женщине незаметно подошла тихая девушка, не отличающаяся особой многословностью. — Понести на спине?

— Другого, более незаметного способа нет. Быстрым шагом до главных ворот, а за ними уже до нас никому дела не будет. Серго, парнишка на тебе, — остробородый довольно кивнул.

Легко перекинув через плечо тело рыжеволосого, мужчина счастливо начал присвистывать в такт широких шагов. Выйдя из очередного закоулка Ассаада, шестёрка издали увидела заветные ворота города, как позади послышался знакомый шум преследователей.

— Оставляем это на тебя, — скомандовала глава остробородому.

Передавая бесчувственное тело в руки другого мужчины, кто был чуть старше главы отряда, Серго развернулся навстречу приближающимся стражникам, прикрывая уходящих товарищей. Небрежно содрав с себя красную мантию целителей, отступник лениво кинул ее на землю, как бы невзначай потоптавшись на ней перед застывшими в оцепенении и злобе стражниками. Серго несколько скучающе кинул на них незаинтересованный взгляд.

— Надеюсь, вы развлечёте меня дольше, чем эти переоцененные в красных робах.

* * *

В выжженном поле, где только пару дней назад буйствовала дикая трава, услужливо укрывающая малых ребят во время игры в прятки, стояла могильная тишина. Посреди этой тишины возвышалась непоколебимая фигура. Маркус слушал мелодию остановившего для него мир. Ян поджидал в десяти шагах позади, боясь выдать себя неосторожным хрустом обугленных веток под ногами. Ветер уробно завывал.

— Я знаю, что ты здесь, — не выдержал рыцарь. — Нечего меня сторожить, со мной все в порядке. Иди к Волибору. Ему сейчас помощь нужнее.

— Рядом с ним есть Лада и Лелик.

Мечник печально усмехнулся.

— Им самим необходима помощь.

— Тогда кто поможет тебе? — наримец неуверенно сделал несколько коротких шагов вперёд. Маркус сильнее поджал губы.

— За меня не беспокойся. Это они приняли на себя весь удар. Я же прибыл сюда только пару дней назад. И чего уж таить, не связывался с ними практически четыре года. Я не заслуживаю и четверти их любви. Не заслуживаю слов утешения.

Остановившись прямо позади него и слегка развернув на себя послушное тело, затвердевшие мускулы которого тут же обессилели, Ян положил голову Маркуса себе на плечо. Северянин судорожно вздохнул.

— Хорошо, я ничего не буду говорить. Просто постоим в тишине, — Ян бережно похлопывал друга по спине, глядя в угрюмое небо. — У меня лишь одна просьба. Не прогоняй меня. Позволь побыть рядом с тобой. Хотя бы сейчас.

Уткнувшись лбом в подставленное плечо, Маркус выпустил на свободу накопившую обиду, несказанные слова и пропущенные моменты. Редкие слёзы заполнили глаза цвета тёплого песка.

Остановившееся время вновь продолжило свой ход. Успокаивающие поглаживания прекратились. Вместе с ними и надсадный рёв. Выпрямившись, младший О Де Фоль стёр внутренней стороной ладони оставшуюся влагу с густых ресниц и слегка отвёл взгляд. На душе его стало легче, но всепоглощающее чувство вины, что в наглой вседозволенности выжирало орган за органом и незаметно подкралось к сердцу, как закоренелая опухоль, не собиралось расставаться с телом хозяина так легко.

Ведь пути обратно, увы, были закрыты навсегда.

— Пойдём домой, — Ян кивнул в сторону города, чуть быстрее друга направляясь в сторону трёхэтажного здания. Рыцарю всё ещё требовались время и поддержка, чтобы залечить швы, наспех наложенные на душевные раны.

Мечник слабо улыбнулся.

— Пойдём, — Маркус благодарно устремил взгляд на впереди идущего человека и тихо, боясь спугнуть призрачное счастье, проговорил: — Ведь мой дом отныне там, где ты.

Приближаясь к обычно тихому дворику, где когда-то высокая рябина дарила успокоение и придавала сил остановившимся, молодые люди ошарашенно застыли на месте. Бурное перешёптывание мирных жителей и спокойно-приказной тон военных льдом покрывали бегущую по венам кровь. Не церемонясь, рыцарь грубо выцепил из пробегающего отряда стражей последнего парня.

— Маркус О Де Фоль. Что происходит?

Стражник, услышав быстро разлетевшиеся по войсковым частям Ассаада знаменитые имя и фамилию, быстро доложил положение дел.

— Разыскиваются по меньшей мере шесть человек. Были замечены в одежде целителей и сейчас находятся на территории Ассаада. Предположительно причастны к смертям в госпитале и к... нападению на Ассаад. Предположительно маги.

— Их местонахождение?

— Никто точно не знает. Уже отправилось несколько отрядов стражников, усиленных

магами, к главным и южным воротам города.

— Никто ещё не возвращался с докладом?

— Нет.

— Ступай.

Стражник поклонился и моментально рванул к своему отряду. Ян позади замешкался.

— Не говори, что собираешься последовать за ним.

— Нет. Сперва нужно наведаться к Волибору. Он явно располагает большей информацией.

Пройдя через небольшой двор, парни открыли входную дверь временного военного штаба. Поднимаясь по лестнице, Ян никак не мог согласиться с действиями мечника, хоть и осознавал свою трусливость в данный момент. Наримец мог буквально почувствовать рвущиеся наружу пылкие намерения друга, что в скором времени могли похоронить его. Ян, как и все ассаадцы, стремился помогать и помогал выстоявшему государству, чем мог, из последних сил вливая в выживших понемногу разгорающуюся энергию.

И всё же жизнь Маркуса была ему дороже.

— Маркус, остановись. Ты опять заперся в своём старом мире. Ты вновь отдаляешься от меня.

Задержавшись на мгновение перед знакомой дверью, за которой уже никогда не будет стоять сомневающаяся в каком-то своём решении женщина, рыцарь провёл длинными пальцами в кожаных перчатках по гладкой поверхности древесины. Судорожный вздох вырвался сам собой.

— Как видишь, был ли я с ними любезен и добр или сух и безразличен, жизни им это не спасло, — приоткрыв дверь, северянин крепко сжал медную ручку и шагнул внутрь одной ногой. — Хоть теперь никакими жертвами их не вернуть, я могу, как минимум, не допустить новых.

Побоявшись взглянуть прямо в глаза своему Мастеру, рыцарь посмотрел на свои руки, после чего сжал их в кулаки. Сердце успокоилось.

— Это были последние похороны, причиной которых я стал.

Маркус закрыл за собой дверь.

* * *

— Вот уж не думал, что главнокомандующий войсками Ассаада, сам Радиф Сальва, почтит меня своим присутствием, — в голосе сквозила грубая насмешка. — Глубоко польщён.

Серго сильнее сжал руками гибкую шею и с неприятным хрустом добил бьющуюся в тщетных попытках освободиться жертву. Бесчувственное тело полетело на землю, разбавляя собранную коллекцию одинаковых, как набор оловянных солдатиков, трупов стражников, прекрасным женским телом. Мужчина сладко улыбнулся.

— Сукин сын, — вытащив плавным движением меч, Радиф наставил на противника острое оружие. Лейла, стоявшая чуть поодаль, схватила за рукав разгорячённого воина.

— Ты разве не видишь, что твои подчиненные грудой мёртвых тел валяются у его ног?

— Именно как их командир я должен отомстить за них.

— Как ты дослужился до своего звания? Эти мёртвые тела должны послужить наглядным предостережением, что, ввязавшись в борьбу без предварительного плана и необходимых сведений, ты закончишь точно так же. И даже я не смогу тебе помочь.

Ради́ф недово́льно оскалился, сбрасываясь с себя чужую руку.

— И что предлагаешь делать? Просто дать ему спокойно уйти?! Не в мою смену, — тяжёлые шаги глубоко отпечатывались на земле. Серго, упивающийся яростью в чужих глазах, радостно разминал шею, щёлкал костяшками кулаков. Пришло время по-настоящему повеселиться. — Твоё дело лечение, целитель. Остальное предоставь мне.

Нахму́рив брови, Сазон тихо проклинала свалившийся на её голову город, кишачий разными магами, но всё же поплелась вперёд к неизвестно живым или мёртвым стражникам. Не будь это прямым приказом начальства, сейчас бы её светлая голова уже находилась на пути к Комешэх. Отмщение это было или же борьба за свободу, ничто не вызывало в ней эмоций, если они не были подкреплены золотой монетой.

Пока седовласая как можно незаметнее подбиралась к еле дышащим воинам, готовым испустить дух, двое мужчин, сцепившихся в схватке за жизнь, медленно подходили к обрывистому склону, где один неверный шаг мог закончиться быстрой смертью. И лучше бы только одной.

Обернувшись на опасно балансирующих на краю обрыва врагов, Лейла достала привычно согревающее внутреннее солнце и стала прикладывать родной артефакт к сердцам отдавших Ванабавлу душу людям. Надежды практически не оставалось. Пришло время крайних мер.

Поднявшись с колен, Лейла достала из заднего кармана брюк невесомые перчатки из металлической сетки, что покрывали собой большой, указательный и средний палец. На запястье они переходили в тугой браслет, с внутренней стороны руки закрывающийся на двойную заклёпку. Вдоль обеих сторон ладоней проходила широкая полоса, плотно удерживающая перчатки на руке. Кончики пальцев плавно переходили в металлические ногти, наточенными остриями устрашавшие окружающих. Следом за перчатками в дело пошли простые серые очки, что своими затемнёнными линзами погружали во мрак окружающий мир. И спасали от грядущего представления.

Как следует натянув перчатки, целитель как можно устойчивее встала на ноги, расставляя их на ширину плеч, и немного согнула колени. Быстро растирая затвердевшие руки, она целенаправленно добивалась необходимого ей трения, и тогда, прочувствовав телом нужный щелчок, резко хлопнула в ладоши. Это была именно та исключительная магия Целителей, за что они были свергнуты и вновь воздвигнуты одними и теми же существами — людьми.

Подобно маленькому куполу, лёгкое свечение пронеслось из перчаток Сазон, холодными искрами расщепляясь и кружа по воздуху. Искры становились всё больше и ярче. Пучки света соприкасались друг с другом тонкими зарядами капризного электричества, точно создавая безобразные паутинные нити.

Отвлёкшись на развёртывающуюся у него на глазах магию, Серго вяло отклонился вбок, частично принимая стремительный выпад Ради́фа.

— Смелости хватает, чтобы посметь отвернуться от стоящего перед тобой врага? — Алые капли незатейливо растекались по гладкому мечу и тут же разлетались в разных направлениях, скинутые резким движением разъярённого меченосца. — Может, я и хочу твоей смерти, но желаю, чтоб такой выродок мучился до самого конца. О лёгкой смерти можешь и не мечтать.

Остробород в ответ на его слова лишь ухмыльнулся.

— Могу лишь согласиться с высказыванием о смелости. Что до остального, боюсь, вам

придётся встать в очередь. Хочу лишь предупредить, что все мои «ярые фанаты», к великому моему сожалению, долго не живут, — вытащив из маленького кармашка на кожаных оковах пилюлю, в которой под тонкой оболочкой точно плескался расплавленный свинец, вторженец проглотил её целиком. — Не хочу прерывать наш занимательный разговор, однако, у меня появилось одно неотложное дело.

Главнокомандующий ринулся вперёд, желая раскромсать болтливую недоноска на куски, как перед глазами, подобно раскалённому стеклу, пронеслась искрящаяся линия громающего разряда электричества. Длинные, под пять метров, жгуты света лихорадочно били по всем подвернувшимся поверхностям, поднимаясь высоко в воздух вместе с удушливой пылью улиц. И этим слепящим фестивалем руководила целительница.

— Что ты творишь? Хочешь нас всех разом угробить?! — прокричал куда-то вперёд Радиф, прищурив глаза от яркого света.

Единственная цель Сазон — Серго, которого она хотела сбить своим электричеством, скребущим маниакальным смехом, выводила женщину из себя и ускользала из поля зрения под тяжёлые сердцебиения целителя.

— Спасая жизни твоих товарищей, а заодно и наши. Кто-нибудь уже наверняка увидел призывные молнии и спешит на помощь, — неподдающаяся контролю мелкая искра вырвалась из-под плена металлических перчаток и вылетела точной струёй энергии, слегка задевая щёку вовремя отклонившейся вбок целительницы.

Хоть эта крайняя мера была не из приятных, она сочетала в себе те необходимые приёмы, что позволяли целителям почти всегда выходить невредимыми из любого сражения. Первое — искусственные разряды, что тонко настраивались энергетическими каналами магов при помощи перчаток, могли вновь привести в движение чуткий механизм сердца, что был выведен из строя внешними факторами. Второе — разрастающиеся в разные стороны столбы света привлекали внимание людей за десятки метров, что нередко использовалось в качестве сигнального огня. И последнее, третье, — молнии, подобно капкану, не выпускали тех, кто находился внутри сферической оболочки, но при этом и никого не выпускали, чем и хотела воспользоваться Лейла.

За Радифа Лейла не беспокоилась, даже если бы тот ненароком погиб. Она беспокоилась за себя. Мысль о возможности погибнуть в этой дыре приступами рвоты отзывалась в содрогающихся стенках желудка. Целитель вытащит за шиворот этих полумертвецов с того света и заставит защитить себя, даже если ей придётся для этого попотеть.

Взяв под контроль пару тонких светящихся нитей и потеряв их друг о друга, пока они не распались на десятки тончайших, Сазон аккуратно опустила на колени рядом с валяющимся у её ног пареньком. Прижав полные живой энергии перчатки к замершей грудной клетке, страж жизни надавила нитями электричества на холодные тряпки, под слоями которых хранилось сокровище всех живых существ — алое сердце. Медленно вводя в тело юноши малое количество инородной магии, Лейла обхватила подстраивающимися импульсами ослабевший насос крови, с каждым тихим тактом которого древнее волшебство отзывалось новыми вспышками.

Угасающий стук — вялый разряд, трепыхающийся стук — восстающий разряд, разгорающийся стук — увядающий разряд. И слабое равномерное дыхание.

— Могу ли я назвать себя счастливым, раз увидел богоподобное спасение? — Серго стоял в четырёх метрах, сгущая лавирующую меж смертоносными лозами разрядов. Прямо за

стеной переливающейся светом защитной клетки. — Всегда видел лишь обратное явление, поскольку сам был его инициатором. А тут такое невиданной красоты волшебство.

Лейла крепко стиснула челюсти. Не нравился ей его слащавый тон.

— Жаль только, это ненадолго.

И это не были пустые слова.

Сделав уверенный шаг вперёд, остробород прошёл под ливнем молний, что насквозь пришибли высокую фигуру от головы до пят. Сазон вперила взгляд в мужчину, ожидая, что тот свалится на землю грудой запёкшегося мяса. Но ничего не произошло. Мужчина неподвижно постоял на месте, неотрывно глядя на женщину, после чего в своей небрежной манере направился в её сторону.

На секунду позабыв, как дышать, Лейла застыла на месте, всматриваясь в черты безликого палача. Из состояния ступора её вывел настойчивый крик.

— Сазон, беги, веником тебя дери!

Выйдя из оцепенения, целитель тут же призвала все молнии обратно к себе, скручивая их в густой клубок, затем растягивая его в овальный щит. Яркость осязаемой защиты ослепляла глаза, а твёрдая поверхность острыми стрелами пронзала тело женщины.

Серго остановился в шаге от Лейлы и грустно, почти сочувственно ухмыльнулся.

— Близо, но недостаточно, — пропитанное электричеством острие тёмного меча лишь на мгновение промелькнуло перед глазами Лейлы и тут же скрылось за красной накидкой, пробивая живую плоть. Не в силах сделать и краткого вдоха, целительница дрожащими руками оборвала потрескивающую защиту, что никогда не давала сбоев. До сего дня.

— Что, хочешь посягнуть на жизнь целителя? — вцепившись в отдающее нестерпимой болью место, что на пару миллиметров отделяло Лейлу живую от мёртвой, седовласая направила регенерирующие потоки в район сердца. Полупрозрачные рисунки слабо заиграли на лице. — Совсем не боишься расправы Его Светлости? Он просто так это не оставит. Ты покушаешься на жизнь целителя, а не какого-то простого жителя.

Медленно вытягивая из себя ледяную сталь, Сазон теплыми каплями крови пачкала алые одежды, придавая им густой, глубокий темно-бордовый оттенок. Чувствуя всё уменьшающееся давление в теле, женщина заметила впереди бегущего к ним Радифа.

— Ах да, совсем забыл, — резко прервав речь Лейлы, Серго лениво вытащил из кармана брюк дорогой кiset и швырнул его на пол. Золотые монеты с игристым перезвоном ударялись друг от друга, выкатываясь из приоткрытого мешочка и падая на пыльную землю. Лицо действующего представителя Целителей всех четырёх континентов, Аликади Изгали, расплылось в торжествующей улыбке, — он просил передать вам это.

Не дождавись, пока женщина полностью вытащит из себя меч, посланник Светлости без капли сомнений пронзил тело женщины отполированным лезвием вновь и ненадолго задержал его там, прежде чем со злорадным удовольствием вытянуть обратно. На этот раз исполнив свой долг.

— Надеюсь, на том свете они вас так не подведут.

Так очередной человек навзничь свалился на землю, разбавляя собранную коллекцию точно на подбор собранных оловянных солдатиков прекрасным женским телом. В этот раз в отличительных красных одеждах.

А холодное золото утопало в растекающейся по земле луже ярко-красной крови.

Рванув в сторону молний, что помимо дребезжания в воздухе привлекали ещё и тусклым свечением, супружеская пара столкнулась с отрядом стражей, что двигался в том же направлении. Они присоединились к последнему ряду воинов, но тут же были замечены одним из мечников.

— Зачем вы следуете за нами? Неужто тоже собираетесь сражаться? — молодой человек в военном обмундировании с сомнением посмотрел на выглядывающий из ножен меч мужчины, лук и стрелы за спиной женщины. Не услышав от пары слов отрицания, мечник устало вздохнул. — Что будете делать, кроме как мешаться под ногами? Вы хотя бы раз участвовали в настоящем бою?

Вместо того, чтобы стыдливо отвести взгляд, женщина упрямо смотрела на незнакомца и ни на шаг не отступала от своих намерений.

— Нет, не были. Но не раз участвовали в охоте на волков.

Воин сурово ответил:

— И вы сравниваете ловлю волков с реальным сражением с врагами, где погибают сотни подготовленных людей?

— А разве есть какая-то разница? Все одно, борьба с животными.

Страж раздраженно прикрыл глаза.

— Если так спешите распрощаться со своей жизнью, то делайте это в одиночестве. Там, где это не смогут увидеть другие, — стражник медленно развернулся в сторону скрывшихся из вида воинов. — Если вам всё же хватит смелости, то продолжайте бороться за жизнь. Найдите в себе источник, что, несмотря на вашу потерю, вернёт вам смысл жизни.

Мужчина сделал полшага вперёд.

— Но откуда вы узнали о потере? Не уверен, что знал вас до этого.

— А мы и не знакомы, — подтвердил стражник. — Но разве осталась хоть одна семья на землях Ассаада, что не понесла бы утрату? Все, в большей или меньшей степени, но лишились кого-то.

Супруги медленно опустили взгляды, переосмысливая слова стража.

— Если каждый, потерявший близких, захочет свести счёты с жизнью, то, боюсь, к завтрашнему дню в Ассаде не останется ни одной живой души, — эта мысль страшила молодого человека больше всего. Как за такой краткий миг новое государство, что воздвигалось тяжкими трудами в течение долгих лет, могло разрушиться от зажжённой спички. Нет, они должны выстоять. В память о погибших. — Именно поэтому, если действительно хотите помочь Ассааду, присматривайте за пострадавшими, которым не хватило места в госпитале. Окажите поддержку сиротам, что остались совсем одни. Просто будьте. Целы, невредимы и живы. И помните, что многим другим такого счастья не досталось.

Глядя вслед удаляющемуся стражнику, который отправился вслед за товарищами, супруги запечатлели в сердце эти стискивающие болью слова. Хоть они и не могли мгновенно изменить свои суждения, мужчина и женщина стали чуть ближе к той цели, которой потерянный ими ребёнок мог бы радостно улыбнуться.

Разворачиваясь в сторону дома, супруги наткнулись на потерянню бродящих по городу девушек. Болотного цвета накидки наполовину скрывали их лица, а сапоги с двойной подошвой, что доходили до колена, были измазаны в сухой грязи. Встретившись с супругами взглядом, невысокая девушка с чёрными волосами и глазами быстрой походкой направилась к паре.

— Что здесь произошло? — настойчиво произнесла она. — Только полтора месяца назад всё было в порядке.

— Пару дней назад произошло нападение. Сначала город охватил огонь, потом вторглись враги, — мужчина вышел вперед, прикрывая спиной жену. Рука незаметно потянулась к мечу. — Как и сейчас.

— Так вот отчего эти молнии, — судорожно начала вслух размышлять незнакомка и вдруг резко обернулась в сторону идущей следом за ней спутницы. — Разве это не должно было произойти завтра?

Подошедшая девушка с тёмными волосами, собранными в тугую длинную косу, внимательно огляделась по сторонам. Разгромленный вид города говорил сам за себя.

— На этот счёт мы просчитались, но мы всё ещё можем успеть, — крепко взяв подругу за руку, она направилась в центр Ассаада. Там точно должны были оказаться оставшиеся главы города.

— Подождите, о чём вы? — вышла вперёд женщина, которая до этого лишь тихо следила за непонятым для неё разговором. — Можете успеть сделать, что?

Девушки нерешительно переглянулись.

— По нашим сведениям, на Ассаад было запланировано два нападения. И первое должно было произойти завтра. Но, как вы видите, события намного опережают планы, — черноглазая взглянула в сторону главных ворот. — Не исключено, что в скором времени сюда прибудет вторая волна, раз мелкие вспышки уже прошли по городу. И поверьте, если в первый раз они оставили в живых хоть кого-то, то в этот раз убедятся, чтобы никто не дожил до завтрашнего дня.

Супруги заметно напряглись.

— И почему мы должны вам верить? Вы вполне можете оказаться на их стороне.

— Тогда какой нам прок рассказывать это? — сжав кулаки, черноглазая изо всех сил сдерживалась, чтобы не натворить дел раньше времени. Она сочувствовала жителям Ассаада, но, когда на кону ещё больше человеческих жертв, нужно действовать незамедлительно. — И есть ли у вас сейчас такая роскошь, как время и выбор? Я в этом крайне сомневаюсь.

Мягко взглянув на черноглазую, вторая девушка успокаивающе положила ей руку на плечо. Та лишь стиснула губы.

— Прежде всего, мы направляемся к главе города объяснить всю ситуацию. Если хотите, можете пойти с нами, но надо поторапливаться.

— Кто вы такие и откуда пришли?

Одна из девушек вышла вперёд.

— Вы когда-нибудь слышали о повстанческой организации Домабаш? — сняв с головы плотный капюшон, черноглазая смахнула с лица лезущую в глаза чёлку. Брошка с ползущей по дереву ящерицей промелькнула на лацкане пиджака под накидкой. Чёрные глаза излучали уверенность, граничащую с наглостью. — Я — племянница одного из пяти генералов альянса Домабаш, Соня, Рвущая стрелы.

* * *

— Очередной взрыв, — Фоат нёс на спине рыжеволосого юношу, вдруг остановился и обернулся вполоборота. — Помолимся, чтобы это был не Серго.

— Я же помолюсь, чтобы это был именно он, — полушёпотом произнесла преданная

девушка, следом топая за главой и прикрывая широким красным рукавом рот. Поймав на себе красноречивый взгляд главы отряда, Агнесса быстро убрала рукав от лица и виновато опустила взгляд. — Я уверена, что он выкарабкается, глава. В конце концов, это же Серго.

Розана устало прикрыла глаза. Из всех пятерых больше всего проблем доставлял именно Серго. За исключением тех случаев, когда София, в силу своего буйного подросткового возраста, сходила с ума вместе с Серго. В такие моменты от этого безумного дуэта страдала вся компания.

Командир никогда не знала, как лучше вести себя с подростками. И как бы она не отказывалась брать в свой отряд эту шумную девочку, Профессор настаивал на своём, убеждая, что никто не справится с Софией лучше, чем сама глава. После долгих уговоров Розана всё же сдалась под мольбами настойчивого мужчины. И теперь эта девочка вот уже несколько лет со всей любовью треплет нервы своей новой небольшой семейке.

— Что будем делать? Останемся ждать его здесь или отправимся вперед? — Фоат с беспокойством посмотрел на девятилетнего мальчишку, что тесно прижался к спине главы. Георгий мелко подрагивал с ног до головы, неловко улыбаясь старшим. Он не хотел приносить больше неудобств, чем те, что он доставлял уже одним своим присутствием. Розана внимательно посмотрела на мальчика, после чего кивнула, как бы соглашаясь со своим решением.

— Возвращаемся на северную базу. Серго справится сам.

Сняв с себя чужую робу, женщина поочерёдно взяла у товарищей одеяния целителей и соединила их меж собой за рукава, сформировав длинную красную цепь. Легко опустившись на колени перед мальчиком, Розана взяла обе его ручки в свои ладони и тепло подула на них.

— Сможешь запустить их в воздух?

Георгий активно закивал головой в привычной скромной ему манере. Розана мягко улыбнулась.

— Тогда запусти их в воздух и нарисуй ими большой ровный круг. Прodelай это три раза и сможешь опустить их обратно вниз, — положив кучку одежды перед мальчиком, глава отошла назад на несколько шагов, предоставляя тому свободное пространство. Другие последовали её примеру.

Крепко зажмурив глаза, Георгий представил, как будто ветер был его другом, а стопка плащей была не тяжелее тополиного пуха. Сначала соединив ладошки вместе и затем постепенно отдаляя их друга от друга, он представил вымышленный пустой шар, что был не толще листка бумаги. Впустив в него красные плащи, юный маг медленно начал поднимать в воздух хрупкую конструкцию, что грозила сломаться под натиском быстрых ветров Ассаада и упасть вниз. Но мальчик продолжал упорствовать и даже смог поднять все вещи на высоту трехэтажного дома.

— Ещё выше? — руки юного мага дрожали всё больше. Перед глазами мелко рябило. София тихо подошла со спины, безмолвно предлагая свою помощь.

— Совсем немного. После можешь начать делать круг.

Крепко стиснув бледные губы, Георгий поднял невидимый шар ещё на полметра и перевёл учащённое дыхание. Дело оставалось за малым. Распрямив по длине ворох плащей, ветер сформировал из них широкий круг, что был бы заметен каждому за десятки метров. Мальчик весело рассмеялся своей удаче.

— Смотрите, совсем как воздушный дракон!

Красное солнце неспешно кружилось в душной тишине под призывный вой ветра. Вся

компания, за исключением пребывающего в бурном восторге мальчика, устремила тяжёлые взгляды на горизонт.

— Да, совсем как воздушный дракон, — одними губами произнесла глава, неотрывно наблюдая за тем, как на другом берегу разгорались сотни огней, что, наконец, дождались своего боевого клича. — Совсем как воздушный дракон.

* * *

За последний час центр Ассаада успел стать пристанищем груды тел. Пугающе спокойных и неподвижных. А тем временем у главных ворот защитники города с каждым взмахом меча по метру отвоевывали захваченные ранее земли островного государства.

Посреди этого ужаса маячила одинокая фигура, что безуспешно старалась отделиться от пустых физических оболочек, что больше не воспринимали себя частью живого мира. Только не сейчас, когда мёртвых было больше, чем живых и уверенности в завтрашнем дне больше не существовало.

Суматошно передвигаясь в плывущей толпе, Ян маневрировал между незнакомыми людьми, которые не в силах были перенести повторного вторжения. Тех, кто уверенно вёл за собой ассаадцев, уже давно не стало. Сейчас они, неспешно влекомые спокойными волнами, благополучно переправлялись на другой берег — в края вечного покоя.

Единственным двигателем сопротивления в этой безликой волне стенаний был близкий наримцу человек, что с завидной скоростью плыл в сети гибели. Последний день прошёл в нехарактерном Маркусу пьяном угаре и беспамятстве. Тонкая полоса светлой жизни, что только начала образовываться с семейного воссоединения, резко оборвалась. Так на смену ей пришла новая — чёрная.

Бесконечный процесс самоистязания прекратился, стоило Яну заприметить до боли знакомую рябину, что за время разлуки, казалось, успела осунуться только сильнее. Это было то место, где он в последний раз виделся с напряжённо улыбающимся рыцарем перед вторым тревожным колоколом за последние два дня.

— Главное, чтобы он был жив. Я даже больше не буду жаловаться на его прилипчивый характер, — стараясь отогнать тревожные мысли, что разбивались друг об друга, крошились на мелкие кусочки и, подобно песку в полосе прибоя, вновь и вновь наслаивались друг на друга, Ян медленно погружался на дно, чувствуя свою беспомощность и от этого впадая в панику. Он только познакомился и в мгновение ока распрощался с главой семейства О Де Фоль, с дочерью Волибора и Лады. Увидеть на смертном одре ещё и Маркуса было выше его сил. И пугающе осуществимым.

— Более того, ты дал мне нерушимое слово рыцаря. Маркус, ты будешь последним мерзавцем после того как самоустранишься после пары недель поганого служения, — подступающая к горлу истерика полукриком вырвалась на свободу. — Слышишь? Я тебе этого не прощу!

Правую лопатку обожгла зверская боль.

— Не простишь чего? — обернувшись, Ян увидел знакомое лицо, светящееся от лихорадочного куража.

Слипшиеся пряди его волос были темнее привычного. Расширенные зрачки, как у сумасшедшего, смотрели на мир, словно через легкую дымку дурмана. Внутренняя жилетка промокла насквозь не в попытке защитить Ассаад, но выплеснуть бурлящие внутри гнев и разочарование. Всего этого можно было не замечать. Только сегодня, лишь на день, Ян

закроет глаза на состояние друга, если рыцарю это поможет.

— Твоего безответственного поведения, — завидев живого мечника, Ян заметно успокоился. — Посреди собрания ты стремглав выбежал из комнаты и никому не удосужился сообщить, куда направляешься. Волибор себе места не находит.

Маркус медленно начал остывать под обеспокоенным взглядом наримца. Залёгшие под глазами тени с каждой краткой встречей становились всё заметнее.

— Вряд ли бы в небе над главными воротами без особой на то причины возник огромный красный шар. Я должен был проверить одну теорию. Времени было в обрез, а объяснять это старейшинам и вовсе было бы опрометчиво. Если бы я не успел прибыть на место вовремя, всё бы могло закончиться намного плачевнее. Вражеские отряды уже подходили, так что я был первым, кто вызвал стрелковые отряды, — Маркус развёл руки в стороны, пожимая плечами. — Можно сказать, я сделал одолжение главе Ассаада.

Ян продолжал неотрывно смотреть на Маркуса, прожигая в нём взглядом десятки новых дыр. Попытка плавно сменить тему и разрядить обстановку окончилась провалом.

— Прямо сейчас мы поднимемся к Волибору, прежде чем он двинется в новый бой. Лучшей возможности у нас не будет, — разворачиваясь к трёхэтажному серому зданию, Ян почувствовал, как сильная рука крепко сжала его запястье. Злость медленно охватывала юношу. Бурлящая лава в недрах сознания вот-вот готова была вылиться через край трещавшего по всем швам самообладания.

— Подожди, я лишь пришёл за подкреплением. И задержался возле тебя только затем, чтобы перенести время моей гибели от твоих рук на другой день, — мечник неловко рассмеялся, не смея взглянуть Мастеру прямо в глаза.

— Маркус, — изо всех сил резко выдернув руку, Ян напряжённо надавил на лицо подушечками пальцев, погружаясь в мимолетную тишину, и глубоко вдохнул, — пойдём к Волибору. Пока я по-доброму тебя прошу.

— Я знал, что ты будешь страшно зол, но ты только выслушай ме...

— Нет, — прервал мечника Ян на полуслове, — это ты выслушай меня. Я всегда считался с твоим мнением. Сейчас настало твоё время. Свои недовольства будешь излагать по пути. Идём.

Маркус неподвижно стоял на месте. Глаза неизменно смотрели в пол. Руки сомкнулись в кулаки. Слова застряли в горле.

— Неужели нам действительно так необходимо выяснять отношения прямо сейчас? — не дождавшись ответа, маг развернулся на пятках к двери. — Делай, как считаешь нужным. Ты больше не в ответе передо мной.

Ян не впервые неосознанно повышал тон на рыцаря, и каждый раз при этом сердце северянина обливалось кровью. Вместе с тем он понимал, что безразличный к нему человек ни слова бы ему не сказал, тогда как наримец без особой подготовки спокойно мог на протяжении часа читать рыцарю вдохновлённые им же нотации, чему Маркус радовался в тайне, дабы не раззадорить и так разгневанного Яна.

Печально усмехнувшись своим мыслям, рыцарь только и успел шагнуть в сторону разъярённого Мастера, как совсем рядом прозвучали два высоких звука — стрел.

— Клянусь, ещё одна твоя выходка и... — Ян вдруг замолчал.

Маркус всё так же стоял позади него с ничего не выражающим выражением лица. Секунды неспешно текли, и только спустя долгую минуту рыцарь недоумённо поморщился, не веря в иронию судьбы, что настигла его так не вовремя. Кто-то явно проклял его за все

земные грехи, лишая возможности побыть, наконец-то, честным и в меру свободным.

Ян, сдерживая неровное дыхание, подошёл к северянину и взглянул в его каменное лицо. Желваки напряглись, вены вздулись, зрачки расширились. Обойдя мечника, наримец замер в полушаге. Сердце предательски пропустило удар. Две длинные зазубренные стрелы с металлическим переливом оперений на конце пронзали спину рыцаря.

Пошатнувшись, Маркус камнем рухнул наземь, ломая прочные стрелы у самого основания и тем самым вгоняя их только глубже в тело. Даже стальная кольчуга не могла гарантировать безупречную защиту.

— Маркус, — Ян в ужасе смотрел на стремительно бледнеющее лицо друга, что выглядело так неестественно по сравнению с золотым загаром северянина. Страх вышиб весь воздух из лёгких.

За прикрытыми веками рыцаря мелко подрагивали глаза. Синяки под ними создавали идеальный сероватый ореол. Шея покрылась легкой испариной. Руки скорее рефлекторно, чем осознанно, прикрывали место, которое должны были пробить стрелы, но к счастью, не смогли.

Стараясь хоть как-то уменьшить нестерпимую боль, Маркус сжимал обветрившиеся губы, стараясь переключиться на другой источник боли.

— Маркус, слышишь меня? Ты не беспокойся, сейчас я приведу подмогу, и они быстро осмотрят тебя, — успокаивая скорее самого себя, Ян наполовину истерически, наполовину слёзно выговаривал слова. — Ты, главное, не сдавайся раньше времени, хорошо? Я тебя умоляю.

Ответа не последовало. Мечник едва заметно кивнул, пытаясь сохранить крохи ускользающих сил. Голова пустела с каждой минутой, а непрошенный сон горячо желал сморить рыцаря. Держась лишь за стойкое желание выжить, Маркус царапал вымазанными в грязи ногтями кольца кольчуги, туда-сюда лавируя меж открытыми створками врат жизни.

Опомнившись, Ян побежал в направлении переполненного госпиталя, глазами выискивая перебегающих из стороны в сторону врачей, на ходу бубнивших что-то себе под нос. Бросившись к ближайшему из них, Ян умолял его пойти в сторону военного штаба, уверяя, что Маркус О Де Фоль при смерти, и дорога каждая секунда. На что тот лишь сух ответил, что поле боя сплошь усыпано десятками таких же людей. И что каждому из них, увы, не помочь. Вцепившись в белоснежные рукава, Ян смотрел на врача, который беспомощно мотал головой. Проследив за потухшим взглядом мужчины, наримец обратил внимание на открытые двери госпиталя, через которые были видны длинные коридоры, плотно забитые стонущими от боли воинами.

Место, что должно было подарить надежду, с корнем вырвало её. Не желая принимать разворачивающуюся реальность, юноша неизбежно вернулся к неизменной точке встреч, что одинокой рябиной встретила несчастного мага. Маркус устало смотрел на серое небо. Увидев бегущего к нему наримца, мечник вымученно улыбнулся.

— Слушай внимательно. Не думаю, что смогу подшутить над тобой лучше, чем сейчас.

Собираясь с мыслями, Маркус подмигнул Яну в своей привычной манере. Как делал это всегда. В вечно игривой форме, строя из себя ловеласа из сопливо-романтической книжки. Надоедая, раздражая, приводя в гнев. Отбросив игры в неудавшегося главного героя, рыцарь на секунду прикрыл глаза и вновь посмотрел на близкого человека, кто с треском разрушил привычный уклад жизни северянина. На человека излишне осторожного, заботливого, жизнелюбивого. Человека, кто стежок за стежком медленно распускал нитки, которыми

наспех была зашита душа закрытого для мира мечника. Нитки, что успели пропитаться человеческой гнилью, алчностью и безжалостностью. Бережно раскрывая старые раны, Ян без особых усилий нанёс бальзам на опустошённую душу, избавляя Маркуса от ужасов прошлого, не дающих спокойно заснуть по ночам.

Рыцарь тускло улыбнулся.

— Я благодарен, что даже такому человеку, как я, удалось повстречать личность, чья преданность принципам и готовность защищать людей, даже абсолютно незнакомых, вызывает восхищение. Чьи слова не разнятся с действиями. Чья вера в людей, временами слишком глупая и наивная, не отталкивает, но вызывает желание увидеть мир её глазами. Чья неиссякаемая энергия и желание двигаться вперёд побуждает азарт и светлую зависть.

Звуки затихли, запахи растворились. Окружающий мир медленно выцветал, возвращаясь к началу бытия — свету и тьме.

— Я бы отдал всё, чтобы пройти этот путь с тобой до самого конца. Но самое ценное, что у меня есть, моя жизнь, и та уже непригодна для этого. К сожалению, другой разменной монеты, помимо этой потасканной, у меня нет. Поэтому, Ян, как бы ни был тяжёл твой путь, знай, что он единственно верный, — улыбка мечника меркла, как меркнет догоревший уголёк. Распадаясь и холодея. — Мужайся, прекрасная принцесса. Уверен, что на помощь помимо меня прискачет другой рыцарь на белом коне.

Обещание, данное отважным рыцарем Мастеру, мыльными пузырями развеялось по ветру. Ведь смерть всегда дышала в спину мечника.

Больше книг на сайте - Knigoed.net